

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Юридический факультет
Направление 40.04.01 Юриспруденция
Судебная защита прав и законных интересов
Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сборник научных статей

Тверь, 2023

УДК 347.926(082)
ББК Х71я43
П 70

Под общей редакцией
кандидата юридических наук, доцента,
доцента кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности
Тверского государственного университета
А.С. Фединой

П 70 Проблемы судебной и правоохранительной деятельности: сборник научных статей. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2023. – 144 с.

В статьях, опубликованных в настоящем сборнике, приведены результаты исследований, выполненных студентами магистратуры под научным руководством преподавателей кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета.

Тематика статей очень разнообразна и охватывает многие актуальные проблемы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: судебное представительство, участие прокурора в гражданском процессе, приказное производство, исполнительский иммунитет, судебное доказывание и доказательства, судебная защита избирательных прав, пересмотр судебных постановлений и др.

Сборник предназначен для студентов и аспирантов юридических вузов, а также может быть полезен для научных работников и юристов.

Статьи представлены в авторской редакции.

Сборник рекомендован к опубликованию заседанием кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности от 22 февраля 2023 г. № 6.

УДК 347.926(082)
ББК Х71я43

© Тверской государственный
университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
<i>Акимов А.Д.</i> ИМУЩЕСТВЕННЫЙ ИММУНИТЕТ В ОТНОШЕНИИ ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛЬЯ ДОЛЖНИКА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ.....	6
<i>Алексеева Е.С.</i> К ВОПРОСУ СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	12
<i>Баринова А.А.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА НЕЗАВИСИМОСТЬ И БЕСПРИСТРАСТНОСТЬ СУДЬИ.....	16
<i>Белякова Т.С.</i> НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ, МИРНЫЕ СОБРАНИЯ, МИТИНГИ, ДЕМОНСТРАЦИИ, ШЕСТВИЯ И ПИКЕТИРОВАНИЯ.....	25
<i>Белякова Т.С.</i> УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕШЕНИЙ, ДЕЙСТВИЙ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ, ИНЫХ ОРГАНОВ, ОРГАНИЗАЦИЙ, НАДЕЛЕННЫХ ОТДЕЛЬНЫМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ИЛИ ИНЫМИ ПУБЛИЧНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ, ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ.....	31
<i>Бикмурзина О.Р.</i> РОЛЬ ИНСТИТУТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ.....	37
<i>Богачева Е.А.</i> РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ.....	44
<i>Богданов А.С.</i> ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ.....	50
<i>Викулова В.А.</i> О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК СТАДИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА.....	52
<i>Гладилин Д.А.</i> ПРОВЕДЕНИЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ГОСПИТАЛИЗАЦИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ.....	57
<i>Голубева А.И.</i> ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	67

<i>Долгий Д.М.</i> ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	70
<i>Ермаков В.О.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ТРЕБОВАНИЯМ О ВЗЫСКАНИИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ И САНКЦИЙ.....	77
<i>Звездина Е.А.</i> ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	81
<i>Лёдов М.В.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ГРАЖДАНСКОМУ ДЕЛУ.....	85
<i>Лутик Н.А.</i> О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА.....	87
<i>Мельникова Н.С.</i> ОБРАЩЕНИЕ ПРОКУРОРА С ИСКОМ В ЗАЩИТУ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	90
<i>Некрасов В.О.</i> СООТНОШЕНИЕ ВИДОВ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В АРБИТРАЖНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	94
<i>Салахутдинова К. А.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРОКУРОРОМ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КРУГА ЛИЦ.....	104
<i>Симадонова Е.Д.</i> ЗАКОННОСТЬ И ОБОСНОВАННОСТЬ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ.....	112
<i>Тагиров Л.Р.</i> ОБРАЩЕНИЕ СУДЬИ С ЖАЛОБОЙ В ДИСЦИПЛИНАРНУЮ КОЛЛЕГИЮ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ.....	117
<i>Харченко А.В.</i> ЯТРОГЕНИЯ КАК МЕДИКО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА.....	121
<i>Цветкова Е.И.</i> ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВОБОДЫ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ.....	126
<i>Цветкова Е.И.</i> СУЩНОСТЬ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА.....	131
<i>Цветков Н.А.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ В ПОРЯДКЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	135
<i>Шадрин Н.Д.</i> К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРИЗНАНИИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ЗАВЕЩАНИЯ.....	140

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вашему вниманию предлагается сборник научных статей, выполненных студентами магистратуры под руководством преподавателей кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета. Тематика статей магистрантов в настоящем сборнике соответствует тематике выполняемой ими научной исследовательской работы и охватывает многие актуальные проблемы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: судебное представительство, приказное производство, исполнительский иммунитет, судебное доказывание, судебная защита избирательных прав, пересмотр судебных постановлений, защита интеллектуальных прав и др.

Возросшее число обращений в суд требуют подготовки большего количества специалистов для осуществления правосудия, оказания квалифицированной юридической помощи, сопровождения исполнительного производства с тем, чтобы судебная защита была более доступной и эффективной.

Обучение в магистратуре по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» определяет необходимость проведения студентами научного исследования проблем правоохранительной и правозащитной деятельности с учетом последних изменений законодательства, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также правоприменительной практики.

Проблематика научных статей магистрантов, представленных в настоящем сборнике, соответствует запросам изменяющегося процессуального законодательства и правоприменительной практики.

Все научные статьи в сборнике трудов магистрантов размещены в алфавитном порядке.

*Руководитель ООП 40.04.01 ЮРИСПРУДЕНЦИЯ,
программа "Судебная защита прав и законных интересов"
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности
Тверского государственного университета
А.С. Федина*

ИМУЩЕСТВЕННЫЙ ИММУНИТЕТ В ОТНОШЕНИИ ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛЬЯ ДОЛЖНИКА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

А.Д. Акимов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент А.С. Федина

В статье анализируются позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о возможности обращения взыскания на единственное жилье гражданина-должника с условиями реализации данной возможности судами с целью предотвращения злоупотребления правом должником и соблюдения баланса интересов кредитора (взыскателя) и гражданина (должника), при этом не нарушая реализацию конституционного права гражданина на жилище.

Ключевые слова: *единственное жилье, банкротство, гражданин-должник, исполнительский иммунитет, имущественный иммунитет, исполнительное производство, взыскание.*

Конституции Российской Федерации в ст. 40 устанавливает, что каждый имеет право на жилище, которого не может быть лишен произвольно. Тем не менее право собственности в целом, и право на жилище в частности, в том числе его неприкосновенность, хотя и имеют большое значение, однако не могут быть неограниченными. В некоторых ситуациях даже право на жилище может, а что важнее должно быть ограничено, включая законодательно, пишет Р.Т. Мифтахутдинов [4]. Подобным ограничением будет, например, взыскание по исполнительным документам, обращенное на жилье должника с целью удовлетворения требований кредиторов. Помимо особой поддержки и защиты государством права собственности, закономерное желание быть экономически развитым, создает необходимость обеспечения лучших условий для рыночного оборота всех его участников, снижения возможных издержек участников этого рынка, а также обязательное исполнение известного принципа «договоры должны исполняться», включая его судебную защиту. Одним из самых сложных вопросов будет соблюдение баланса между удовлетворением требований по долгам так, чтобы не нарушался конституционный принцип должника на разумную потребность в жилище. Помимо прочего, Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 26 апреля 2021 г. № 15-П видоизменил объем имущественного иммунитета гражданина-банкрота в отношении единственного жилого помещения или его части, пригодного для постоянного проживания гражданина-должника и членов его семьи совместно с ним проживающих.

Абзац 2 ч. 1 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации не допускает обращения взыскания по исполнительным документам на жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи оно является единственным пригодным для проживания. Исключением будет являться ипотека, при которой такое обращение взыскания допустимо по общим правилам. Это имеет место быть, так как

данное положение является развитием конституционной мысли о том, что никто не может быть лишен жилища в произвольном порядке. Однако проблемой является то, что при развитии этой мысли в гражданско-процессуальном праве, законодатель установил лишь общее основание о недопустимости взыскания единственного жилья, эффективное на первых порах, но имеющее свои недостатки в постоянно эволюционирующем обществе на протяжении длительного времени.

Пункт 3 постановления Пленума Верховного суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 закрепил, что «исполнительский иммунитет в отношении единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения, не обремененного ипотекой, действует и в ситуации банкротства должника (п. 3 ст. 213.25 Закона о банкротстве, абзац второй ч. 1 ст. 446 ГПК РФ)». Необходимо указать, что данная модель вызвала много вопросов и споров в юридическом сообществе, так, достаточно наглядным в связи с этим будет прецедентное дело № А71-16753/2017 Арбитражного суда Удмуртской Республики о банкротстве гражданина Д. Г. Стружкина. Тем не менее модель абсолютного имущественного иммунитета единственного жилого помещения (его части) гражданина-банкрота не является оптимально эффективной по причине того, что, не содержит в полной мере механизм сбалансированности конкурирующих ценностей в части обеспечения достойной жизни человека (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ), равенства всех граждан перед законом независимо от их имущественного положения (ст. 19 Конституции РФ) и неприкосновенности жилища (ст. 25 Конституции РФ).

Конституционный Суд РФ давно обратил внимание на проблему существования этого вида имущественного иммунитета с точки зрения баланса конституционных прав кредитора и должника (См. определения КС РФ от 4 декабря 2003 г. № 456-О, от 20 октября 2005 г. № 382-О, от 24 ноября 2005 г. № 492-О, от 19 апреля 2007 г. № 241-О-О, от 20 ноября 2008 г. № 956-О-О, от 1 декабря 2009 г. № 1490-О-О, от 22 марта 2011 г. № 313-О-О, от 17 января 2012 г. № 10-О-О.).

Как ранее отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова», достаточно формальный признак «единственности» жилья у гражданина-должника без учета характеристики указанного помещения, качественных показателей его обустроенности, рыночной стоимости, соотношения последней с размером предъявленной к гражданину задолженности и сопоставления указанных объективных характеристик (параметров) с правами и законными интересами кредиторов должника «не способствует эффективному разрешению конфликта конституционных ценностей между правом должника на жилище и правом взыскателя на судебную защиту (в том числе частной собственности)»

Судебная практика показывает, что заинтересованные лица нашли способы для злоупотребления своими правами в норме о недопустимости обращения взыскания на единственное жилье, принадлежащее должнику на праве собственности, так иллюстративным примером будет известное дело Поздеева. Поздеев обладал большой задолженностью и имел две квартиры на праве собственности (229 и 459,6 квадратных метра), из которых можно было удовлетворить требования кредиторов, и для того чтобы не допустить обращения взыскания на жилье, должник объединил две большие квартиры в одну, чем устранил возможность удовлетворения требований кредиторов из данного имущества. Суд, основываясь на достаточно формальных основаниях, все же признал требования должника обоснованными, соответственно исключив эту квартиру из конкурсной массы ссылаясь на недопустимость лишения единственного жилья, тем самым существенно ограничив права добросовестных кредиторов.

Однако на протяжении последнего времени Верховный Суд Российской Федерации принял ряд постановлений, которые конкретизируют имущественный иммунитет единственного жилого помещения (его части) гражданина-должника с учетом доктрины добросовестности участников хозяйственного оборота, отмечает Ю.С. Харитонов [6]. Так, в частности, когда доказано недобросовестное поведение несостоятельного гражданина-должника, что пытается уйти от выполнения обязательств по своим долгам перед кредиторами за счет злоупотребления моделью абсолютного имущественного иммунитета единственного жилья. К примеру, Верховный Суд Российской Федерации в определении от 29 ноября 2018 г. № 305-ЭС18-1724 по делу № А40-67517/2017 отклонил требование об исключении из конкурсной массы гражданина Фрущука А.В. пятикомнатной трехэтажной квартиры общей площадью 198 кв. м. Аналогичный подход прослеживаются в определениях Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04 февраля 2019 г. № 305-ЭС18-13822 и Верховного суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 305-ЭС18-13822(2). В данных судебных постановлениях, в первую очередь в определении Верховного Суда РФ № 305-ЭС18-1724, большой акцент уделяется тому факту, что если должником предпринимаются недобросовестные действия по недопущению реализации единственной квартиры для целей погашения установленной судом задолженности перед кредиторами, то действия такого должника необходимо квалифицировать как злоупотребление своим правом, что согласно статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации неприемлемо. Такая правовая конструкция фактически ограничивала абсолютный имущественный иммунитет единственного жилья гражданина-должника, закрепленный ч. 1 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, только лишь принципом добросовестности участника гражданского оборота, который выражался в повышенных требованиях к поведению гражданина, признанного судом банкротом, предполагающее открытое предоставление ими всех сведений о своем имущественном положении, включая информацию

о жилищных условий, кредиторам и финансовому управляющему, а также открытое взаимодействию с судом в рамках введенной в отношении гражданина процедуры банкротства.

Г.А. Гаджиев в своих работах делает акцент на том, что очень важным правилом применения норм частного права будет метод пропорциональности, включающий в себя баланс элементов разных идей гражданского права [3]. А.Е. Быков считает, что в попытках поиска баланс интересов и решения данной проблемы, Высшая судебная инстанция, начиная с 2003 г., озаботилась возникшей ситуацией [1]. Таким образом, в первых разъяснениях о допустимости обращения взыскания на единственное жилье, Конституционный Суд Российской Федерации весьма сдержанно отражал свою позицию, сдвигая баланс в сторону должников. Отношения в сфере несостоятельности, как и любые общественные отношения, очень динамичны, и со временем Конституционный Суд Российской Федерации постепенно сместил баланс в сторону кредиторов, причиной чего по большей части послужили злоупотребления должников своими правами.

Очень значимым стало Постановление № 11-П от 2012 г. Конституционного Суда Российской Федерации, которое посвящено указанной проблеме, в котором суд закрепил:

- а) разумную конституционную потребность каждого в жилище;
- б) необходимость учета интересов третьих лиц, проживающих в спорном жилье вместе с должником;
- в) обязанность законодателя внести изменения в правовое регулирование обращения взыскания на единственное жилье должника.

Обязательства, которые наложил суд, законодателем не были выполнены, а положение дел стало усугубляться. Так, права кредиторов часто нарушались, поэтому по истечении девяти лет, Конституционный Суд Российской Федерации счел необходимым принять меры самостоятельно, рассмотрев жалобу гражданина И.И. Ревкова. В этот раз суд уделил внимание следующему:

- а) исполнительский иммунитет на единственное жилье должника не является безусловным и на такое жилье может быть обращено взыскание;
- б) судам, при отступлении от принципа исполнительского иммунитета, необходимо учитывать соотношение рыночной стоимости жилья с величиной долга;
- в) обращение взыскания на единственное жилье не может вынуждать должника к изменению его места жительства (поселения), если последний сам не согласен на это;
- г) обязанность по внесению изменений в действующее законодательство сохраняется за законодателем в той мере, в какой оно было возложено на него судом в Постановлении № 11-П от 2012 г.

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации снова отказался от признания абз. 2 ч. 1 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации не соответствующей Конституции, оставив на

усмотрение законодателя. Очевидно, что вопреки позиции Конституционного Суда Российской Федерации исправить это положение экстренными мерами данная ситуация в законодательстве весьма неудовлетворительна, так как ощутимо меняет баланс интересов между кредиторами и должниками в пользу последних, и при этом явно не отвечает уровню развития общественных отношений.

Нельзя не отметить перспективы правового регулирования такого вида иммунитета. Так, необходима разработка законопроекта, который бы регулировал порядок обращения взыскания на единственное жилье должника гражданина. В соответствии с этим проектом взыскание на принадлежащее гражданину должнику на праве собственности единственное пригодное для постоянного проживания гражданина-должника и членов его семьи, проживающих совместно с ним, жилое помещение, не являющееся предметом ипотеки, допускается при наличии совокупности конкретных условий. Так, размер или же стоимость жилого помещения должны превышать определенную норму, четко установленную законодателем рассчитанную с учетом среднего удельного показателя кадастровой стоимости объектов недвижимости для кадастрового квартала, в пределах которого находится такое имущество, на территории субъекта РФ, утвержденного в соответствии с законодательством об оценочной деятельности. Предполагается, что вместо принадлежащего должнику единственного жилого помещения он приобретает иное жилье, пригодное для постоянного проживания должника и членов его семьи, но меньшее по площади, для чего ему выделяется из выручки от продажи жилого помещения, на которое обращено взыскание, денежная сумма, достаточная для приобретения нового жилья в том же кадастровом квартале. В случае если должник сам не приобрел иное жилье, оно предоставляется ему органом местного самоуправления. Взыскание на указанное жилое помещение может быть обращено только в судебном порядке и исключительно в случае отсутствия у гражданина-должника денежных средств и иного имущества, на которое может быть обращено взыскание.

Проект значим, поскольку затрагивает конституционное право граждан на жилье. Если учесть существующий уровень доходов, жилплощадь является основной имущественной ценностью для большинства граждан России. Этот факт в том числе обусловлен ростом неравенства доходов граждан Российской Федерации, который начался еще в 1990-х годах и который к настоящему времени приобрел масштабный общегосударственный характер, указывает И.В. Фролов [5]. Вопреки тому, что в период перехода к рыночной экономике в Российской Федерации происходило перераспределение существенной части финансовых ресурсов, их получателей и объема распределения, что повлияло на появление категории граждан с весьма высоким уровнем доходов, позволяющим улучшить жилищные условия, и рост спроса на строительство жилых помещений, общее состояние рынка

жилой недвижимости на сегодняшний день не может удовлетворить реальные потребности населения, подмечает В.А. Вайпан [2].

Уже давно возникла проблема совершенствования законодательства об исполнительном производстве, чтобы обеспечить полноценную защиту прав взыскателей по долгам и пресечь злоупотребления должниками своими правами. Приходим к выводу, что пока законодатель не исполнит свои обязательства по внесению изменений в абз. 2 ч. 1 ст. 446 Гражданского Процессуального Кодекса Российской Федерации, все меры, принятые Конституционным и Верховным Судом Российской Федерации или кем-то другим, кроме непосредственно законодателя, будут являться лишь сомнительными попытками бороться со следствием, а не причиной. Безусловно, при изменении законодательства в части имущественного иммунитета законодателю необходимо руководствоваться не только абстрактными соображениями, но и тем фактически накопленным опытом, который имеют зарубежные правовые порядки.

Список литературы

1. Быков А.Е. Единственное жилье в банкротстве: алгоритм решения проблемы // Журнал РШЧП. 2018. № 1. С. 223.
2. Вайпан В.А. Теория справедливости: право и экономика. М.: Юстицинформ. 2017. С. 121 – 125.
3. Гаджиев Г. А. Золотые правила применения норм гражданского права (правила о правилах) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 48.
4. Мифтахудинов Р. Т. Обращение взыскания на единственное жилье: в поисках баланса интересов // Закон. 2018. № 12. С. 32–34.
5. Фролов И.В. Легализация (отмывание) преступных доходов как результат современной стратегической концепции публичного макроэкономического управления: проблемы юридической идентификации // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 150–154.
6. Харитонов Ю.С. Исполнительский иммунитет единственного жилья гражданина и доктрина добросовестности участников оборота // Закона России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5. С. 26–31.

Об авторе

АКИМОВ Андрей Денисович – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, ул. Желябова, 33), e-mail: adakimov@edu.tversu.ru.

К ВОПРОСУ СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Е.С. Алексеева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н., доцент А.С. Федина

В статье анализируются нормы действующего законодательства, которые посвящены судебному примирению. Также рассмотрены вопросы разграничения медиации и судебного примирения. В статье отмечены пробелы действующего законодательства и сформулированы предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: *судебное примирение, ГПК РФ, судебный примиритель, примирительные процедуры.*

Процедура судебного примирения относительно новый институт в российской юридической практике и являющийся альтернативной судебному порядку разрешения спора, в котором стороны прибегают к помощи судебного примирителя — независимого лица, содействующего сторонам в разрешении конфликта и заключении мирового соглашения, как результата благополучно осуществленной процедуры.

Если обратиться к статистике Судебного департамента при Верховном суде РФ, за 1 полугодие 2022 г. было прекращено 197 дел по гражданским спорам и 2 дела по административным спорам вследствие заключения мирового соглашения, утвержденного судом в результате судебного примирения (ст. 153.6, 153.7 ГПК РФ, ст.137.6 КАС РФ). Исходя из представленной статистики, можно сказать, что процедура судебного примирения не пользуется на сегодняшний день большой популярностью.

Первые сведения об использовании примирительных процедур при разрешении споров и конфликтов у славянских народов относятся к VI веку н.э., когда в регулировании общественных отношений появляется "новое начало", выразившееся в понимании "необходимости заключать перемирие" (в это время одним из самых распространенных источников образования обычных норм являлись мировые решения разных посредников). В дальнейшем, как отмечает Е.А. Рубинштейн, процедура урегулирования споров и конфликтов с использованием примирительных процедур стала источником древнего обряда славян - "побратимства" и превратилась в один из способов ограничения кровной мести [1].

В период действия Русской Правды исследователи утверждают о существовании медиаторов-судей, которые участвовали в определении "головничества".

О значении процедуры посредничества в России свидетельствует тот факт, что в первом российском ГПК – Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. – имеется отдельная глава "О примирительном разбирательстве", согласно которой посредники, прежде всего, стремились примирить стороны, а затем, в случае неудачи, выносили решение по существу.

Итак, исторический анализ примирительных процедур в России дает основание полагать, что состояние и перспектива этого направления непосредственным образом связаны с политическим режимом государства.

В соответствии с ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации закрепляет, то, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

В настоящее время на законодательном уровне выделяются три вида примирительных процедур: переговоры, медиация и судебное примирение. При этом судебное примирение является новым для российского права институтом, нуждающимся в дальнейшем исследовании и совершенствовании.

Гражданский процессуальный кодекс РФ в числе задач декларирует важность соблюдения уважительного отношения к закону и суду, а также приоритетность мирного урегулирования споров. В ГПК РФ предусмотрен институт судебного примирения, который устанавливает возможность урегулирования споров между участниками дела посредством обращения к судебному примирителю (ст. 153.6 ГПК РФ).

Целью судебного примирения является достижение сторонами взаимоприемлемого результата и урегулирование конфликта с учетом интересов сторон. Задачами судебного примирения являются соотнесение и сближение позиций сторон по делу, выявление дополнительных возможностей для урегулирования спора с учетом интересов сторон, оказания им содействия в достижении результата примирения.

В юридической литературе нередко обращается внимание на тождественность процедур медиации и судебного примирения. Так, А.Н. Левушкин и В.В. Воробьев указывают, что «медиация и судебное примирение, хотя и разделены законодательно, всё же по своей сути принципиальной разницы не имеют» [2].

Е.С. Смагина также считает, что судебное примирение сложно отличить от интегрированной медиации [3].

Однако существуют и противоположные позиции, согласно которым процедуры судебного примирения и медиации являются разными, судебное примирение всё же имеет существенные отличительные черты, позволяющие выделить его в качестве самостоятельного способа разрешения споров, несмотря на очевидное сходство с правовой природой медиации [4].

Процедура судебного примирения во многом схожа с медиацией и переговорами, однако между ними существует ряд различий. Судебное примирение осуществляется специальным субъектом, само примирение проводится в суде, в отдельном зале, что подчеркивает приравнивание данной процедуры к осуществлению правосудия.

Базовым документом, регламентирующим примирение с участием судебного примирителя, помимо ГПК РФ выступает Регламент проведения судебного примирения, принятый Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 41 от 31.10.2019 г.

Какие основания существуют для того, чтобы судебное примирение началось? В данном случае этим основанием является ходатайство одной сторон, либо обеих сторон, заявленное в устной либо в письменной форме, либо если судья, рассматривающий дело предложит сторонам воспользоваться данной процедурой и стороны согласятся на использование данной процедуры. В данном случае судом будет вынесено соответствующее определение.

Приведём пример: Европейский Суд по правам человека рассмотрел дело «Макилрот против Российской Федерации», возбужденное по жалобе гражданина США, который утверждал, что его семейная жизнь была разрушена в результате того, что власти Российской Федерации не помогли ему воссоединиться с детьми после того, как мать вывезла их из обычного места проживания в Италию.

Многочисленные судебные разбирательства, а также то, что мать на протяжении ряда лет «использовала» детей в качестве «инструмента» воздействия в спорах с мужем, привели к развитию психологической травмы у детей. Несмотря на то, что Флорентийский уголовный суд признал мать виновной в похищении детей и приговорил ее к трём годам лишения свободы с временным лишением родительских прав, дети не были возвращены отцу, что связано с различиями в процессуальном порядке в России и по месту жительства отца.

Вполне возможно, что, воспользовавшись процедурой судебного примирения, супруги смогли бы разрешить конфликт, обеспечив соблюдение интересов детей.

Оплата судебных примирителей в таком случае определяется Правительством РФ, которое в Постановлении № 504 от 14.04.2020 г. утвердило порядок и условия осуществления оплаты труда судей, компетентных к выполнению функций судебного примирителя [5].

В данном случае оплата труда судебного примирителя зависит от дней, в рамках которых он выполнял полномочия судебного примирителя, и составляет одну вторую части должностного оклада судьи, задействованного в рассмотрении дела. При этом занятость исчисляется в днях и не связана с фактическим временем, на протяжении которого судебным примирителем выполнялись соответствующие функции в течение дня. Перечисление вознаграждения инициируется определением суда, в производстве которого находится рассматриваемое дело, и осуществляется в 30-дневный срок после получения со дня получения определения.

Судебным примирителем является судья в отставке. Список судебных примирителей формируется и утверждается Пленумом Верховного Суда Российской Федерации на основе предложений кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов, окружных (флотских)

военных судов о кандидатурах судебных примирителей из числа судей в отставке, изъявивших желание выступать в качестве судебного примирителя.

При формировании списка учитываются в том числе опыт работы в качестве судьи, опыт научной деятельности, специализация, регион проживания кандидата, деятельность, осуществлявшаяся судьей в отставке с момента ухода в отставку, и соответствие данной деятельности законодательству о статусе судей и кодексу судейской этики. Сами стороны по взаимному согласию выбирают соответствующего судью, и данное действие утверждается определением суда.

Очевидно, что проводить все указанные действия можно только при наличии практических навыков переговорного процесса, медиации и примирения, знаний конфликтологии, юридической психологии. Наличие статуса «судья в отставке» не гарантирует квалифицированное участие в примирительном процессе, поскольку роль, этические ограничения и функции судьи и судебного примирителя отличаются. 342 примирителя, отобранные Верховным Судом Российской Федерации, безусловно, должны проходить специальную практическую подготовку.

Считаем, что каждый судья в отставке, потенциальный судебный примиритель, должен проходить и серьезный профессиональный экзамен. Судебное примирение включено в содержание Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Претенденты, которые в своей деятельности занимались рассмотрением уголовных дел, не должны быть допущены к судебному примирению. Также нужно учесть, что судья в отставке может закончить свою профессиональную деятельность достаточно давно, и с учетом динамично меняющегося законодательства просто не будет в курсе последних изменений и редакций нормативных актов. В этой ситуации предложенный экзамен просто необходим, и в будущем поможет примирителю грамотно формировать стратегию диалога со сторонами на основе имеющегося опыта и знания актуальной нормативной базы.

Закрепление в гражданском процессуальном законодательстве процедуры судебного примирения при ее должной юридико-технической проработке имеет серьезные перспективы внедрения. Привлечение профессиональных судей для разрешения споров позволит устранить основной недостаток действующей процедуры альтернативного решения споров - недостаток профессионализма медиаторов, а, точнее, недоверие к их профессионализму со стороны тяжущихся.

Существенную роль в этом должно играть и государство. Мало создать институт, необходимо активно его развивать и строить политику таким образом, чтобы люди знали о судебном примирении и понимали, что примирители реально могут им помочь и это будет удобнее и быстрее, чем тянувшееся судебное заседание. В понимании людей необходимо разграничить два института: медиацию и судебное примирение. Для этого стоит создать стойкую платформу доверия граждан, основанную на опыте и продуктивной работе примирителей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // СПС «Консультант Плюс».
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Постановление Правительства РФ от 14.04.2020 № 504 «Об утверждении Правил оплаты труда судей, пребывающих в отставке и осуществляющих функции судебных примирителей» // СЗ от 20 апреля 2020 г. N 16 ст. 2614
4. Галицкая В.А., Казарян К.В. Институт примирительных процедур в России: история становления и развития. Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2016. № 1. 150-159.
5. Левушкин А.Н., Воробьев В.В. Некоторые проблемы применения судебного примирения (медиации) при разрешении споров в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 135-143.
6. Сенен Ф.К. Судебное примирение и медиация как механизмы мирного урегулирования споров в современном гражданском процессе: общие и отличительные черты // Вестник Воронежского университета. Серия: Право. 2017. № 2. С. 109-114.
7. Смагина Е.С. Судебное примирение и судебные примирители в гражданском судопроизводстве: возможные правоприменительные проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 1. С. 29-34.

Об авторе

АЛЕКСЕЕВА Екатерина Сергеевна – студентка 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, ул. Желябова, 33), e-mail: esalekseeva1@edu.tversu.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА НЕЗАВИСИМОСТЬ И БЕСПРИСТРАСТНОСТЬ СУДЬИ

А.А. Барина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н., профессор Л.В. Туманова

В статье анализируются в контексте информатизации основные принципы организации и функционирования судебной власти: независимость и беспристрастность, являющиеся важнейшими составляющими права на справедливое судебное разбирательство. Автор предлагает установить нравственно-этические правила, которые будут обязательны для судей во внеслужебной деятельности при использовании социальных сетей.

Ключевые слова: судебная власть, независимость, беспристрастность, информатизация, социальные сети, дисциплинарная ответственность.

Одними из основных принципов организации и функционирования судебной власти являются независимость и беспристрастность. Указанные принципы являются многоаспектными явлениями. Независимость и беспристрастность судей при рассмотрении дел являются важнейшими составляющими права на справедливое судебное разбирательство, которое закреплено как на международном, так и на национальном уровне. Информатизация породила необходимость в формулировании новых подходов к ограничениям, связанным со внеслужебным поведением судей, поскольку появились определённые риски – поведение представителей судебной власти в социальных сетях может быть по-разному интерпретировано.

Независимость суда является конституционным принципом, согласно которому суды подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, дела рассматриваются и разрешаются в условиях, исключающих постороннее воздействие на судей, запрещается любое вмешательство в деятельность суда по осуществлению правосудия.

В законодательстве беспристрастность суда в качестве принципа осуществления правосудия не названа. Беспристрастность, являясь оценочной категорией, характеризует отношение судьи к доводам сторон.

Независимость и беспристрастность, будучи взаимосвязанными, являются самостоятельными категориями.

Право на справедливое судебное разбирательство закреплено в статье 10 Всеобщей декларации прав человека. Каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом [3]. Также право на справедливое судебное разбирательство предусмотрено статьёй 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [6] и статьёй 14 Международного пакта о гражданских и политических правах [9].

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, говоря о ключевой роли судебной системы в обеспечении законности и прав граждан, отметил: «безусловным должен быть не только профессионализм судей, но и доверие к ним» [10]. Нравственные качества судьи, его независимость и беспристрастность являются предпосылками справедливого правосудия.

Реалии и трансформации коснулись всех сфер жизнедеятельности общества, что привело к тому, что в настоящее время социальные сети являются неотъемлемой частью человеческой жизни.

Впервые термин «социальная сеть» был сформулирован в 1954 г. Джеймсом Барнсом. Под социальной сетью социолог подразумевал разветвление взаимосвязи отдельного человека с другими людьми. Барнс пришел к выводу, что размер социальной сети вокруг одного индивида составляет примерно 150 человек [4].

Социальные сети являются современным способом коммуникации, дают возможность общения с людьми посредством переписок, аудиосообщений, видеозвонков, позволяют удовлетворить различные потребности индивида в музыке, видеороликах, играх. Теперь люди активно публикуют фото и видео материалы, оставляют комментарии и ставят «лайки» под опубликованным материалом, обсуждают различные темы. С каждым годом социальные сети становятся всё более востребованными. Для одних людей социальные сети предоставляют возможность общаться, для других – демонстрировать свою личную жизнь, а для кого-то – заявить о себе миру.

Социальные сети предоставляют человеку широкие возможности, однако, у всего есть и негативные стороны. При использовании социальных сетей у людей разного возраста возникает зависимость от виртуального мира, появляется стремление запротоколировать свою жизнь блоге.

Наличие собственной страницы в соцсети для многих уже стало неотъемлемой частью имиджа [1]. Некоторые представители судейского корпуса считают, что судебная система является закрытой корпорацией. По этой причине судьи стараются ограничить свое присутствие в социальных сетях. Ранее такой подход не критиковался, однако времена меняются, на сегодняшний день у общества уже другие запросы. В век интернета весьма сложно оставаться безучастным ко всему, что происходит вокруг. Сегодня представители судебной системы регистрируются в таких социальных сетях, как «Одноклассники», «ВКонтакте», «Фейсбук», «Инстаграм», в то же время единицы решают не скрывать своего имени, рассказывают о себе, о своей профессии.

Безусловно, судьи не должны находиться в социальном вакууме, однако возникает множество вопросов о том, как следует им вести себя в интернете, чтобы не сформировать у людей мнение о том, что судьи не являются независимыми и беспристрастными, какие есть ограничения, пределы использования судьями социальных сетей и какие правовые последствия за нарушение этих пределов бывают.

В Российской Федерации поведение судей в социальных сетях не регламентировано, этическая сторона их поведения в виртуальном мире глубоко не исследована. Возможно, по этой причине в практике всё еще встречаются случаи привлечения судей к дисциплинарной ответственности за неудачную публикацию, которая наносит урон не только самому судье, но и всей судебной системе в целом. Поскольку интернет-пространство является одной из областей жизнедеятельности судьи, где формируется его имидж, вопросы о том, что следует считать уместным и где для судьи в социальных сетях грань дозволенного, крайне актуальны [18].

Следует отметить, что статус судьи занимает важное место в общественном сознании, ведь чем выше авторитет судьи, тем выше уровень законности в государстве. Действующий Кодекс судейской этики [5] устанавливает нравственно-этические правила, которые обязательны для судей как при исполнении профессиональных функций, так и во

внеслужебной деятельности, однако в Кодексе отсутствуют критерии поведения представителей судебной власти в социальных сетях. Таким образом, можно сделать вывод о том, что судье следует самостоятельно ограничивать своё присутствие в виртуальном мире, определять, какие из публикаций соответствуют его статусу, а какие не соответствуют, какие могут дать повод усомниться в независимости и беспристрастности судьи, а какие – нет.

Безусловно, судьи должны избегать всего того, что может умалить авторитет судебной власти, но в то же время у каждого человека свои собственные этические представления. В таком случае появляется новая проблема – оценка судьёй своего поведения в социальных сетях может не совпадать с оценкой его поведения судебским сообществом и обществом в целом. В связи с этим требуются разработка и принятие правил поведения судей в социальных сетях. Возможно, это будет расцениваться представителями судебского корпуса как ограничение их свободы самовыражения и неприкосновенности частной жизни. Но стоит помнить о том, что фотографии и видеозаписи являются частью частной жизни до тех пор, пока они не размещены в социальной сети. Самостоятельное размещение информации о себе в любой форме является актом демонстрации фактов из своей частной жизни обществу. Человек, выставляющий соответствующие материалы в публичном пространстве, должен осознавать как свою ответственность за это, так и последствия размещения в сети таких материалов. Более того, об этом следует задумываться как можно раньше, еще на этапе обучения на юридическом факультете. При рассмотрении кандидатуры человека на должность судьи может быть изучена и история его сетевой активности, некоторые фотографии из прошлого вполне могут поставить крест на карьере [7].

Председатель Совета судей Российской Федерации В. Момотов ранее разъяснял правила поведения судей в социальных сетях. В частности, говорил о том, что любые действия судьи со ссылкой на свой статус в социальных сетях недопустимы [8].

Так, кандидату было отказано в назначении на должность судьи на том основании, что им были размещены на своей странице в социальной сети фотографии в образе полуобнажённого пирата с подбитым глазом и татуировкой на плече, также были найдены фото с высунутым языком и надписью: «Никогда не предполагал, что надену судебскую мантию». Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации данное изображение и комментарий к нему признала не соответствующими правилам поведения судебской этики. Несмотря на то, что кандидат, давая объяснения, указывал, что первый снимок был шуточным и размещен для определённого круга лиц, а второй был сделан давно, Верховный Суд Российской Федерации всё же поддержал решение судебского сообщества. Жалоба кандидата была оставлена без удовлетворения [11].

Ещё одно решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации касалось судьи П., которая в социальной сети на своей странице в свободном доступе разместила фотографии. Первая фотография была сделана в зале судебного заседания, на ней была изображена судья П. на фоне герба и флага Российской Федерации, а также сопровождалась надписью: «Очень разная я, но ведь Женщина! И такую меня создал Бог! И, как ветер, порой, переменчива, видно, Черт тут немного помог!»; на второй фотографии была изображена судья П., держащая в руках весы у статуэтки Фемиды, на фоне герба Российской Федерации, фотография была подписана словами: «Мне не важно, что вы обо мне думаете ... меня это не радует и не огорчает. Радует одно ... что вы еще думать не разучились»; и на третьей фотографии была изображена судья П. в зале судебного заседания, сидя в кресле судьи с поставленными на стол ногами. Фотография сопровождалась надписью: «Я, конечно, не совершенство, но шедевр еще тот!». На главной странице была размещена выдержка из стихотворения Э. Асадова «Как много тех, с кем можно лечь в постель». Действия судьи были признаны причинившими ущерб авторитету судебной власти, жалоба судьи П. на решение квалификационной коллегии судей соответствующего субъекта Российской Федерации о досрочном прекращении её полномочий за совершение дисциплинарного проступка не была удовлетворена [13].

Также в практике был случай, когда судья Г. на своей личной странице в социальной сети разместила серию фотографий в служебном помещении на фоне символов государственной власти Российской Федерации, а также изображения и тексты, содержащие ненормативную лексику, указав при этом, что работает в суде. Квалификационная коллегия судей области признала, что судьей был совершен дисциплинарный проступок, который несовместим с высоким статусом судьи. Полномочия судьи были досрочно прекращены, в удовлетворении жалобы судьи Г. Дисциплинарной коллегией Верховного Суда Российской Федерации было отказано [14].

Таким образом, несмотря на то что люди имели огромный опыт юридической и судейской работы, оставляя публикации в социальных сетях на своих страницах, они полагали, что все снимки и комментарии к ним соответствуют этическим нормам поведения судей. Поведение судьи должно соответствовать его высокому статусу, если же оно не соответствует, то в таком случае сложно говорить о его независимости и беспристрастности.

Строгого запрета судьям иметь аккаунты в социальных сетях нет, сам факт наличия страницы в социальной сети к нарушению этических норм не приводит, но следует осознавать природу социальных сетей и связанные с этим риски. Всегда существует этический риск, который может создать в дальнейшем предпосылки для сомнений в беспристрастности судьи, поэтому судья должен соблюдать определенные правила, чтобы не оказываться в двусмысленных ситуациях. Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации С.В. Рудаков, выступая на Совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов, отметил: «Неизбирательная форма

выражения мнения судьи в его записях или комментариях в сети умаляет судебную честь, и этого следует избегать» [2].

Так, судья В. опубликовал на своей странице фото горящей мечети, сопроводив её надписью: «В мире можно бесконечно смотреть на три вещи: как течёт вода, как мерцают звёзды и как горит мечеть». В комментарии под фото он также написал: «И горят, как евреи». Поскольку фотография и комментарий формировали нетерпимость к евреям как к этнической группе и способствовали формированию негативного отношения к мусульманам, полномочия судьи были досрочно прекращены [16]. Такой пост судьи может сформировать мнение о его небеспристрастности при разрешении дел с участием лиц, принадлежащих определённой этнической группе.

Неизвестно, когда, где и кем будут опубликованы сообщения или комментарии судьи, даже если они были адресованы конкретному человеку или узкому кругу лиц.

Например, в производстве судьи Х. находилось гражданское дело, с представителем одной из сторон по данному делу судья Х. была в дружеских отношениях. Факт дружбы был подтверждён составленным нотариусом протоколом осмотра интернет-сайта. Под одной из фотографий представитель по делу оставила комментарий, обращённый к судье Х. следующего содержания: «Ты прям красота... Очень красиво!», на что судья Х. ответила тремя повторяющимися схематичными изображениями поцелуев. Затем через определённый промежуток времени представитель по делу опубликовала на странице судьи Х. фотографию волчьей стаи с подписью следующего содержания: «Вот, очень правильная фотка и мысль очень верная!!! Твоя стая – это очень важно...». Судья Х. согласилась с данным высказыванием. В действиях председательствующего по делу квалификационная коллегия судей соответствующего субъекта Российской Федерации усмотрела нарушение положений Кодекса судейской этики при рассмотрении дела, а также наличие признаков состава дисциплинарного проступка [17].

Таким образом, своими действиями представитель судебной власти дал повод усомниться в его независимости и беспристрастности.

В абстрактных комментариях по правовым вопросам также может скрываться подвох: высказывая своё мнение, судья косвенно указывает на то, как он будет толковать и применять ту или иную норму в будущем. У людей может сформироваться мнение, что исход дел, рассматриваемых данным судьёй, уже предрешён. Более того, на основе размещённых в социальной сети фотографий, видеозаписей, постов, «лайков», комментариев формируется отношение к судье, к судебной системе в целом – представители судейского корпуса должны помнить об этом, чтобы не нанести вред репутации судебной власти.

Также судьи должны всегда помнить о том, что опубликованную в социальной сети фотографию или же видеозапись могут увидеть не только «друзья», но и недоброжелатели, следует понимать, какой общественный резонанс может вызвать та или иная публикация.

Так, в социальной сети появилась видеозапись с судьёй М. со свадебного торжества. На свадьбе дочери своего коллеги он в шуточном тосте объявил гимном Верховного Суда Республики Дагестан песню Арсена Петросова «Кайфуем». Исходя из заключения Комиссии Совета судей Российской Федерации по этике в поведении судьи М. отсутствуют нарушения Кодекса судейской этики, в то же время подобное поведение получило негативную оценку общественности [12].

Иначе сложилась ситуация у судьи П. Квалификационная коллегия судей соответствующего субъекта Российской Федерации сделала вывод, что судья П. совершила дисциплинарный проступок во внеслужебной деятельности. На странице её подруги был размещен видеоролик, из содержания которого следует, что судья П., находясь в дневное время суток на фоне природы, держит в руках стакан с неустановленной жидкостью, произносит тост, употребляя вульгарные и нецензурные выражения, параллельно сопровождая их неприличными жестами. Полномочия судьи П. были досрочно прекращены [15].

Таким образом, выложенное родственником или другом видео, где судья использует ненормативную лексику, может привести к дисциплинарному взысканию.

На наш взгляд, информатизация создала условия для обеспечения чистоты и прозрачности судейских рядов: благодаря социальным сетям стало проще узнавать о поведении судей в повседневной жизни. Судья является носителем судебной власти, соответственно, он должен обладать определенным набором морально-нравственных качеств. Статус судьи несовместим с аморальным образом жизни, тем более с его последующей демонстрацией в сети «Интернет». Для того, чтобы общество доверяло суду, верило в его независимость и беспристрастность, судьям во внеслужебное время следует не просто соблюдать нравственные нормы, а быть образцом поведения.

Сегодня люди часто забывают о таком качестве личности, как скромность. Аккаунты пользователей социальных сетей заполнены фотографиями с поездок на дорогие курорты, посещения престижных ресторанов, видов гостиничных номеров, ювелирных украшений, автомобилей и прочих вещей. Страницы родственников судей также являются «территорией ответственности» судьи. Судьям и членам из семей следует воздерживаться от демонстрации своих дорогостоящих покупок на своих страницах в социальных сетях. Публичная демонстрация роскоши для судей и их родственников недопустима. Во избежание неприятных ситуаций и возможности оказания давления на судью родственникам судей в своих аккаунтах не следует указывать на родство с судьёй, отмечать расположение жилья, размещать фотографии или видеозаписи с идентификацией автомобилей.

Сугубо личным является вопрос поведения в социальных сетях для обычных граждан, но не для представителей судебной власти. Так, добавление судьёй в «друзья» возможных участников процесса может быть

по-разному интерпретировано. По этой причине может возникнуть ситуация, когда судья принимает решение по делу, в котором его виртуальный «друг» является стороной процесса, и у противоположной стороны могут возникнуть сомнения в объективности и беспристрастности судьи, несмотря на то, что «добавление в друзья» может и не являться признаком действительной дружбы. Ведь нельзя исключать и такой вариант, что люди, которые есть друг у друга в списках друзей, не встречались в «реальном» мире. Поэтому нельзя утверждать, что каждая дружба в социальных сетях предполагает предвзятость судьи и как следствие конфликт интересов, однако это может послужить основанием отвода.

Другой проблемой является выражение судьёй своего мнения в социальных сетях посредством проставления «лайков» под опубликованным материалом, которые видны остальным пользователям. Такого вида положительная реакция судьи может создать впечатление о его благосклонности к участнику процесса, определённой политической партии, религии, национальности и не только, что в дальнейшем может также послужить основанием для отвода судьи.

Во избежание двусмысленных ситуаций при регистрации в социальных сетях судья может использовать псевдонимы, однако это не освобождает его обязанности вести себя так, чтобы это не повлекло конфликта интересов. Все перечисленное подводит нас к выводу о том, что судьи всегда должны помнить о своем статусе и соблюдать этику поведения не только в рабочее, но и в свободное время, а также ограничивать свое присутствие в социальных сетях. Судья не должен устанавливать такие отношения, которые умаляли бы честь судебной власти и ставили бы под сомнение доверие к правосудию. Судья не может и не должен находиться в социальном и правовом вакууме, но должен понимать, что его действия находятся под контролем, в рамках которого судья может быть подвергнут взысканиям вплоть до прекращения полномочий [18]. Любое публично выраженное мнение судьи не должно вызывать сомнений в его беспристрастности и независимости.

Законодательно установленная регламентация правил поведения государственных служащих в социальных сетях на сегодняшний день отсутствует по той причине, что роль Интернета в жизни людей никогда не была столь значима. Возникающие правоотношения в области информатизации регулируются традиционными правовыми нормами. Вопрос о том, какие публикации будут являться уместными, а какие – нет, весьма актуален и остаётся открытым.

Необходимо развивать и конкретизировать Кодекс судейской этики в данной сфере, учитывая изменяющиеся условия, в которых мы живем, а также опыт других стран, ведь проблема является мировой. Критерии поведения представителей судебной власти в социальных сетях могут быть сформулированы, но стоит помнить о том, что никакие этические стандарты, ограничения не способны дать положительного эффекта, если человек самостоятельно не может для себя определить границы дозволенного.

Список литературы

1. Бузмакова К.А. Проблема независимости судей в стремительном развитии онлайн коммуникации // Интеграция науки и практики в современных условиях. 2015. С. 149 – 153.
2. Вараксин М. Глава дисциплинарной коллегии ВС научил судей вести себя в соцсетях // Право.Ру. 2021. 9 февраля.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 10.12.1998.
4. Кашина О.П. Искусственность бытия человека в социальных сетях // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2021. № 1. С. 54 – 58.
5. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) // СПС «Гарант».
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Бюллетень международных договоров. № 3. 03.2001.
7. Куликов В. За что судью не лайкнут // Российская газета. 2020. 13 июля.
8. Куликов В. Право в удаленном доступе // Российская газета. 2018. 5 июня.
9. О гражданских и политических правах: международный пакт от 16.12.1966 // Ведомости Верховного Совета СССР. № 17. 1976.
10. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному собранию РФ от 15.01.2020 // Российская газета. 2020. № 7 (8061).
11. Репортаж. Полуобнаженный пират не стал российским судьей // Право.ру. 2014. 7 ноября.
12. Решение Верховного Суда РФ от 14.02.2017 № АКПИ17-9 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14022017-n-akpi17-9/>
13. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного суда РФ от 01.09.2014 г № ДК14-1 [Электронный ресурс] // URL: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=606270
14. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 23.01.2017 № ДК16-88 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-23012017-n-dk16-88/>
15. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 28.07.2020 г. № ДК20-39 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-distiplinarnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-28072020-po-delu-n-dk20-39/>
16. Решение квалификационной коллегии судей Удмуртской Республики от 15.05.2015 г. № 5/2 [Электронный ресурс] // URL: <http://ud.vkks.ru/publication/30004/>
17. Решение квалификационной коллегии судей Удмуртской Республики от 25.03.2016 г. № 4/8 [Электронный ресурс] // URL: <http://ud.vkks.ru/publication/36476/>
18. Факеева Л.Е. К вопросу об участии судей в социальных сетях в рамках статуса судьи // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2020. № 1. С. 123 – 132.

Об авторе

БАРИНОВА Ангелина Александровна – студентка 2 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: gelya.barinova@yandex.ru

НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ, МИРНЫЕ СОБРАНИЯ, МИТИНГИ, ДЕМОНСТРАЦИИ, ШЕСТВИЯ И ПИКЕТИРОВАНИЯ

Т.С. Белякова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н., профессор Л.В. Туманова

В статье исследуются проблемы осуществления прокурорского надзора по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, в сфере соблюдения права на свободу общественных объединений, мирные собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования.

Ключевые слова: право на свободу объединений, митинг, пикет, шествие, обжалование решений, органы прокуратуры, прокурор.

Российская Федерация является демократическим государством, что означает, что главным источником власти является народ [1, ст. 1]. Данный факт соответственно подразумевает под собой закрепление на государственном уровне различных прав свобод граждан, реализация и охрана которых обеспечивается непосредственно государством [7, с. 195]. Одним из наиболее ярких демократических прав в современной России выступает право граждан собираться на мирные собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования для выражения своего мнения [1, ст. 31].

В Конвенции о защите прав человека и основных свобод закреплено, что каждый имеет право свободно выражать свое мнение, имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов. [2, ст. 10].

Вышеуказанная Конвенция также закрепляет, что осуществление прав на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц [2, ч. 2 ст. 11].

Важно сказать, что реализация права на свободу объединений на свободу общественных объединений, мирные собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования закреплены законом, так, например, порядок организации и проведения публичных мероприятий закреплен в Федеральном законе «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 21.06.2004 года (далее – ФЗ № 25) [5].

Однако при реализации данного права возникает множество сложностей и противоречий, ведущих к угрозе нарушения общественной безопасности. В

связи с этим государству необходимо создавать все условия для того, чтобы реализация права на проведение митингов, собраний, шествий, демонстраций или пикетирования осуществлялась в соответствии с установленным законом порядком.

В настоящее время существует определенный порядок действий для проведения публичного мероприятия, система запретов, мер юридической ответственности за нарушение порядка его организации и проведения.

Ни одно государство, как бы профессионально ни работали его государственные институты и силы правопорядка, не застраховано от ошибок и издержек, связанных с правоприменительной практикой по обеспечению права на выражение мнения и свободы на проведение собраний и объединений [8, с. 34].

Однако, важно сказать, что органы прокуратуры пресекают не согласованные мирные собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования, по причине того, что такие собрания являются источником повышенной опасности. Человек, участвующий в массовом протестном мероприятии не всегда способен трезво оценить свои действия. Нужно понимать, что организаторы различных массовых акций, нередко преследуют противоправные цели, такие как организация массовых беспорядков, уничтожение имущества, незаконные действия в отношении органов власти, сотрудников правопорядка.

Поскольку в ряде случаев митинги, шествия, пикетирования и другие протестные акции могут иметь экстремистский характер либо использоваться экстремистами для достижения преступных целей, одним из эффективных средств предупреждения таких преступлений, является активное применение предостережения прокурора о недопустимости осуществления экстремистской деятельности [3, ст. 6].

В целях предупреждения правонарушений и при наличии информации о готовящихся противоправных деяниях прокурор или его заместитель направляет в письменной форме должностным лицам, а при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях, содержащих признаки экстремистской деятельности, руководителям общественных (религиозных) объединений и иным лицам предостережение о недопустимости нарушения закона. Необходимы достаточные и предварительно подтвержденные сведения о готовящихся противоправных действиях, содержащих признаки экстремистской деятельности, а также должны отсутствовать основания для привлечения к уголовной ответственности.

В случае неисполнения требований, изложенных в предостережении прокурора, лицо, которому оно было объявлено, может быть привлечено к ответственности в установленном законом порядке.

Эффективность такой предупреждающей меры, как предостережение прокурора, в случае предупреждения преступлений, связанных с нарушениями установленного порядка организации, либо проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирования и имеющих

экстремистскую направленность, обусловлена тем, что предостережение прокурора может быть вынесено даже на основании сведений, полученных из сообщений прессы, интернет-источников, в том числе из публичных высказываний самого субъекта предостережения, которые могут быть расценены руководителем подразделения по противодействию экстремизму и прокурором как «достаточные и предварительно подтвержденные сведения» [4].

Прежде чем объявлять предостережение, прокурор выясняет, не содержится ли условий для привлечения лица к уголовной ответственности. И когда будет вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, прокурор вправе прибегнуть к предостережению о недопустимости осуществления экстремистской деятельности как средству прокурорского реагирования на выявленное нарушение закона.

Однако следует учитывать и то, что разрешение этого вопроса на практике порождает еще одну проблему. Так как в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством России органы прокуратуры не вправе выносить постановления о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела, что заметно снижает скорость прокурорского реагирования.

Говоря о статистике по предупреждениям о недопустимости нарушений ФЗ № 25 и требований Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – ФЗ № 114), нужно отметить, что за период с 2018 по 2021 года органами прокуратуры было вынесено около 3 тысяч предупреждений. И соответственно за период с 2018 по 2021 года российские суды рассмотрели около 16 000 дел по статье 20.2 КоАП РФ и привлекли более 12 тысяч человек к предусмотренной законодательством об административных правонарушениях ответственности.

Рассмотрим решение Верховного Суда Республики Калмыкия от 11.12.2019 года по делу № 12-40/2019. Из материалов данного решения мы видим, Бадмаев В.А. был предостережен прокурором г. Элисты о недопустимости нарушений ФЗ № 25 и ФЗ № 114. Данным гражданином распространялась информация о намерении провести перед зданием администрации собрание против назначения гражданина Х главой администрации. Гражданину было разъяснено, что публичное мероприятие с администрацией не согласовывалось, организация либо проведение публичного мероприятия без подачи в установленном порядке уведомления об этом влечет административную и уголовную ответственность. Предостережение Бадмаевым было проигнорировано и после постановлением судьи Элистинского городского суда Республики Калмыкия он был признан виновным в совершении административного правонарушения и подвергнут административному наказанию [12].

На примере данного судебного решения можно увидеть, как прокуратура осуществляет свою функцию по защите права на свободу общественных объединений, мирные собрания, митинги и демонстрации, шествия и

пикетирования. Таких примеров масса, из свежих новостей, Генпрокуратура России распространила предостережение организаторам митингов 23 января в поддержку Алексея Навального 2021 года. Однако не все предостережения были исполнены.

Кроме того, в настоящее время стали появляться новые виды акций протеста, проходящих в интернет-пространстве, так называемые виртуальные протесты. Особенность таких акций протеста заключается в том, что они трудно контролируемые и могут проводиться практически любым человеком как самостоятельно, так и в группе, с помощью устройства, подключенного к глобальной сети Интернет. Поэтому очень важно в работе прокуроров уделять внимание мониторингу интернет-ресурсов на предмет выявления виртуальных акций протеста. Важно сказать, что акции не всегда носят мирный характер, а вполне могут выбивать из привычной калии работу государственных органов. Так как сайты и электронная почта государственных и муниципальных органов могут быть подвергнуты спам-атакам, дидос-атакам.

В настоящее время отсутствует правовое регулирование онлайн-акций протеста. Дополнительную опасность создает факт того, что совершать такие акции протеста может любое лицо.

Несмотря на то, что органами прокуратуры производится мониторинг сети интернет, виртуальные акции протеста на сегодняшний день не урегулированы законодательством ни в одной стране, принимать меры в отношении ее организаторов возможно только в случае, если они содержат признаки уголовных или административных правонарушений. Поскольку Интернет и связанные с ним технологии продолжают развиваться и совершенствоваться, видится целесообразным организовать специальные подразделения в органах прокуратуры по надзору за законностью в информационном пространстве интернета.

Обеспечение законности в информационном пространстве интернета при реализации гражданами права на свободу объединений является одной из задач прокурорского надзора, приоритет которой в свете последних событий и развития возможностей информационно-коммуникационных технологий становится все более очевидны. Опасность виртуальных акций протеста и особенно отдельных их видов, заставляет обратить внимание государства на необходимость их урегулирования путем принятия соответствующих изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты [6, с. 325].

Так, например, Прокуратура Москвы вынесла предостережения шести физическим лицам и пяти интернет-сервисам насчет планируемой в воскресенье, 31 января, несогласованной акции сторонников оппозиционера Алексея Навального. Ведомство не называет компании. По информации источника «Интерфакса», предупреждение получили Facebook, Google, Mail Group, Twitter и TikTok [9].

Кроме того, органы прокуратуры не лишены права обжаловать незаконные решения об отказе в проведении митингов, шествий и иных подобных мероприятий.

При анализе судебной практики мной не было встречено ни одного решения суда по иску прокурора об оспаривании отказа в проведении митингов, шествий. Несмотря на то, что позиция Верховного и Конституционного суда сводится к тому, что право на свободу мирных собраний закреплено в Конвенции о защите прав человека, Конституции и ФЗ № 25 и не должно нарушаться, и отказать в проведении такого мероприятия можно только в случае, если его организатор не имеет права проводить митинги и пикеты или если выбранное им место по федеральному или региональному закону не подходит для проведения публичных мероприятий. Процедура согласования не подразумевает права уполномоченного органа безальтернативно отказать в проведении митинга, подчеркнул Верховный суд Российской Федерации.

Прокуратура стремится всеми возможными способами добиваться законности, однако позиция судов иногда отличается от позиции органов прокуратуры. Например, решение Центрального районного суда Челябинска от 14 января 2021 г., которым были оправданы с правом на реабилитацию участники митинга Оксана Еремина и Юрий Вашурин, было обжаловано прокуратурой. В апелляционном представлении надзорное ведомство указало, что приговор «несправедливый», а суд «не дал оценку показаниям» свидетелей, «доводы которых свидетельствуют о призыве Вашурин и Ереминой на массовое нарушение общественного порядка». Прокуратура просила направить дело на новое разбирательство в суд первой инстанции. Однако областной суд в этом отказал [9].

Возможно это как раз связано с позицией Конституционного суда, так как Конституционный Суд РФ огласил Постановление № 24-П по делу о проверке отдельных положений ФЗ № 25, которые, по мнению заявителя, могут повлечь необоснованный отказ органа власти в проведении общественного мероприятия, что публичные власти должны проявлять определенную толерантность к мирным собраниям, даже когда они могут вызвать некоторые нарушения обыденной жизни, включая помехи уличному движению, иначе свобода собраний лишилась бы своего существа, с чем невозможно не согласиться. Само постановление в свою очередь признает положения пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 ФЗ № 25 не противоречащими Конституции Российской Федерации, так как являются необходимостью соблюдения баланса частных и публичных интересов при организации и проведении публичных мероприятий, эти нормы в системе действующего правового регулирования [11].

Таким образом, проведенный в настоящей статье анализ деятельности прокуратуры при надзоре за соблюдением законности при реализации права на свободу объединений, позволяет прийти к выводу, что законодательство не лишено конструктивных недостатков, например, отсутствие в

законодательстве даже приблизительного перечня причин для отказа в проведении митинга, шествия, пикета, не регламентированы общественные объединения в сети интернет и многие другие проблемы.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020) // СПС «Консультант-Плюс»
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод Заключена в г. Риме 04.11.1950// "Собрание законодательства РФ", 08.01.2001, N 2, ст. 163, // СПС «Консультант-Плюс»
3. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 "О прокуратуре Российской Федерации"// "СЗ РФ", 20.11.1995, N 47, ст. 4472, // СПС «КонсультантПлюс»
4. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»// "СЗ РФ", 29.07.2002, N 30, ст. 3031// СПС «КонсультантПлюс»
5. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях"// "СЗ РФ", 21.06.2004, N 25, ст. 2485, // СПС «КонсультантПлюс».
6. Кайнозарова Д.Б., Калиев А.А.. Прокурорский надзор за соблюдением закона о митингах в информационном пространстве интернета//Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика тенденции. Казахстан.2020. С. 321-327.
7. Марков Д.Ю.. К вопросу о субъекте неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования //Аллея науки. "Quantum". 2021. № 9. С. 193-198.
8. Меркурьев В.В., Соколов Д.А.. Участие прокуратуры и войск национальной гвардии в обеспечении права на выражение мнения и свободы на проведение собраний и объединений//2017. Право в вооруженных силах-военно-правовое обозрение. С. 30-37
9. Новости. Газета «Коммерсантъ» 26.03.2021. Облсуд оставил в силе оправдательный приговор участникам акции «Он нам не царь» в Челябинске // [URL]: <https://www.kommersant.ru/doc/4743662>
10. Новости. Газета «Коммерсантъ» 28.01.2021. Прокуратура Москвы предупредила пять интернет-компаний о последствиях за призывы к митингам // [URL]: <https://www.kommersant.ru/doc/4663573>
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.06.2019 N 24-П "По делу о проверке конституционности положений пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" в связи с жалобой гражданина В.А. Тетерина" // "СЗ РФ", 24.06.2019, N 25, ст. 3316, // СПС «КонсультантПлюс»
12. Решение Верховного Суда Республики Калмыкия от 11.12.2019 года по делу № 12-40/2019// [URL]: <https://clck.ru/ar5Ng>

Об авторе

БЕЛЯКОВА Татьяна Сергеевна – студентка 2 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33).

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕШЕНИЙ, ДЕЙСТВИЙ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ, ИНЫХ ОРГАНОВ, ОРГАНИЗАЦИЙ, НАДЕЛЕННЫХ ОТДЕЛЬНЫМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ИЛИ ИНЫМИ ПУБЛИЧНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ, ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Т.С. Белякова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н., профессор Л.В. Туманова

В статье исследуются глава 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Рассмотрены некоторые аспекты участия прокурора в производстве по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих.

***Ключевые слова:** прокурор, административное судопроизводство, обжалование действий (бездействия) должностных лиц, органов власти и управления, административный истец, административный ответчик.*

Российская Федерация (далее – РФ) является демократическим государством, что означает, что главным источником власти является народ [1, ст. 3]. Данный факт соответственно подразумевает под собой закрепление на государственном уровне различных прав свобод граждан, реализация и охрана которых обеспечивается правовым регулированием; функционированием системы государственных органов, осуществляющих меры по принуждению к исполнению законодательства, исполнению наказания в случае нарушения правовых норм; государственных и муниципальных органов, осуществляющих функции в сфере реализации прав и свобод [6, с. 195].

Становление демократического конституционного строя РФ неразрывно связано с возможностью граждан отстаивать свои права и законные интересы. Международный пакт о гражданских и политических правах содержит указание на наличие обязанности государства обеспечить средство правовой защиты лиц в случае, если нарушение было совершено государственными органами или должностными лицами, иными организациями [5, ч. 3 ст. 2].

Данное положение находит свое отражение в Конституции РФ, которое закрепляет положение, согласно которому решения, действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суде [1, ч. 2 ст. 46].

Данное положение реализуется в порядке административного судопроизводства. Регулируется данная категория дел главой 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее КАС РФ).

Важным является вопрос разграничения подведомственности, так как согласно главе 24 Арбитражно-процессуального кодекса РФ дела об оспаривании затрагивающих права и законные интересы лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности ненормативных правовых актов, решений и действий или бездействия государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, в том числе судебных приставов-исполнителей рассматриваются арбитражным судом [3, гл. 24].

Для разграничения подведомственности между судами общей юрисдикции и арбитражными судами стоит обратить внимание на характер спорного правоотношения и на субъектный состав такого спорного правоотношения.

Предметом судебного разбирательства являются правомерность (законность) решения, действия или бездействия органа государственной власти органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями (включая решения, действия или бездействие квалификационной коллегии судей, экзаменационной комиссии), должностного лица, государственного или муниципального служащего, которые повлекли за собой ряд последствий: нарушены права и свободы гражданина; созданы препятствия к осуществлению гражданином его прав и свобод; на гражданина незаконно возложена какая-либо обязанность; гражданин незаконно привлечен к ответственности [4, ч. 1, ст. 218].

В настоящее время никаких разъяснений о том, как толковать и что необходимо включать в такие категории, как решение, действие или бездействие органа публичной власти и иных организаций, наделенных публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих не имеется. Соответственно на практике данный вопрос остается неразрешенным.

Ранее существовали разъяснения в постановлении Пленума Верховного Суда РФ (Далее – ППВС РФ) от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих», которое на данный момент считается не действующим [8]. Через год после принятия КАС РФ Верховным Судом РФ были даны разъяснения, в ППВС РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» [8]. Новое ППВС РФ также не имеет каких-либо разъяснений в этой части.

Следовательно, можно предположить, что судьи при рассмотрении и разрешении дел данной категории, опираются на положения, содержащиеся в уже не действующем акте упомянутом выше.

Таким образом данное постановление устанавливает, что:

К решениям относят акты органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных лиц, государственных, муниципальных служащих и приравненных к ним лиц, принятые единолично или коллегиально, содержащие властное волеизъявление, порождающее правовые последствия для конкретных граждан и организаций. Такие решения могут иметь как установленную законом письменную, так и произвольную устную форму [9, п. 1, абз. 2].

К действиям органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных лиц, государственных или муниципальных служащих относится властное волеизъявление названных органов и лиц, которое не облечено в форму решения, но повлекло нарушение прав и свобод граждан и организаций или создало препятствия к их осуществлению. Также это выраженные в устной форме требования должностных лиц органов, осуществляющих государственный надзор и контроль [9, п. 1, абз. 3].

К бездействию относится неисполнение органом государственной власти, органом местного самоуправления, должностным лицом, государственным или муниципальным служащим обязанности, возложенной на них законом [9, п. 1, абз. 4].

Самым частым примером бездействия, является игнорирование обращения заявителя уполномоченным лицом. В судах часто можно встретить как «бездействие» подменяется понятием «отказ в совершении какого-либо действия обязанным лицом». Ярким примером в данном случае будет являться отказ в согласовании митинга.

С юридической точки зрения бездействие не является отказом, так как отказ подразумевает собой совершение какого-либо действия. В связи с этим бездействие следовало бы определить как несовершение органом публичной власти, должностным лицом, государственным или муниципальным служащим либо иным уполномоченным лицом юридически значимых действий, которые он обязан совершить в силу закона.

В суде могут быть оспорены действия и решения органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями (включая решения, действия (бездействие) квалификационной коллегии судей, экзаменационной комиссии), должностного лица, государственного или муниципального служащего (далее – орган, организация, лицо, наделенные государственными или иными публичными полномочиями) [3, ст. 218].

К субъектам, которые могут обратиться в суд с иском в порядке 22 главы КАС РФ могут быть граждане, организации и иные лица, однако право на их обращение в суд должно быть предусмотрено статьей 208 КАС РФ. Исходя

этого, можно сделать вывод, что прокурор является субъектом, имеющим право обращаться в суд с подомным иском.

Ярким примером может служить решение Железнодорожного городского суда Красноярского края от 25 июля 2019 г. по делу № 2А-1526/2019, согласно которому прокурор ЗАТО г. Железнодорож Красноярского края в интересах неопределенного круга лиц обратился в суд с иском к Администрации ЗАТО г. Железнодорож, Муниципальному предприятию ЗАТО Железнодорож Красноярского края «Гортеплоэнерго» о признании незаконным бездействия и возложении обязанности по обеспечению организации теплоснабжения на территории муниципального образования ЗАТО Железнодорож [10].

Поводом для обращения в суд послужили результаты прокурорской проверки, в ходе которой было выявлено бездействие администрации в организации теплоснабжения на территории муниципального образования.

Данное бездействие нарушало права граждан на обеспечение бесперебойного и качественного теплоснабжения, кроме того, могло повлечь причинение крупного ущерба, вреда здоровью граждан.

Решением суда требования прокурора удовлетворены в полном объеме, суд обязал административного ответчика обеспечить теплоснабжение вышеуказанных жилых домов.

При подаче такого административного искового заявления необходимо соблюсти правило общей территориальной подсудности. Это значит, что административное исковое заявление подается в суд по месту нахождения ответчика.

В практике встречаются случаи, когда место нахождения органа публичной власти, организации, наделенной отдельными государственными или иными публичными полномочиями, не совпадает с территорией, на которую распространяются их полномочия или на которой исполняет свои обязанности должностное лицо, государственный или муниципальный служащий, в таких случаях исковое заявление нужно подавать в суд того района, на территорию которого распространяются полномочия указанного органа публичной власти, организации или на территории которого исполняет свои обязанности соответствующее должностное лицо, государственный или муниципальный служащий.

Согласно КАС РФ прокурор, участвующий в деле, обязан доказывать обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований или возражений.

В своем исковом заявлении прокурор доказывает, нарушение прав, свобод и законных интересов лиц, в защиту которых подано исковое заявление, а также соблюдение сроков обращения в суд.

Административный ответчик в свою очередь доказывает соблюдение требований нормативных правовых актов, соответствие содержания оспариваемого решения, совершенного оспариваемого действия или бездействия нормативным правовым актам, регулирующим спорные отношения.

При рассмотрении административного дела суд проверяет законность решения, действия (бездействия) в части, которая оспаривается, в отношении защиты прав, свобод и законных интересов лиц, в защиту которых подано административное исковое заявление.

Согласно ч. 9 ст. 226 КАС РФ судом в обязательном порядке выясняются следующие обстоятельства [3]:

1) нарушены ли права, свободы и законные интересы административного истца или лиц, в защиту прав, свобод и законных интересов которых подано соответствующее административное исковое заявление;

2) соблюдены ли сроки обращения в суд;

3) соблюдены ли требования нормативных правовых актов, устанавливающих:

а) полномочия органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, на принятие оспариваемого решения, совершение оспариваемого действия (бездействия);

б) порядок принятия оспариваемого решения, совершения оспариваемого действия (бездействия) в случае, если такой порядок установлен;

в) основания для принятия оспариваемого решения, совершения оспариваемого действия (бездействия), если такие основания предусмотрены нормативными правовыми актами;

4) соответствует ли содержание оспариваемого решения, совершенного оспариваемого действия (бездействия) нормативным правовым актам, регулирующим спорные отношения.

Закон "О прокуратуре Российской Федерации" закрепляет, органы прокуратуры в своей деятельности должны обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина, при выявлении нарушений их прав прокурор обязан принять меры реагирования с целью их устранения [5, ст. 27].

Анализ писем прокуроров субъектов Российской Федерации, а также анализ данных Судебного департамента показал, что большую и наиболее разнообразную группу дел, рассматриваемых судами по административным исковым заявлениям прокуроров, составляют дела о признании незаконными действий (бездействия) органов местного самоуправления, иных органов, наделенных отдельными государственными или публичными полномочиями, должностных лиц и обязанности устранить допущенные нарушения.

По данным судебного департамента в 2018 году по данной категории дел прокурорами было подано 17 602 административных исковых заявления из 82 745 по КАС РФ и из 27 200 по Главе 22 КАС РФ, что составляет 21,3% от всех дел и 64,7% по Главе 22 КАС РФ [7].

Однако стоит понимать, что прокурор может учувствовать в процессе не только в роли истца, но и ответчика. Например, решение Нальчикского городского суда от 21 января 2020 г. по делу № 2А-407/2020.

Согласно данному решению суда администрация обратилась в суд иском о признании незаконным представления прокурора. Прокурор указал в обоснование своих требований, что администрации было вынесено

представление, в котором сказано, что администрацией нарушено федеральное законодательство. Исследовав доводы сторон суд решил признать незаконным представление прокурора [11].

Основной причиной удовлетворения подобных исковых заявлений является недостаточность проведенной прокурорской проверки.

В настоящее время можно встретить не много решений судов, в которых граждане или организации оспаривают решения, действия или бездействие органов прокуратуры в порядке административного судопроизводства, что свидетельствует о том, что прокуратура представляет собой единую и централизованную систему органов, для которых основополагающим видом деятельности является осуществление надзора за соблюдением на территории России законности и соблюдения основных прав и свобод человека и гражданина.

Однако стоит понимать, что по исследуемой категории дел прокурор может почувствовать в процессе не только в роли истца и ответчика, но и для дачи заключения по делу.

Рассмотрим решение Оричевского районного суда Кировской области от 6 сентября 2019 г. по делу № 2А-356/2019. Гражданка А. обратилась в суд с иском к администрации поселения о признании незаконными действий (бездействия) органа местного самоуправления. В обоснование своих требований истец ссылается на ответ администрации в котором было указано, что митинг на площади у памятника Ленину не согласован по ряду причин. Прокурор дал свое заключение, в котором указал на нарушения со стороны ответчика и счел исковое заявление подлежащим удовлетворению. Суд удовлетворил исковые требования Гражданки А. [12].

Подводя итоги всего вышеперечисленного можно сказать, что прокуратура, по мнению граждан Российской Федерации, способна разрешить любой спор, восстановить справедливость путем защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также привлечь виновных лиц к ответственности. Однако в случае ошибки какого-либо органа или должностного лица судебная практика показывает, что в России существует рабочий и отлаженный механизм оспаривания решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020) // СПС «Консультант-Плюс»
2. Международный пакт о гражданских и политических правах. заключен в Нью-Йорк, 16.12.1966// "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 12, 1994, // СПС «Консультант-Плюс»
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ//29.07.2002, N 30, ст. 3012, // СПС «Консультант-Плюс»
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ//СЗ РФ 09.03.2015, N 10, ст. 1391, // СПС «Консультант-Плюс»

5. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 "О прокуратуре Российской Федерации"// "СЗ РФ", 20.11.1995, N 47, ст. 4472, // СПС «КонсультантПлюс»

6. Марков Д.Ю. К вопросу о субъекте неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования//Аллея науки. "Quantum". 2021. № 9. С. 193-198.

7. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции / Судебный департамент при ВС РФ - URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 20.06.2022 г.)

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»// "Российская газета", N 222, 03.10.2016, // СПС «КонсультантПлюс»

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих»// "Российская газета", N 27, 18.02.2009, // СПС «КонсультантПлюс»

10. Решение Железнодорожного городского суда Красноярского края от 25 июля 2019 г. по делу № 2А-1526/2019//[URL]: <https://clck.ru/rbF8i>

11. Решение Нальчикского городского суда от 21 января 2020 г. по делу № 2А-407/2020//[URL]: <https://sudact.ru/regular/doc/Xd5UmRHobDL8/>

12. Решение Оричевского районного суда Кировской области от 6 сентября 2019 г. по делу № 2А-356/2019//[URL]: <https://clck.ru/rbXph>

Об авторе

БЕЛЯКОВА Татьяна Сергеевна – студентка 2 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33).

РОЛЬ ИНСТИТУТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

О.Р. Бикмурзина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент А.С. Федина

В статье анализируются нормы действующего законодательства, которые посвящены институту представительства в арбитражном процессе РФ. Рассмотрены вопросы полномочий судебного представителя в арбитражном процессе. Отмечены пробелы действующего законодательства и сформулированы предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: судебное представительство, арбитражный процесс, полномочия, требования.

Развитие института судебного (процессуального) представительства в России происходило под влиянием особенностей государства и общества, таких как: этносоциальные, политические, экономические, культурные и т.д. Главной, и основной, предпосылкой к становлению института адвокатуры в России многие ученые-цивилисты относят Судебную реформу 1864 г.

Институту представительства в арбитражном процессе посвящена глава 6 АПК РФ, которая регламентирует порядок участия в деле представителя, наделение его полномочиями, а также оформление и проверку таких полномочий.

При рассмотрении вопроса о полномочиях судебного представительства в арбитражном процессе, следует сначала определить в каком из видов арбитражного судопроизводства он участвует и от какого лица.

Выделяют общие и специальные полномочия.

Так, в делах о банкротстве при указании объема полномочий представителя обязательно должно быть указано на его права представителя по делам о банкротстве.

Объем полномочий арбитражного управляющего зависит от стадии банкротства и определяется в соответствии с соответствующим судебным актом о введении процедуры банкротства и положениями Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (статьи 64, 66, 82, 83, 99, 129 и др.). Введение соответствующей процедуры банкротства не лишает органы управления должника представлять интересы должника в суде, если иное не будет заявлено арбитражным управляющим суду (статьи 64, 82), с даты введения внешнего управления или конкурсного управления полномочия органов управления должника прекращается, от имени должника выступает арбитражный управляющий.

Таким образом, рассмотрев малую часть проблем института представительства в судах, следует, что законодательство нуждается в проработке смежного института – представительства (возможно путем принятия отдельного законодательного акта), приведении единого термина, принципов допуска представителей, установлению видов представителей, оснований возникновения их полномочий (закон, договор-доверенность, назначение судом, ордер адвоката).

В связи с тем, что в законодательстве отсутствует четкая проработка института представительства, возникает пробел в данном вопросе. Зачастую допуск представителей отклоняется по различным доводам, либо же наоборот допускают до участия в судебных заседаниях лиц, которые должным образом не имеют отношения к данному делу.

Рассматривая данные вопросы, уделим внимание требованиям к статусу судебного представителя в арбитражном процессе, сравнивая с другими процессами.

Для всех арбитражных судов, расположенных на территории Российской Федерации, установлены единые требования к поверенным, в отличие от постояннодействующих арбитражных учреждений, которые

руководствуются своими собственными регламентами и не связаны между собой. В международном коммерческом арбитраже, несмотря на сложность рассматриваемых дел и гораздо большие расходы, предъявляется меньше требований, которые заключаются в основном в правильно оформленной доверенности. Важную роль играет именно доверие к представителю, уверенность в наличии у него особых знаний и опыта для того, чтобы обосновать и доказать арбитрам свою позицию и разрешить спор в свою пользу.

Согласно ч. 1 ст. 59 АПК РФ представителями граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и организаций могут выступать в арбитражном суде адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 за 2019 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2019 г.) в разделе разъяснения процессуальных вопросов указано, что для подтверждения юридического образования достаточно диплома бакалавра. Таким образом, для участия в судебном заседании достаточно лишь базовое юридическое образование. Никаких дополнительных требований к таким представителям не предъявляется.

Таковыми требованиями доступ к правосудию в арбитражном процессе сокращается и, экономическое судопроизводство переходит на более профессиональный уровень. Законодателями предполагается, что такое изменение должно отразиться на качестве правосудия, ведь речь идет об экономике.

Доверитель может доверить представление интересов в суде (ч. 3, 6 ст. 59 АПК РФ):

- любому полностью дееспособному гражданину. Исключение составляют, например, судьи, следователи и прокуроры - они вашими представителями быть не могут (ст. 60 АПК РФ);

- юридическому лицу (такой вывод сделал ВС РФ применительно к норме Гражданского процессуального кодекса РФ, которая аналогична ч. 6 ст. 59 АПК РФ, - см. Определение ВС РФ от 27.09.2016 № 36-КГ16-10). Это может быть, например, организация, которая оказывает юридические услуги (юридическая фирма). В этом случае выступать в суде будет либо руководитель этого юрлица, либо тот, кому он это доверит (п. 1 ст. 53, п. 1 ст. 182, п. 1 ст. 185 ГК РФ).

Требования к представителю, установленные ч. 3 ст. 59 АПК РФ, должны соблюдаться при совершении любых процессуальных действий: при подписании иска, участии в судебном заседании и т.д. (п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 N 46).

Положения АПК РФ о профессиональном представительстве применяются также в случаях, когда арбитражный суд рассматривает дело,

переданное судом общей юрисдикции (п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 N 46).

В частности, представителем может быть учредитель (участник) ООО или работник, не имеющий высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности, однако обладающий, необходимыми знаниями в области спора. При этом интересы организации по данному делу одновременно должны представлять адвокаты или иные лица, имеющие указанные образование либо ученую степень (п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46, Постановление КС РФ от 16.07.2020 № 37-П).

Ровно шестнадцать лет назад в своем постановлении от 16.07.2004 № 15-П Конституционный Суд Российской Федерации признал неконституционными положения части 5 статьи 59 АПК РФ, касающиеся профессионального представительства в АПК РФ, ссылаясь при этом на то, что указание на возможность участия в арбитражном процессе в качестве представителей организаций только лиц, состоящих в штате организации, либо адвокатов ограничивает право доверителя выбирать иных представителей кроме перечисленных в упомянутой норме права.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 16.07.2020 № 37-П разъяснил, что профессиональное представительство не ограничивает право доверителя пользоваться услугами иных представителей, к которым не предъявляются квалификационные требования. Кроме того, суд сослался на схожесть такого подхода с подходами в иных отраслях права, в частности с уголовно-процессуальным законом. При этом остался вопрос о том, что бремя обеспечения соблюдения минимального стандарта представительства ложится на плечи лиц, участвующих в деле, в виде дополнительных судебных расходов.

Из содержания постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.09.2020 по делу № А40-50559/2020 следует, что отсутствие приложенного к иску диплома о высшем юридическом образовании не является основанием для оставления иска без движения.

Схожие подходы можно найти и в судебных актах Арбитражного суда Московского округа (например, по делу № А40-306872/2019). Таким образом, суды Московского региона исходят из того, что диплом необходим при непосредственном участии в судебном заседании.

Таким образом, оспариваемые законоположения, составляющие гарантию надлежащего качества юридической помощи и направленные на обеспечение эффективной защиты прав лиц, участвующих в арбитражном процессе, с учетом сохраняющих силу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, не могут расцениваться как нарушающие конституционные права заявителя, перечисленные в жалобе.

В постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.05.2020 по делу № А50-4602/2020 указывается на то, что представление диплома о высшем юридическом образовании является необходимостью. В

практике арбитражных судов Северо-Западного округа принимались акты, поддерживающие как одну позицию, так и другую.

Правовая позиция, основывающаяся на необходимости представления документа о высшем юридическом образовании вместе с иском, может быть дискуссионной, поскольку деятельность представителя в арбитражном процессе не ограничивается только непосредственным участием в судебном разбирательстве. Обязанностью представителя могут являться и действия, не требующие юридического образования, носящие технический характер. Например, ознакомление с материалами дела и изготовление копий материалов дела, представление документов в канцелярию суда. Поскольку названные действия не требуют специального юридического образования участие в них профессиональных юристов только повышает размеры судебных расходов для сторон спора.

Не можем согласиться с данной позицией. Действительно, чтобы сдать документы в канцелярию арбитражного суда, необязательно иметь при себе доверенность. Однако те документы, которые были направлены, должны иметь копию доверенности и диплома представителя, если они им подписаны.

При ознакомлении с материалами дела посредством электронной системы «МойАрбитр», обязательно нужно приложить скан доверенности и диплома представителя. Без этого система не зарегистрирует ходатайство.

Суд, получив документы о высшем профессиональном образовании, приобщает их наряду с другими документами к материалам дела. При этом законодатель не сформулировал четкую правовую позицию относительно необходимости представления копий дипломов о высшем образовании сторонам в качестве документов, которые у них отсутствуют (ст. 264, 277 АПК РФ), например, при подаче апелляционной или кассационной жалоб, или в случае замены представителя. Возникает также вопрос о соответствии данной нормы положениям Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» в части наличия у других лиц, участвующих в деле, возможности хранить, обрабатывать или распространять среди неопределённого круга лиц сведений, относящиеся к персональным данным представителя (физического лица) другой стороны.

В практике нередки случаи, когда спорящие стороны, пользуясь правом о договорной подсудности и возможностью самостоятельно определять место своего спора, выбирают те арбитражные суды и в тех городах, где находятся юристы или юридические компании, представляющие их интересы. Поэтому введение в процессуальный закон требований о профессиональном представительстве только усилило социально-экономические позиции названной профессиональной группы. Забота законодателя о предпринимателях, которые в состоянии сами решать свои проблемы, причем беспокойство за счет средств самого бизнеса, вызывает по крайней мере сомнения в искренности декларируемых законодателем идей и является почвой для дальнейших дискуссий.

В связи с указанным возникает непосредственная практическая проблема – является ли документ, подтверждающий высшее юридическое образование или научную степень по юридической специальности, необходимым элементом статуса представителя, иными словами, считаются ли полномочия представителя подтвержденными без предоставления указанного документа, либо представитель становится таковым в конкретном деле только после подтверждения его юридического образования/ученой степени?

Опосредуется обозначенная проблема на стадии предъявления искового заявления в арбитражный суд. Так, ст. 126 АПК РФ перечисляет документы, которые должны быть приложены к исковому заявлению и, в том числе, называет среди них доверенность или иные документы, подтверждающие полномочия на подписание искового заявления.

Вместе с тем, среди документов, приведенных в данном закрытом перечне, отсутствуют документы, связанные с образованием и/или ученой степенью представителя, в связи с чем возникает конкуренция и даже, точнее сказать, противоречие положений АПК РФ, который не обязывает прикладывать к подписанному представителем исковому заявлению документы, подтверждающие образование/ученую степень такого представителя, но при этом закрепляет, что представителем граждан и организаций может быть только лицо, подтвердившее свое юридическое образование/ученую степень.

Более того, отсутствие среди приложенных к иску документов об образовании/ученой степени не является, согласно действующему АПК РФ, основанием для непринятия искового заявления к производству с применением последствий, предусмотренных законом (оставление без движения, возвращение, отказ в принятии иска).

Наиболее простым способом решения обозначенной проблемы является внесение изменений именно в ст. 126 АПК РФ, т. е. внесение в список приложений к иску надлежаще заверенной копии документа, подтверждающего высшее юридическое образование/ученую степень представителя, при этом целесообразным представляется сделать исключение в данном правиле для адвокатов, статус которых, а значит и наличие высшего юридического образования, может быть подтвержден проверкой через публичный реестр адвокатов соответствующего субъекта РФ (адвокатской палаты субъекта РФ) по регистрационному номеру.

Не менее актуальной проблемой, возникшей в связи с введением обязанности представителя подтверждать свое образование/ученую степень, является правовая неопределенность, проявляющаяся при участии в арбитражном деле в российском суде представителя, получившего юридическое образование в иностранном учебном заведении.

Следует указать, что согласно ст. 107 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», на территории России признается иностранное образование (иностраный документ об образовании), если между Российской Федерацией и соответствующим

государством заключено соглашение о взаимном признании, либо такое признание предусмотрено иным международным двусторонним и/или коллективным (многосторонним) договором.

При этом, говоря о юридическом образовании, необходимо иметь в виду неправовые обстоятельства, связанные с особенностями правовых систем разных государств: различия в системе законодательства, складывающейся судебной практике, государственных институциях, правовой культуре и проч., которые оказывают непосредственное влияние не столько на формальную, сколько на фактическую (реальную) возможность представителя участвовать в судебном процессе, а именно надлежаще и полноценно осуществлять представление прав и законных интересов граждан и организаций в российском арбитражном суде.

Действительно качественная и профессиональная юридическая помощь в суде возможна не только при наличии высшего юридического образования как такового, но и при учете при получении такого образования особенностей российской правовой системы, сложившейся судебной и административной практики, чего достаточно сложно достичь, получая образование в иностранном высшем учебном заведении, в связи с чем целесообразным представляется путем внесения поправок в соответствующие статьи АПК РФ установить, что надлежащим является документ, подтверждающий образование/ученую степень представителя, выданный российским учебным заведением, аккредитованным соответствующим органом исполнительной власти, так как только такой механизм регулирования, с учетом особенностей именно юридической действительности, позволит соблюсти конституционную гарантию на оказание именно квалифицированной юридической помощи гражданам и организациям.

Однако есть исключение. ВС РФ объяснил, что требование о наличии высшего юридического образования у представителя не имеет обратной силы.

Вводимое с 1 октября 2019 г. требование о наличии высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности не распространяется на лиц, которые начали участвовать в деле до указанной даты. Речь идет, в частности, о случаях, когда они подали исковое заявление или заявление о выдаче судебного приказа (п. 4 Постановления).

В связи с тем, что дел в арбитражных судах с каждым годом возрастает, то институт представительства набирает все большую актуальность ввиду того, что услуги представителя пользуются спросом.

Однако при рассмотрении спора в арбитражном процессе с участием, в большинстве случаев, представителя, нежели руководителя юридического лица, законодательство так и не сформулировало определенного порядка предоставления доказательства своих полномочий. То есть, приложение диплома о высшем юридическом образовании в качестве подтверждения своей квалификации.

В АПК РФ не предусмотрена ответственность за непредставление диплома к процессуальному документу, который подписан представителем. Однако суды так не считают. Рассмотрев судебную практику, мы пришли к выводу, что суды настаивают на предоставлении уполномоченного документа.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 11.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.06.2022) // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, N 43, ст. 4190.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, N 46, ст. 4532.
4. Гоголева М.А. Проблемы профессионального представительства в современном арбитражном процессе / М.А. Гоголева. Текст: непосредственный // Новый юридический вестник. 2022. № 3 (36). С. 51–53.
5. Определение Верховного Суда РФ от 12.11.2020 № 305-ЭС20-17878 по делу № А40-10173/2019. URL: <https://apkrfkod.ru/pract/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-12112020-p-305-es20-17878-po-delu-n-a40-101732019/> (Дата обращения: 15.11.2022).
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 за 2019 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2019 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341600/ (Дата обращения: 18.11.2022).

Об авторе

БИКМУРЗИНА Оксана Рашидовна – студентка 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, ул. Желябова, 33), e-mail: bikmyrzina_oksana@mail.ru

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Е.А. Богачева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент А.С. Федина

В статье рассматривается актуальность распределения обязанности по доказыванию в арбитражном процессе как одного из важнейших принципов арбитражного судопроизводства. Также проанализированы некоторые проблемы данного принципа.

Ключевые слова: *арбитражное судопроизводства, обязанность доказывания, принципы судопроизводства, добросовестность*

Российская Федерация является правовым государством с действующей в настоящий момент Конституцией, в которой закреплены основные положения деятельности органов государственной власти, основные принципы конституционного строя, права и свободы граждан данного государства и другие важные вопросы функционирования деятельности государства. Законность является и основополагающим принципом арбитражного судопроизводства наравне с принципами равенства граждан перед законом и судом, а также значимым принципом состязательности и равноправия сторон. Немаловажным в любом деле вне зависимости от судопроизводства, будь то арбитражный или гражданский процесс, является возможность сторон представлять доказательства, ссылаться на определённые факты, которые могут напрямую повлиять на решение судьи в данном деле.

Актуальность данной темы заключается в том, что с каждым днём судебная система Российской Федерации развивается всё значительнее и значительнее, посредством внедрения новых и современных технологий, внесения изменений в нормативно-правовое регулирование отрасли арбитражно-процессуального права, добиваясь максимально справедливого и объективного осуществления правосудия. В данном случае, распределение обязанности по доказыванию между сторонами является одним из основополагающих начал действия основных принципов арбитражного судопроизводства, в ходе которого при верном распределении бремени доказывания права участников процесса будут подвержены минимальному нарушению. По мнению адвоката Алексея Черных, распределение обязанности по доказыванию является самой большой проблемой российского правосудия.

В настоящее время вполне ясно, что истец имеет определённую задачу по сбору доказательств, которые могут подтвердить заявленные требования, по достоверному и убедительному обоснованию данных обстоятельств в ходе судебного заседания, а также подготовке и поиску тех позиций и доказательств, которые возможно будет вынести в результате высказанных в свою позицию фактов с целью удовлетворения исковых требований в интересах, заявленных со стороны ответчика. Ответчик же, имеет куда более выгодную позицию с точки зрения обязанности доказывания. Ведь если истец выполняет поиск и представляет доказательства в суд во время подачи иска и возможно в случае опровержения позиции ответчика, то последний в свою очередь должен лишь опровергнуть заявленные истцом требования.

Исходя из данных позиций, стоит сказать, что в качестве основной цели сторон при представлении ими доказательств в процессе доказывания, является желание доказать суду свою позицию по делу, как следствие, вынесение решения, которое будет соответствовать исковым требованиям истца или же возражениям и встречным требованиям ответчика.

В юридическом сообществе с давних времен и по настоящее время существует дискуссионный вопрос: «Обязанность доказывания является

правом или юридической обязанностью?» Для ответа на данный вопрос необходимо изучить толкование и само содержание понятия «юридическая обязанность».

Под юридической обязанностью понимается мера должного поведения участника правоотношения, а соответственно арбитражно-процессуальная обязанность – это мера должного поведения участника процесса, установленная нормами процессуального законодательства и обеспеченная возможностью, мер государственного принуждения или общественного воздействия, несоблюдение которой влечет применение мер ответственности» [6].

Исходя из данных определений, можно сделать вывод о том, что обязанность сопровождается применением мер принуждения со стороны государства в лице государственных органов за неисполнение данной обязанности, однако, в современном законодательстве санкции за непредоставление доказательств отсутствуют. М.К. Треушников в одном из своих сочинений писал: «Суд имеет власть над процессом, следовательно, и право требовать доказательства, то есть принуждать; а в случае их непредставления применить санкцию – отвергнуть существование недоказанного факта, понимая под санкцией негативные последствия для стороны» [8].

О.В. Баулин приходит к выводу о том, что бремя доказывания представляет собой: «комплексное процессуальное явление, представляющее собой сочетание прав участника процесса и необходимости выдвинуть и доказать основания своих требований и возражений, обусловленное его материально-правовой заинтересованностью в исходе дела, а также комплекс процессуальных обязанностей суда по обеспечению условий для установления юридически значимых обстоятельств» [2].

Несмотря на довольно убедительные доводы по поводу отнесения обязанности доказывания к обязанностям сторон, стоит указать и противоположное мнение учёных, которое также имеет право на существование. Представители научного сообщества с иной позицией считают, что обязанность доказывания является не обязанностью стороны, а её правом. Исходя из приведённых выше позиций, можно сделать наиболее объективный вывод о том, что в настоящее время судебный не должен принуждать стороны к выполнению обязанности доказывания.

Необходимо также отметить, что в конкретных ситуациях суд полномочен по собственной инициативе расширить предмет доказывания. Такое право суда также подтверждается разъяснениями высших судебных инстанций по различным вопросам.

Основу распределение обязанности доказывания между сторонами в арбитражном процессе составляет основополагающий принцип процессуального права – принцип состязательности. В соответствии со ст. 9 АПК РФ. Осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон.

Стоит указать и основную проблему при реализации данного принципа. В настоящее время большинство граждан Российской Федерации не имеют глубоких познаний в праве, особенно, если вопрос касается каких-либо особенно регулируемых отраслей права, будь то арбитражном, гражданское или уголовное законодательство. В соответствии с чем, данный принцип получает свою полную и значимую для стороны значимость лишь в том случае, если данная сторона обратится за квалифицированной юридической помощью к представителям адвокатского сообщества.

В противном случае реализация этого принципа сводится лишь к убеждению в несправедливости судебной системы. Подобная проблема была описана С.Э. Либановой, она пишет: «Суды, призванные осуществлять защиту прав и интересов граждан, зачастую усугубляют и без того серьёзную путаницу в праве. Судебный прецедент у нас не признаётся источником права, но руководящие разъяснения, постановления Пленума Верховного суда и Информационные письма Высшего Арбитражного Суда РФ зачастую создают новые нормы, предписывающие поступать вразрез с нормами действующего права. Например, при рассмотрении дел о взыскании задолженности арбитражным судам дано было право понижать проценты за пользование чужими денежными средствами, приравнивая их к неустойке, хотя ст.395 ГК РФ такой вариант не предусматривает» [4].

Обязанность доказывания в арбитражном процессе является мерой должного поведения, которое должно осуществить лицо для подтверждения своей позиции. Свое право доказывать обстоятельства стороны и третьи лица осуществляют через представление доказательств суду.

В 1924 г. А.Г. Гойбарг в своих трудах указал, что распределение обязанности по доказыванию носит характер преклюзивных прав [9], что значит, что хотя и представление доказательств в подтверждение своей позиции является субъективным правом, но все же носит характер обязанности ввиду того, что бремя доказывания следует за бременем утверждения.

Стоит заметить позицию С.В. Никитина, касательно роли суда в процессе: «В условиях состязательного процесса суд не собирает доказательства по собственной инициативе. Его задача состоит в том, чтобы, не ограничивая волеизъявления лиц, участвующих в деле, по представлению доказательств, создать им благоприятные условия в определении круга фактических обстоятельств дела. Установив, что представленные доказательства недостаточно подтверждают требования истца или возражения ответчика либо не содержат иных необходимых данных, судья вправе предложить им представить дополнительные доказательства, а в случаях, когда представление таких доказательств для названных лиц затруднительно, по их ходатайству, отвечающему требованиям ст. 66 ГПК РФ, оказывает содействие в собирании и истребовании от организаций и граждан, в частности, письменных и вещественных доказательств» [5].

В настоящее время нормативно-правовое регулирование вопроса распределения обязанности доказывания не возлагает на судебный орган обязанности в собирании доказательств, за исключением процессуального действия в виде назначения экспертизы по делу, при необходимости, Суд скорее наполняет судебные функции по доказыванию чертами гаранта.

Е. Домбровский писал, что «юридические презумпции представляют собой выражение соотношения права и морали в данных исторических условиях развития общества: правила морали закрепляет презюмирующая норма, ими руководствуется судья, оценивая факты» [3].

Большинство ученых разделяют материально-правовые и процессуально-правовые презумпции. Различия между ними сводятся к тому, к какой отрасли права они относятся.

Презюмируется, что каждый участник арбитражного судопроизводства действует добросовестно, пока не доказано обратное. При нарушении обязанности по доказыванию возникают различные последствия. Первым наиболее распространенным нарушением является представление доказательств непосредственно в судебное заседание или за небольшое время перед ним, что лишает возможности другим участникам процесса ознакомиться с ними и при необходимости выразить своё отношение или возражение на них.

Зачастую ответчик может не занимать активную позицию и не представлять доказательств. По общему правилу именно истец несет обязанность доказывания действий ответчика, на которые ссылается в исковом заявлении истец.

Суд должен руководствоваться в первую очередь критерием достаточности приведенных истцом доводов и доказательств в обоснование заявленных требований. Однако не всегда обязанность доказывания виновности ответчика должен нести истец. В некоторых категориях споров закон предусматривает так называемые презумпции виновности, опровержение которых лежит на ответчике. На сегодняшний день судами формируются такие понятия, как «бремя опровержения соответствующих доводов», «переход бремени доказывания» [7].

В качестве примера можно привести институт имущественной ответственности директора за убытки причиненные корпорации, а также институт субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника.

Так, в п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» [1] (далее – ПП ВАС РФ № 62), суд рассматривает ситуацию пассивного процессуального поведения директора: если истцом приводятся доказательства недобросовестности и неразумности директора, а последний в свою очередь не дает пояснений (либо предоставляет явно неполные пояснения), суд может возложить на такого ответчика (директора) бремя доказывания отсутствия нарушения обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно.

Последствием нарушения обязанности по доказыванию является пассивная позиция истец, которые после подачи заявления не является повторно в судебное заседания и не просит рассмотреть дело в его отсутствие.

Подводя итоги, следует отметить, что доказывать обстоятельства, на которые ссылается сторона необходимо для правильного и своевременного разрешения спора. При реализации своих прав и обязанностей стороны должны действовать добросовестно, например, не представлять доказательства непосредственно в судебное заседание, что лишает возможность другой стороне с ними заблаговременно ознакомиться.

Список литературы

1. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 "О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица" // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 10.
2. Баулин О.В. Распределение обязанностей по доказыванию при разбирательстве дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. Судебная власть и правосудие. В., 2014. С. 2–4.
3. Домбровский Е. Юридические презумпции // Социалистическая законность. 1948. № 5. С. 14–17.
4. Либанова С.Э. Проблемы реализации принципа состязательности в арбитражном процессе в условиях правового нигилизма // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2009. С. 87–89.
5. Никитин С.В. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. С. В. Никитина. М.: РГУП, 2016. С. 129–132.
6. Петрова Г.Н. Санкции в судебном праве // М: Наука. 1996. С. 28–29.
7. Решетникова И.В. Особенности арбитражного производства: учебно-практическое пособие // Юстиция, 2019. С. 49–55.
8. Треушников, М.К. Судебные доказательства / М. К. Треушников / Моск. гос. ун–т им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак. М.: "Городец", 1997. 318 с.
9. <https://judpract.elpub.ru/jour/article/view/158> (дата обращения 10.12.2022)

Об авторе

БОГАЧЕВА Елизавета Андреевна – студентка 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, ул. Желябова, 33), e-mail: eabogacheva@edu.tversu.ru.

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

А.С. Богданов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н, доцент А.С. Федина

В статье особое внимание уделяется защите интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации машиностроительного предприятия. Проводится разграничение способа защиты интеллектуальных прав и мер ответственности за их нарушение. Рассматриваются такие понятия как: «результат интеллектуальной деятельности» и «средства индивидуализации».

Ключевые слова: защита интеллектуальных прав, средства индивидуализации, результат интеллектуальной деятельности.

В Российской Федерации существуют несколько способов защиты интеллектуальных прав таких, как:

- пресечение действий, нарушающих ваше право или создающие угрозу его нарушения (пп. 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ). Например, запретить нарушителю продавать и предлагать к продаже товары, в которых использована изобретение, полезная модель, промышленный образец. Необходимо учесть, что такое требование не удовлетворят, если товар уже распродан (п. 57 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10) [4];

- возмещение причинённых убытков. Например, если ответчик неправомерно использует результат интеллектуальной деятельности, средство индивидуализации или не платит согласованное вознаграждение (пп. 3 п. 1 ст. 1252, ст. 1406.1 ГК РФ);

- требование выплатить компенсацию за нарушение исключительного права вместо возмещения убытков (по выбору правообладателя). Сумму компенсации определяет суд, но вы можете выбрать способ расчета. Первый вариант - в твердой сумме в размере от 10 000 руб. до 5 000 000 руб., второй - в двукратном размере стоимости права использования результата интеллектуальной деятельности, либо средства индивидуализации. Эта стоимость определяется исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование такой полезной модели (п. 3 ст. 1252, ст. 1406.1 ГК РФ);

- опубликовать в официальном бюллетене Роспатента решение суда о неправомерном использовании полезной модели (пп. 5 п. 1 ст. 1252, ст. 1407 ГК РФ). Считаю, что данный способ направлен на снижении репутации контрагента. Так как другие организации-правообладатели не захотят сотрудничать с данным юридическим (физическим) лицом.

Можно использовать и иные применимые способы защиты и меры ответственности, предусмотренные ст. 1250, 1252, 1253 ГК РФ (ст. 1406.1 ГК РФ) [2].

Специальных правил для случаев защиты исключительного права машиностроительного предприятия на результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации машиностроительного предприятия закон не предусматривает. Следует указать в претензии, в частности, в чем заключается нарушение права и каковы ваши требования.

В остальном надлежит руководствоваться правилами, по которым составляются претензии по договору. Несмотря на то, что чаще требования о защите исключительного права результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации машиностроительного предприятия следуют не из договора, претензия составляется по тому же принципу [4].

Как следует обратиться в суд защитой исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации машиностроительного предприятия.

Руководствуйтесь общими правилами составления и подачи исков в арбитражный суд или суд общей юрисдикции (ст. 22 ГПК РФ, ст. 27 АПК РФ) [1].

В иске обязательно укажите ваши требования, опишите, в чем заключается нарушение исключительного права, приведите расчет убытков или компенсации, если вы заявляете требование об их взыскании. Приведите сведения о периоде нарушения, объемах производства, рентабельности продукции, схеме сотрудничества нарушителей (например, если один производил контрафактный товар, а другой его продавал).

К иску приложите подтверждающие документы. Например, доказательства приобретения товара у ответчика, заключение отчёта о патентной чистоте.

Роспатент осуществляет государственную регистрацию результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. Он же рассматривает в административном порядке связанные с этим споры (п. 2 ст. 1248 ГК РФ, п. п. 1, 5.4.3, 5.8.1 Положения о Роспатенте).

В частности, вы можете направить в Роспатент возражения на его решение (п. 2 ст. 1406 ГК РФ):

об отказе выдать вам патент на изобретение, полезную модель, промышленный образец или о признании заявки на нее отозванной (п. 3 ст. 1387, п. п. 2, 3 ст. 1390 ГК РФ, п. п. 3.1.1, 3.1.3 Правил рассмотрения и разрешения Роспатентом споров в административном порядке);

о выдаче патента другому лицу, например, если его изобретение, полезную модель, промышленный образец, по вашему мнению, не соответствует условиям патентоспособности (пп. 1 п. 1 ст. 1398 ГК РФ, п. 3.2.1 Правил рассмотрения и разрешения Роспатентом споров в административном порядке).

Таким образом, используя данные сведения, предприятие-правообладатель может обосновать сумму иска, предъявляемого к стороне, нарушившей права обладателя патента, либо авторские права на

результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации, подсчитать упущенную выгоду.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Консультант плюс (дата обращения 12.02.2023).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Консультант плюс (дата обращения 12.02.2023).
3. Лелетина А.В. Международно-правовая охрана интеллектуальной собственности в рамках Всемирной торговой организации и российская правовая система. М.: Инфотропик Медиа, 2020. 348 с.
4. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения 12.02.2023).

Об авторе

БОГДАНОВ Альберт Сергеевич – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, ул. Желябова, 33), e-mail: asbogdanov@edu.tversu.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК СТАДИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

В.А. Викулова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н, доцент И.А. Крусс

В данной статье институт исполнительного производства рассматривается как стадия гражданского процесса. В рамках исследования представлена проблема отсутствия законодательного закрепления срока вынесения постановления об окончании или прекращении исполнительного производства. Предлагается закрепление пятидневного срока для окончания исполнительного производства после наступления обстоятельств, с которыми закон связывает окончание или прекращение исполнительного производства.

Ключевые слова: исполнительное производство, гражданский процесс, прекращение исполнительного производства, процессуальный срок.

Судебное решение является основанием для возникновения тех или иных прав и обязанностей, исполнение которых является общеобязательным. Как правило, гражданский процесс завершается реализацией судебного акта, вступившего в законную силу. Исполнительное производство предполагает обеспечение конечного результата с наименьшими юридическими, временными и материальными издержками. В соответствии с ведомственными статистическими данными Федеральной службы судебных

приставов Российской Федерации за период с января по июнь 2021 г. в Российской Федерации на исполнении судебных приставов-исполнителей находилось 81 218 710 дел, в том числе, в Тверской области – 632 955 дел [4]. Наличие достаточно большого количества дел в производстве судебных приставов-исполнителей свидетельствует о высокой востребованности данного института, реализация механизмов которого требует четкости и эффективности. Однако по настоящее время при исполнении судебных и иных юрисдикционных актов субъекты встречаются с рядом проблем, вызванных различными факторами, в том числе, наличием правовых пробелов, несовершенством исполнительской системы и иных, решение которых напрямую может влиять на защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Исполнительное производство предполагает собой деятельность суда, судебных приставов-исполнителей, сторон по принудительному осуществлению требований судебных актов и актов иных органов в целях восстановления и защиты нарушенных прав [7]. В юридической науке актуальным остается вопрос места исполнительного производства в системе российского права. Так, некоторые авторы, в том числе В.М. Шерстюк, считают, что исполнительное производство является заключительной стадией гражданского процесса, аргументируя это тем, что процесс защиты права завершается, когда происходит действительная защита права посредством исполнительного производства [11]. Иные ученые-юристы, такие как Рогожкина Ю.Ю. представляют исполнительное производство как самостоятельную отрасль права [10]. Сторонники данного подхода подчеркивают, что гражданско-процессуальные отношения ограничиваются сферой правосудия, а также что суд не является обязательным субъектом исполнительного производства или его роль незначительна. А.А. Власов обращал внимание, что при исполнении решения суда действия по принудительному исполнению не имеют гражданского процессуального характера, отсутствуют фундаментальные начала гражданского судопроизводства [6]. Также имеет место точка зрения, в соответствии с которой исполнительное производство рассматривается как комплексная отрасль права. Так, Ю.К. Толстой отмечал, что исполнительное производство является комплексной отраслью права, так как она не обладает единством предмета правового регулирования, регулирует разнородные отношения, а также ей присущ специфический метод [8]. В результате анализа различных подходов по данному вопросу считаем целесообразным разделить точку зрения А.Т. Боннера, который считает, что общественные отношения, складывающиеся в процессе исполнительного производства, «имеют производно-вспомогательный характер и в полной мере отражают основную модель гражданских процессуальных отношений между компетентными государственными органами и участниками процесса» [5]. Кроме того, как видится, законодатель также придерживается взгляда на исполнительное производство как стадию гражданского процесса ввиду отсутствия

кодификации норм права, регламентирующих данный институт, на фоне многочисленных законодательных изменений.

Основным законодательным актом, регулирующим отношения в сфере исполнительного производства, является Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон) [1]. Принятие данного нормативно-правового акта, а также внесение в него ряда поправок, по настоящее время не решает всех проблем, возникающих при реализации исполнительного производства. Одним из способов обеспечения качественного и быстрого исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, является установление стадий исполнительного производства с установкой конкретных процессуальных споров. Например, У.М. Мурзабулатовым предлагается выделить такие стадии, как возбуждение исполнительного производства, добровольное исполнение, попытки примирения сторон и подготовка к принудительному исполнению, принудительное исполнение, окончание исполнительного производства либо продление судом срока принудительного исполнения, обжалование действий (бездействий) судебного пристава-исполнителя [9]. Указанное предложение не является абсолютно приемлемым, однако имеет место и может быть использовано для дальнейшего реформирования законодательства об исполнительном производстве.

Одной из основных проблем данного института являются оптимальные сроки проведения исполнительных действий. В исполнительном производстве сроки определяются календарной датой, указанием на событие, которое должно наступить, или периодом, в течение которого действие может быть совершено. Важно отметить, что если срок по исполнительному производству исчисляется днями, то в таком случае не учитываются нерабочие дни. Статьями 43 и 47 Закона установлены порядок прекращения и окончания исполнительного производства. Исполнительное производство может быть прекращено судом или судебным приставом-исполнителем. Согласно ст. 44 Закона в постановлении о прекращении исполнительного производства судебный пристав-исполнитель отменяет все назначенные меры принудительного исполнения, а также установленные ограничения.

В научной литературе достаточно пристальное внимание уделяется вопросу наличия в законодательстве двухмесячного срока исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе. Указанный процессуальный срок не является пресекательным. Большинство авторов отмечают, что по причине наличия высокой нагрузки, сложности процедуры исполнительного производства, двух месяцев для исполнения требования исполнительного документа недостаточно. Так, У.М. Мурзабулатов отмечает, что закрепленный двухмесячный срок противоречит норме, закрепленной в ч. 8 ст. 36 Закона, где указано, что истечение сроков совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения не является основанием для прекращения или окончания исполнительного производства [9]. Как представляется, в большинстве случаев двухмесячный

срок для исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, действительно является недостаточным. В случае окончания исполнительного производства и возвращения исполнительного документа взыскателю в связи с невозможностью его исполнения, взыскатель вынужден повторно обращаться к судебным приставам-исполнителям для исполнения требований, указанных в исполнительном документе. То есть фактически взыскатель может добиваться исполнения обязательства бесконечное количество времени, в то время, если для исполнения требований судебному приставу-исполнителю было бы предоставлено несколько большее количество времени для принудительного взыскания, то качество исполнительного производства и скорость исполнения требований была бы значительно выше.

По истечении двухмесячного срока исполнительное производство оканчивается, прекращается или приостанавливается, о чем судебным приставом-исполнителем выносится постановление. Важно отметить, что при прекращении исполнительного производства исполнительный документ остается в материалах дела исполнительного производства и его повторное предъявление невозможно. Вместе с тем, при окончании исполнительного производства взыскатель вправе вновь предъявить исполнительный документ к исполнению в установленные законом сроки.

Анализ судебной и иной правоприменительной практики показывает, что фактически судебные приставы-исполнители при наступлении оснований для окончания или прекращения исполнительного производства затягивают сроки окончания или прекращения производств. Например, в производстве судебного пристава-исполнителя находилось дело о взыскании алиментных платежей на основании судебного приказа. Должник, оспорив судебный приказ, предоставил судебному приставу-исполнителю копию определения об отмене судебного приказа, однако денежные средства с должника продолжали удерживаться, что, очевидно, нарушает его права. Кроме того, возврат излишне взысканной суммы требует повторного обращения должника в суд с заявлением о повороте исполнительного производства, что представляет собой достаточно длительную процедуру. 21 декабря 2021 г. был принят Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 417-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], который устанавливает трехдневный срок для возбуждения исполнительного производства, однако в законодательстве по настоящее время отсутствует аналогичное временное ограничение для окончания или прекращения исполнительного производства.

С целью устранения указанного правового пробела в январе 2022 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесен Законопроект №55151-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» [3], в рамках которого предлагается закрепить обязанность судебного пристава-исполнителя о вынесении постановления о прекращении или окончании исполнительного производства в течение трех дней.

Представляется, что указанная инициатива позволит добросовестным должникам нивелировать риск взыскания задолженности после ее погашения, а также возможность несвоевременного снятия обеспечительных мер, а также снизит нагрузку на суды в случае оспаривания действий (бездействия). Однако, как представляется, трехдневный календарный срок является нецелесообразным, так как с учетом высокой загруженности судебный пристав-исполнитель не будет иметь возможности своевременно вынести постановление об окончании или прекращении исполнительного производства, в связи с чем считаем более правильным закрепление пятидневного срока для вынесения соответствующего постановления. Очевидно, ввиду того, что законопроект находится только на стадии внесения, итоговый вид поправок будет носить измененный характер, однако установление указанного срока необходимо и целесообразно, что благоприятно скажется на уровне защиты прав и законных интересов как должников, так и кредиторов.

Итак, действующее законодательство, регулирующее вопросы сроков окончания или прекращения исполнительного производства, имеет ряд правовых пробелов, а, соответственно, нуждается в дальнейшем совершенствовании. В связи с этим необходимо обратить внимание на формирование единой судебной и иной правоприменительной практики по вопросам прекращения исполнительного производства, а также установление в рамках законодательства общих сроков прекращения или окончания исполнительного производства.

Список литературы

1. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
2. Федеральный закон от 21.12.2021 № 417-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47381>
3. Законопроект №55151-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» // Система обеспечения законодательной деятельности URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/55151-8#bh_histras (дата обращения: 15.01.2023).
4. Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов // Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации. URL: <https://fssp.gov.ru/statistics> (дата обращения: 15.01.2023).
5. Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе / А.Т. Боннер. СПб.: Юридическая книга, 2008. 836 с.
6. Гражданское исполнительное право / под ред А.А. Власова М.: Экзамен, 2004. 352 с.
7. Исполнительное производство: учебник для бакалавриата и магистратуры / М. Л. Гальперин. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018. 498 с.
8. Коваленко А. Ю. Комплексная отрасль права как категория юридической науки // Законодательство и экономика. 2014. № 3. // СПС Консультант Плюс
9. Мурзабулатов У. М. Стадийность исполнительного производства - гарантия своевременности исполнения требований исполнительного документа // Правовое государство: теория и практика. 2019. №2 (56). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/stadiynost-ispolnitelnogo-proizvodstva-garantiya-svoevremennosti-ispolneniya-trebovaniy-ispolnitelnogo-dokumenta>

10. Рогожкина Ю.Ю. Место исполнительного производства в системе Российского права / Ю.Ю. Рогожкина // Молодой ученый. 2020. № 44 (334). С. 273–275. URL: <https://moluch.ru/archive/334/74635/>

11. Шерстюк В.М. Научно-практический комментарий к Федеральному закону Российской Федерации «Об исполнительном производстве» (постатейный) / В.М. Шерстюк. М.: Норма, 2009. 256 с.

Об авторе

ВИКУЛОВА Валерия Андреевна – студентка 2 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: vavikulova@edu.tversu.ru

ПРОВЕДЕНИЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ГОСПИТАЛИЗАЦИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

Д.А. Гладили

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н, профессор Л.В. Туманова

В статье анализируется такой способ реализации права принудительно госпитализируемого гражданина на личное участие в судебном заседании как использование видеоконференц-связи. Автором рассмотрены конкретные примеры из судебной практики и на их основе сделаны выводы о том, насколько полно видеоконференц-связь позволяет реализовать право гражданина на личное участие в данной категории дел.

Ключевые слова: право на личное участие в судебном заседании, принудительная госпитализация, видеоконференц-связь.

Актуальность рассматриваемой темы на сегодняшний день связана как со спецификой дел об ограничении права на свободу и личную неприкосновенность при принудительной госпитализации, обуславливающей особенности реализации права на личное участие в судебном заседании, так и со складывающейся ситуацией пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 (далее – COVID 19), в условиях которой слова «дистанция», «дистанционный» являются центральными, определяющими вектор общественной жизни.

Право на личное участие гражданина в судебном заседании, будучи составной частью права на справедливое судебное разбирательство, закрепленного ст. 6 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод»,

заключенной в г. Риме 04.11.1950 (далее – Конвенция) [4], и права на судебную защиту, содержащегося в ст. 46 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [5], является одной из главных и основополагающих процессуальных гарантий. Его важность была особым образом подчеркнута в Постановлении Конституционного Суда РФ от 30.11.2012 № 29-П, в котором оно было названо «неотъемлемым элементом принципа состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации)» [9] и «гарантией обеспечения в ходе судебного разбирательства действия указанного конституционного принципа» [9].

В делах, связанных с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность в порядке подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции («законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг» [4]) право на личное участие в судебном заседании приобретает особый смысл, позволяя гражданам, чья свобода может быть ограничена в результате принятия соответствующего решения судом, реализовать свое право на судебную защиту наиболее полным образом, быть услышанными судом, представить возражения на решения соответствующих врачебных комиссий и иных органов. В решениях Европейского Суда по правам человека принцип обеспечения личного участия гражданина в судебном разбирательстве при рассмотрении вопроса об ограничении его права на свободу и личную неприкосновенность является одним из главных.

Так, в Постановлении от 02.05.2013 по делу "Загидулина против Российской Федерации" Европейский Суд применил в качестве одного из документов Рекомендацию Совета Европы R(83)2 от 22.02.1983 «Относительно правовой защиты недобровольно госпитализированных лиц с психическими расстройствами», в ст. 4 которой сказано следующее: «Когда решение принимается судом... пациент должен быть информирован о своих правах и иметь возможность быть лично заслушанным судьей, кроме случаев, когда судья с учетом состояния здоровья пациента решает заслушать его только с помощью представительства. Он должен быть информирован о своем праве обжаловать решение о госпитализации или его подтверждение, и в случае его требования или если судья сочтет это целесообразным, он может воспользоваться помощью защитника или другого лица...» [7]. На основании этого положения Европейский Суд пришел к выводу о том, что заслушивание заявительницы лично или ее представителя было обязательным условием для обеспечения «справедливого и надлежащего порядка» [7], однако этого сделано не было: право на личное участие в судебном заседании было не просто не реализовано – заявительница о нем не была поставлена в известность. В Постановлении по делу «Винтерверп против Нидерландов» Европейский Суд высказал аналогичную позицию: «... важно, чтобы заинтересованное лицо имело доступ к суду и возможность быть заслушанным лично или через какую-либо форму представительства, без

чего оно будет лишено "основных процессуальных гарантий, применяемых в делах, связанных с лишением свободы"» [8].

Как было отмечено ранее, в делах о принудительной госпитализации гражданина право на личное участие в судебном заседании и изложении своей позиции по делу приобретает особое значение. Анализ положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) позволил сделать вывод о том, что данное право прямо закреплено только в ст. 277 КАС РФ, в главе, посвященной принудительной госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь. Данное решение законодателя можно связать с особенностью данной категории дел, заключающейся в нахождении их на «стыке психиатрии и юриспруденции» [1], которая обуславливает специфику исследования доказательств, одними из которых являются объяснения самого госпитализируемого гражданина.

Так, в решении Индустриального районного суда г. Хабаровска Хабаровского Края по делу № 2А-3697/2020 суд дал оценку поведению госпитализируемого лица: «Ответчик ... в судебном заседании с исковыми требованиями не согласился, пояснил, что не желает находиться в медицинском учреждении. Контакту был слабо доступен, беспричинно вставал, пытался покинуть помещение» [12]. Такое поведение позволило «суду сделать вывод о том, что он страдает тяжелым психическим заболеванием» [12].

В решении Сергиево-Посадского городского суда Московской области по делу № 2А-1110/2020 продемонстрирована вся важность объяснений госпитализируемого лица в качестве доказательства и значимость их тщательной оценки судом. Так, ГБУЗ МО «ПБ №5» обратилось в суд с административным иском о госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке. Одним из основных доказательств истца было заключение комиссии врачей-психиатров, согласно которому ответчик «в суждениях, пояснениях паралогична, непоследовательна, периодически в разное время дает взаимоисключающие сведения, не понимает нелогичность своих поступков в последнее время...» [16]. Из этого комиссия сделала следующий вывод: «психическое расстройство ... является тяжелым и обуславливает непосредственную опасность для себя и окружающих» [16]. Однако присутствующий в судебном заседании административный ответчик «правильно назвала свои фамилию, имя, отчество, дату и год рождения, возраст. Показала суду, что ... находится в психиатрическом отделении данной больницы, куда была доставлена бригадой скорой помощи по заявлению ее матери, с которой у нее сложились неприязненные отношения. Пояснила суду, что не состоит на учете в ПНД, спиртными напитками не злоупотребляет, больной себя не считает...» [16]. Суд дал соответствующую оценку данным объяснениям: ответчик «в ходе судебного разбирательства по делу вела себя по отношению к другим участникам процесса адекватно,

отдавала отчет своим действиям, по существу четко и ясно отвечала на вопросы» [16], в связи с чем выводы комиссии были признаны судом несостоятельными, а исковые требования – не подлежащими удовлетворению.

Такие решения показывают особую ценность права госпитализируемого гражданина на личное участие в судебном заседании. Необоснованное его ограничение делает возможным злоупотребление правом со стороны медицинских организаций и иных заинтересованных лиц, в частности родственников госпитализируемого, с которыми у последних могли сложиться личные неприязненные отношения, связанные, например, со спорами по поводу имущества. Психиатрия в такой ситуации становится «карательным» инструментом. Все это с высокой вероятностью приводит к судебной ошибке и, как следствие, существенному нарушению права на свободу и личную неприкосновенность госпитализируемого лица.

Реализация права на личное участие гражданина в судебном разбирательстве на практике оказывается затруднительной по ряду причин, связанных, как с особенностью дел о принудительной госпитализации, так и со складывающейся на сегодняшний день ситуацией с новой коронавирусной инфекцией COVID-19.

11 марта 2020 года генеральный директор Всемирной организации здравоохранения сообщил, «что распространение COVID-19 можно охарактеризовать как пандемию» [6]. Дальнейшее развитие событий отразилось на всех сферах жизни: понятия «социальная дистанция», «удаленная работа», «локдаун» стали частью повседневности.

Н.А. Бурашникова отмечает, что пандемия «заставила юридический мир по-новому посмотреть на многие аспекты правотворчества и правоприменения, произвести переоценку приоритетов, иначе подойти к поиску баланса прав личности и законных интересов общества и государства, ставя во главу угла жизнь и здоровье человека как одну из высших ценностей современного общества» [2]. Одним из примеров реакции на существующую ситуацию является Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 N 821, текстом которого было постановлено «приостановить личный прием граждан в судах и рекомендовать подавать документы через электронные интернет-приемные судов или посредством почтовой связи» [10] и рекомендовано «при наличии технической возможности с учетом мнений участников судопроизводства проводить судебные заседания ... с использованием системы видеоконференц-связи и (или) системы веб-конференции с учетом опыта Верховного Суда Российской Федерации» [10].

Несмотря на то, что указанное Постановление не действует в данный момент, повестка, в соответствии с которой приоритетным способом реализации права граждан на личное участие в судебном заседании является использование видеоконференц-связи и веб-конференции, актуальна. Н.А. Бурашникова в связи с этим справедливо замечает, что такое решение

проблемы, путем «трансформации» привычной формы реализации права граждан на личное участие в судебном заседании, содействует как гармонизации частного и публичного интересов, так и обеспечению баланса прав личности и законных интересов общества и государства [2].

Под видеоконференц-связью в соответствии с п. 1.5. Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 (ред. от 30.12.2020) "Об утверждении Регламента организации применения видеоконференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний" понимается «способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами» [11]. Пункт 1.6. данного Приказа указывает на то, что видеоконференц-связь может проводиться только при наличии технической и организационной возможности в судах, оснащенных программно-техническими комплексами ВКС и подключенных к ведомственной сети передачи данных ГАС "Правосудие" [11].

Правовую основу применения видеоконференц-связи в административном процессе составляет ст. 142 КАС РФ, из ч. 1 которой следует, что использование видеоконференц-связи возможно в ситуации необходимости присутствия лица в судебном заседании для правильного рассмотрения и разрешения административного дела, когда такое присутствие по объективным причинам невозможно. В таком случае вопрос об участии лица в судебном заседании разрешается судом (по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по собственной инициативе суда) путем использования систем видеоконференц-связи при наличии такой технической возможности.

Часть 2 ст. 142 КАС РФ гласит, что системы видеоконференц-связи могут использоваться в суде по месту жительства, месту пребывания или месту нахождения лица, присутствие которого необходимо в судебном заседании, но которое не имеет возможности прибыть в судебное заседание суда, рассматривающего административное дело, а также в местах содержания под стражей или местах лишения свободы с использованием систем соответствующих учреждений. Перечень мест, в которых видеоконференц-связь может быть использована, закрепленный в ч. 2 ст. 142 КАС РФ, не является исчерпывающим и не может толковаться ограничительно: об этом свидетельствует приведенный ранее п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 50 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с рассмотрением судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке», в котором говорится о возможности использования систем видеоконференц-связи медицинской противотуберкулезной организацией.

Предполагается, что по аналогии в делах о принудительной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь, и недобровольной госпитализации в связи с

COVID-19 могут быть использованы системы видеоконференц-связи соответствующих учреждений.

Часть 3 ст. 142 КАС РФ закрепляет правило, в соответствии с которым суд выносит определение об участии в судебном заседании лиц, путем использования систем видеоконференц-связи.

Части 4, 5 ст. 142 КАС РФ установлен порядок действий секретаря судебного заседания, помощника судьи (если используется система видеоконференц-связи суда), начальника учреждения, в котором содержится гражданин, обеспечение явки которого необходимо (если используется система видеоконференц-связи исправительного учреждения), по организации использования систем видеоконференц-связи. Предполагается, что, как и в случае с местами, в которых возможно использование видеоконференц-связи, данные положения могут применяться по аналогии к соответствующим лицам в медицинских организациях.

Часть 6 ст. 142 КАС РФ гласит, что правила, установленные рассматриваемой статьей, могут быть применены в суде апелляционной, кассационной или надзорной инстанции.

Ряд вопросов, связанных с использованием видеоконференц-связи, в частности, порядок допроса свидетелей, исследования доказательств при использовании видеоконференц-связи, урегулирован ст. 59, 148, 160, 161 и др. статьями КАС РФ.

В рамках темы исследования наиболее актуальным и важным является положение ч. 8 ст. 11 КАС РФ, которым запрещается использование систем видеоконференц-связи в закрытом судебном заседании. В соответствии с ч. 2 ст. 277 КАС РФ, ч. 3 ст. 283 КАС РФ дела о принудительной госпитализации могут быть рассмотрены в закрытом судебном заседании в порядке ст. 11 КАС РФ.

Анализ судебной практики привел к неоднозначному выводу: в большинстве случаев дела о принудительной госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь, рассматриваются в закрытом судебном заседании с соответствующей ссылкой на то, что материалы содержат в себе сведения, составляющие врачебную тайну [19]. При этом дела о принудительной госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию так же, как и дела о госпитализации в связи с COVID-19 (о принудительной изоляции в условиях обсерватора), чаще рассматриваются в открытом судебном заседании, что не исключает использования систем видеоконференц-связи.

В судебной практике были выявлены примеры, которые даже сложно назвать неисполнением положений действующего законодательства. Как следует из текста решения Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики по делу № 2А-2686/2020, дело о принудительной изоляции в условиях обсерватора было рассмотрено «в закрытом судебном заседании с использованием видеоконференц-связи посредством мессенджера WhatsApp» [15].

В данном случае, во-первых, нарушен прямой запрет ч. 8 ст. 11 КАС РФ на использование систем видеоконференц-связи в закрытом судебном заседании. Во-вторых, произошла подмена понятий – в данном случае для обеспечения личного участия гражданина в судебном заседании была использована не видеоконференц-связь, а веб-конференция, поскольку что связь была организована посредством мессенджера «WhatsApp». В случае же проведения заседания с использованием видеоконференц-связи в тексте решения указывается место, из которого ответчику было предложено присоединиться к заседанию. Так, например, в решении Советского районного суда г. Казани Республики Татарстан по делу № 2А-7048/2019 указано, что «для обеспечения участия административного ответчика в судебном заседании с помощью системы видеоконференц-связи истцу было предложено подойти в день судебного заседания в помещение ГАУЗ «РКПД МЗ РТ» [17].

В других рассмотренных примерах нарушения положения ч. 8 ст. 11 КАС РФ выявлено не было. Возвращаясь к результатам проведенного анализа, необходимо отметить, что решений о недобровольной госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь, в которых право на личное участие гражданина в судебном заседании было реализовано с использованием систем видеоконференц-связи, обнаружено не было. Это объясняется, с одной стороны, выявленной нами ранее тенденцией рассмотрения дел данной категории в закрытом судебном заседании, а с другой - тем, что право на личное участие гражданина в судебном разбирательстве по данной категории дел имеет определенную специфику, в связи с чем возникает вопрос о том, насколько полно оно будет реализовано путем использования систем видеоконферен-связи или веб-конференции. Так, Н.А. Бурашникова справедливо отмечает: «Оценка наличия оснований для принудительной госпитализации, оценка психического состояния лица, особенностей его личности, поведения судом настолько сложна, что она требует непосредственного контакта с госпитализируемым лицом. Кроме того, и сам административный ответчик в силу своего психического состояния может оказаться не способным к контакту с судьей и другими участниками процесса посредством использования средств видео-конференц-связи» [3].

Исходя из вышесказанного, использование видеоконференц-связи в делах о принудительной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь, не способствует наиболее полной реализации права госпитализируемого гражданина на личное участие в судебном заседании. Считаем, что такая форма реализации данного права в рамках указанной категории дел может применяться в исключительных случаях для обеспечения безопасности участников процесса в условиях сложной эпидемиологической обстановки.

Дела о принудительной госпитализации граждан в медицинскую противотуберкулезную организацию в свою очередь, как показал анализ

судебной практики, в сравнительно большом количестве случаев рассматриваются с использованием систем видеоконференц-связи. В делах данной категории такой подход, как было отмечено ранее, целесообразен и оправдан: право на личное участие госпитализируемого гражданина реализуется наиболее полным образом, при этом обеспечивается безопасность судей, сотрудников аппарата судов и участвующих в деле лиц, предотвращается возможность их заражения туберкулезом. Однако в процессе анализа была выявлена проблема: госпитализируемые граждане зачастую не реализуют свое право на личное участие в судебном заседании по данной категории дел.

В решении Советского районного суда г. Казани Республики Татарстан по делу № 2А-8885/2018 было указано следующее: «Для обеспечения участия административного ответчика в судебном заседании с помощью системы видеоконференц-связи ответчик вызывался судом в помещение ГАУЗ «РКПД МЗ РТ». Однако ко времени начала судебного заседания ответчик для проведения видеоконференц-связи не явился; надлежащим образом извещен» [18].

Скорее всего, это связано не столько с формой реализации права на личное участие в судебном заседании, сколько с предметом рассматриваемой категории дел. В большинстве случаев административные ответчики не реализуют данное право, так как они осведомлены о наличии у себя туберкулеза и о том, что ими были неоднократно нарушены правила диагностирования и лечения данного заболевания [14]. В редких случаях административные ответчики возражают против принудительной госпитализации, высказывая свою позицию по рассматриваемому вопросу. Так, в решении Ленинского районного суда г. Томска Томской области по делу № 2А-811/2020 административный ответчик, явка которого была обеспечена системой видеоконференц-связи на базе Парабельского районного суда Томской области, пояснил, что ему известно об установленном диагнозе, при этом он «чувствует себя хорошо, но периодически ... становится душно» [13], проходит амбулаторное лечение, нуждающимся себя в принудительной госпитализации не считает, «свободно перемещается по населенному пункту, встречается с родственниками и знакомыми, ходит на неофициальные заработки» [13].

В данном случае нас интересовала не состоятельность приводимых доводов, а само наличие позиции, для высказывания которой административным ответчиком было реализовано право на личное участие в судебном заседании путем использования видеоконференц-связи.

При рассмотрении дел о недобровольной госпитализации в связи с COVID-19 (о принудительной изоляции в условиях обсерватора) системы видеоконференц-связи так же, как и при принудительной госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию, активно применяются, что позволяет обеспечить необходимый баланс между правом гражданина на личное участие в судебном заседании и охраной здоровья лиц,

присутствующих в судебном заседании. Примеров судебной практики рассмотрения дел данной категории с использованием веб-конференции, кроме того, в котором она была применена незаконно и названа «системой видеоконференц-связи», нам найти не удалось.

Подводя итог, необходимо отметить, что использование видеоконференц-связи сопровождаемое в ряде случаев техническими сложностями в виде ухудшения качества связи в процессе судебного заседания, а также ставящее по-новому вопросы об общении с представителем в процессе судебного заседания и др., способствует наиболее полной реализации права на личное участие гражданина в судебном заседании по делам о принудительной госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию и о принудительной изоляции в условиях обсерватора, так как обеспечивает возможность высказать свою позицию, не ставя под угрозу жизнь и здоровье лиц, участвующих в деле. В делах о принудительной госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь, использование данных технологий, к сожалению, в силу определенной специфики не обеспечивает необходимого уровня реализации данного права.

Список литературы

1. Административное судопроизводство в вопросах и ответах. Учебное пособие / Под общ.ред. Муравьева А.А. - Москва: Проспект, 2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://bookmix.ru/book.phtml?id=2837217> (дата обращения: 25.01.2022)
2. Бурашникова Н.А. COVID-19: правовое регулирование недобровольного медицинского вмешательства // Закон. 2020. № 7 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Бурашникова Н.А. Судебный контроль за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность: диссертация д-ра юрид. наук. Москва, 2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://www.ranepa.ru/aspirantura/zashchity-dissertatsij/burashnikova-natalia-anatolievna/> (дата обращения: 12.01.2022).
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // "Собрание законодательства РФ". 08.01.2001. № 2. Ст. 163.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
6. КонсультантПлюс: Новости для специалиста организации здравоохранения с 16 по 20 марта 2020 года // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление ЕСПЧ от 02.05.2013 "Дело "Загидулина (Zagidulina) против Российской Федерации" жалоба № 11737/06 // "Бюллетень Европейского Суда по правам человека". 2014. № 2.
8. Постановление ЕСПЧ от 24.10.1979 "Винтерверп (Winterwerp) против Нидерландов" (жалоба N 6301/73) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2012 N 29-П "По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Г. Круглова, А.В. Маргина, В.А. Мартынова и Ю.С. Шардыко" // "Собрание законодательства РФ". 17.12.2012. № 51. Ст. 7323.

10. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 N 821 «О приостановлении личного приема граждан в судах» (утратил силу) / Документ опубликован // СПС «КонсультантПлюс»
11. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 N 401 (ред. от 30.12.2020) "Об утверждении Регламента организации применения видеоконференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний" // "Бюллетень актов по судебной системе". № 3. 2016.
12. Решение Индустриального районного суда г. Хабаровска Хабаровского Края по делу № 2А-3697/2020 от 22.07.2020// СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/836we2gAv4Us/> (дата обращения: 30.01.2022).
13. Решение Ленинского районного суда г. Томска Томской области по делу № 2А-811/2020 от 14.05.2020 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6MbS9lsmXzYC/> // (дата обращения: 01.01.2022).
14. Решение Нагайбакский районного суда Челябинской области по делу №2А-430/2020 от 21.09.2021 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CZOzCZTDlH5e/> // (дата обращения: 01.01.2022).
15. Решение Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики по делу № 2А-2686/2020 от 29.05.2020 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0Sw0j2NPDVWC/> // (дата обращения: 28.12.2021).
16. Решение Сергиево-Посадского городского суда Московской области по делу № 2А-1124/2020 от 23.01.2020// СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/y8rhuooNPlII/> (дата обращения: 30.12.2021)
17. Решение Советского районного суда г. Казани Республики Татарстан по делу №2А-7048/2019 от 28.08.2019 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/76eNLargRFNe/> // (дата обращения: 28.12.2021).
18. Решение Советского районного суда г. Казани Республики Татарстан по делу № 2А-8885/2018 от 16.10.2018 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xp4iICnPQSmV/> (дата обращения: 31.12.2021).
19. Решение Усть-Лабинского районного суда Краснодарского края по делу № 2А-1450/2020 от 30.07.2020 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yyHmPca1zzZ5/> (дата обращения: 28.12.2021).

Об авторе

ГЛАДИЛИН Дмитрий Алексеевич – студент 2 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: gladda999@yandex.ru

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

А.И. Голубева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н, профессор Л.В. Туманова

В статье анализируются нормы действующего законодательства об электронном документе, проводится исследование электронных документов как доказательств в гражданском процессе. Также рассматривается понятие электронного документа как доказательства, анализируются проблемы сбора и предоставления электронной информации в суд.

Ключевые слова: гражданский процесс, доказательства, электронные доказательства, документ, электронный документ, понятие электронного документа, электронный образ документа.

Важным фактором, влияющим на формирование общества, в настоящее время являются информационные технологии. Развитие информационных систем сегодня характеризуется использованием электронных документов во всех сферах общественной жизни. В судебной системе все чаще используются электронные доказательства для исследования фактических данных об обстоятельствах, имеющих значение для дела. В судебной практике находится немало случаев, когда стороны предоставляют доказательства в электронной форме, ввиду чего значительно возрастает актуальность исследуемой в настоящей статье тематики.

Понятие электронного документа следует отграничивать от понятия электронного доказательства. В настоящее время нет единого легального определения термина «электронный документ». Согласно п. 11.1 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ [3] электронный документ обозначается как документированная информация, представленная в электронной форме с использованием электронных вычислительных машин (далее – ЭВМ). Данное понятие нередко смешивается с понятием электронного доказательства.

При этом п. 1 ст. 6 Федерального закона «Об электронной подписи» от 06 апреля 2011 года № 63-ФЗ [4] дает идентичное определение, но включающее в себя подписание квалифицированной электронной подписью. Данное определение подробно раскрывает сущность электронного документа, а также законодатель выделяет электронную подпись как реквизит, идентифицирующий автора документа. Документы, подписанные квалифицированной электронной подписью, признаются равнозначными документам, подписанным собственноручно. При этом обязательным условием является наличие соответствующего соглашения между участниками электронного взаимодействия. Если электронный документ составлен и подписан должным образом, он является оригиналом документа,

а усиленная квалифицированная подпись на электронном документе является аналогом собственноручной подписи и печати на бумажном документе.

Касаемо определения «электронное доказательство», стоит отметить, что на данный момент отсутствует как единое нормативное, так и доктринальное определение термина. Тем не менее, согласно ч. 1 ст. 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2], цифровые документы, полученные посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – сеть «Интернет»), подписанные электронной подписью, относятся к письменным доказательствам.

Стоит обратить внимание на вопрос о том, что является электронным документом при предоставлении в суде в качестве доказательства. В соответствии с законодательством документ определяется как «материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения» [1]. При соотнесении с понятием «электронный документ» можно сделать вывод о том, что электронный документ отличается формой представления и создания, выражающейся в цифровом виде.

Любой электронный документ создается в цифровом пространстве, но оригинал предоставляется на материальном носителе, например, на жестком диске, дискете, карте флеш-памяти. Документ как бумажный, так и электронный, не имеет юридической силы без заверения подписью.

К письменным доказательствам законодательно относятся акты, договоры, справки, деловая корреспонденция, иные документы и материалы, список не является исчерпывающим. Из изложенного следует вывод о том, что письменными доказательствами являются документы, изготовленные письменно, содержащие сведения о фактах, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Соответственно, законодатель не выделяет императивное требование заверения подписью. В таком случае следует разделять понятия «электронное доказательство» и «электронный документ». Электронное доказательство является более широким понятием, включающим в себя, как раз, электронные документы, которые представляют собой один из видов электронных доказательств, имеющий собственные черты и требования.

При оценке электронного документа в качестве доказательства, суду следует учитывать специфику отличия оригинала и копии такого документа, и по-разному подходить к работе с ними. Необходимо принять во внимание, что копия (электронный образ документа) – это не бумажный оригинал электронного документа. Отличительная особенность электронного документа – это исключительно электронный формат, возникающий с помощью ЭВМ. У электронного образа документа существует физический оригинал, поэтому подлинность электронного образа документа определяется печатным подлинником и электронной подписью, а подлинность

электронного документа – только электронной подписью. В судебной практике существуют проблемы принятия копий электронных документов. Так, согласно Постановлению Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31 мая 2021 года № 18АП-5999/21 по делу № А07-43475/2019 [7], к делу был приложен скриншот (фотоснимок экрана ЭВМ) в качестве доказательства. Суд счел доказательство ненадлежащим, поскольку не представлялось возможным определить получателя письма. Действительно, к копиям электронных документов представлены особые требования. Согласно Приказу Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2016 года № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [5], в частности, электронный образ документа должен иметь реквизиты, графическую (собственноручную) подпись лица, подавшего документ, обязательное наличие электронной подписи. Также обращается внимание на тип, размер файла и способ печати.

Но стоит заметить, что электронная подпись не обеспечивает полную защиту, хотя подделать, заменить на другую ее практически невозможно. Тем не менее, собственноручную подпись сфальсифицировать намного легче, чем электронную. К тому же электронный документ может быть получен только лицом, которому предназначался этот документ, поэтому электронная подпись обеспечивает конфиденциальность. Среди преимуществ использования электронной подписи стоит отметить, что такая подпись более конкретна. Нельзя сфальсифицировать дату подписания документа, ведь в электронной подписи фиксируется время.

Резюмируя, стоит сказать, что на практике суды с подозрением относятся к электронным доказательствам и требуют предоставления доказательств на бумажном носителе [6, с. 121]. Так, например, судья может потребовать представления подлинников доказательств в случаях невозможности разрешения дела без подлинников документов, если представленные копии различны по своему содержанию; возникновение у судьи сомнений на предмет достоверности представленных доказательств. Следует отметить, что законодателем предусмотрен порядок истребования оригиналов электронных документов в качестве доказательств. Также существует ряд проблем организационно-обеспечительного характера (высокая служебная нагрузка работников аппарата суда, неоднозначность толкования норм закона, недостаточность финансирования, проблемы технического характера, связанные с использованием подсистем ГАС «Правосудие»), которые не позволяют в полной мере использовать положительные достижения информационных технологий в деле обеспечения открытости и доступности правосудия.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46.

2. Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» // СЗ РФ. 1995. № 1.

3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31.

4. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 15.

5. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. 2018. № 4.

6. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.05.2021 № 18АП-5999/2021 по делу № А07-43475/2019. [Электронный ресурс] Картотека арбитражных дел «Arbitr.ru». URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/c4ab3069-8826-4b05-b5a5-b02dd6070998> (дата обращения 12.01.2023).

7. Рамазанова Г.М. О вопросах, связанных с определением подлинности электронных документов и их использования в качестве доказательств в гражданском и арбитражном процессе // Россия: проблемы и пути решения: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов (26 апреля 2013 г., г. Альметьевск, г. Бугульма). Казань: Познание, 2013. С. 121–122.

Об авторе

ГОЛУБЕВА Анна Игоревна – студентка 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, ул. Желябова, 33), e-mail: golubevaai@list.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Д.М. Долгий

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н, доцент А.С. Федина

Автором исследуются сущность судебной экспертизы в гражданском процессе, а также процессуальные аспекты ее назначения и исследования заключения эксперта.

Ключевые слова: гражданский процесс, судебная экспертиза, понятие судебной экспертизы, заключение эксперта, назначение судебной экспертизы.

Лица, участвующие в деле, несут бремя доказывания обстоятельств и доводов, на которые они ссылаются. Нередко для установления некоторых обстоятельств судебного дела требуется применение специальных знаний, в том числе в форме судебной экспертизы. Заключение эксперта вызывает интерес как особое средство доказывания, появляющееся в результате

применения специальных знаний привлеченным судом для этой цели сведущим лицом – экспертом.

В свете стремительного развития технологий и экспертных методик появляется возможность получения более точных результатов исследований, и ценность заключения эксперта как доказательства возрастает. Заключение эксперта может дать наиболее точные сведения, а зачастую является единственным доказательством искомых фактов.

Судебная экспертиза является одним из источников доказательственной базы, данное процессуальное действие выступает как самостоятельный институт. В ходе экспертизы устанавливаются ранее неизвестные данные, проверяются уже имеющиеся. Это необходимо для более объективного и корректного разрешения гражданского дела. Неотъемлемую роль играет заключение эксперта, поскольку оно считается независимым источником доказательственной базы и имеет важную информацию.

Согласно ст. 79 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [1] назначение экспертизы возможно только в том случае, когда в процессе рассмотрения гражданского дела для вынесения справедливого решения необходимо разрешение вопросов, требующих специальных знаний в различных областях. Суд, как незаинтересованный субъект гражданского процесса, назначает судебную экспертизу чаще всего в том случае, если поступило соответствующее ходатайство.

В процессе изучения обстоятельств дел суд и участники дела могут испытывать необходимость получения информации квалифицированным специалистом. Степень потери трудоспособности, отсутствие почерка для определенного лица, наличие в документе подчисток и другие подобные специальные вопросы можно наиболее точно устанавливать только лицам, имеющим специальную подготовку.

Судебный эксперт является специалистом, обладающим знаниями в одной или иной сфере науки, художественной, технической, строительной, ремесленной отрасли, призванным судом исследовать фактические обстоятельства дела.

Экспертиза представляет собой исследование экспертов на научных основах представленных Судом объектов, с целью получения сведений об фактах, которые важны для правильного разрешения дел, совершаемых в определенной форме и соблюдения установленных процессуальным законом правил.

Судебным доказательством является не экспертиза, как способ исследования, а заключение экспертов, сформированное на основании проведенного исследования. Заключение экспертов как формируется из исследования конкретных фактических условий дела лицами с особыми знаниями в науке, искусстве, технике, ремесле.

Статья 79 ГПК гласит, что при возникновении в процессе рассмотрения гражданского дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу.

Проведение экспертизы может быть поручено судебно-экспертному учреждению, конкретному эксперту или нескольким экспертам.

Стороны и другие лица, участвующие в деле, имеют право просить суд поручить производство экспертизы конкретному эксперту или назначить ее в определенное судебно-экспертное учреждение, а также заявлять отвод эксперту.

Объекты для судебно-экспертных исследований, которые уже имеют статус вещественных доказательств или могут приобрести его после экспертного исследования, представляются сторонами и другими лицами, участвующими в деле. Суд вправе предложить им представить дополнительные доказательства. В случае, если представление необходимых доказательств для этих лиц затруднительно, суд по их ходатайству оказывает содействие в собирании и истребовании доказательств [2].

Если какая-то из сторон уклоняется от участия в экспертизе, а без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, или сторона не представляет экспертам необходимые материалы и документы, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым [7].

Так, в решении Ставропольского районного суда от 19 ноября 2020 г. по делу № 2-1382/2020 истец не предоставил спорную оконную конструкцию для исследования судебным экспертом, в связи с чем проверить объективность представленного истцом экспертного заключения ООО «СРО Эксперт» не представляется возможным, доводы, изложенные в экспертном заключении опровергаются показаниями специалиста ООО «Экспертиза и Оценка», допрошенного в ходе судебного разбирательства [12].

Экспертиза может быть назначена не только по инициативе суда, но и по ходатайству лиц, участвующих в деле в любой стадии гражданского процесса до постановления решения. К примеру, исследуя решение Шатурского городского суда от 15 февраля 2022 г. по делу № 2-1695/2021 было выявлено, что ответчиком в рамках рассматриваемого спора было заявлено ходатайство о назначении строительно-технической экспертизы [13]. Определением суда от 8 декабря 2021 г. производство экспертизы поручено АНО «Научно-исследовательский институт точных измерений и судебных экспертиз».

Но, безусловно, предпочтительнее назначать экспертизу до начала рассмотрения дела судом, поскольку назначение экспертизы во время судебного заседания ведет к откладыванию слушания дела. Согласно п. 8 ч. 1 ст. 150 ГПК при подготовке дела к судебному разбирательству судья может назначить экспертизу и эксперта для ее проведения.

Назначая судебную экспертизу по гражданскому делу, суд (судья) должен четко определить ее род, вопросы, выносимые на разрешение эксперта, и вынести мотивированное определение. Замена определения о назначении экспертизы другим документом, например, письмом, списком вопросов и др., недопустима. Каждая из сторон и другие лица, участвующие в деле, вправе

представить суду вопросы, подлежащие разрешению при проведении экспертизы, но окончательно круг вопросов, выносимых на разрешение эксперта, определяется судом. Отклонение предложенных вопросов суд обязан мотивировать. Стороны также имеют право знакомиться с определением суда о назначении экспертизы и со сформулированными в нем вопросами.

Лицо, выступающее в роли эксперта, обязано сообщить субъекту, назначившему экспертизу, об обстоятельствах, исключающих возможность его участия в данном деле, при наличии таких обстоятельств. Согласно нормам процессуального законодательства судебный эксперт подлежит отводу, если он хотя бы косвенно заинтересован в исходе дела; является родственником сторон, других лиц, участвующих в деле, или представителей; находится или находился в служебной или иной зависимости от сторон, других лиц, участвующих в деле, или представителей; имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его беспристрастности. Заметим, что предыдущее участие эксперта в деле в качестве специалиста не является основанием его отвода [6].

Самостоятельным сбором материалов для экспертизы является и анализ экспертом всех материалов дела. Эксперт вправе знакомиться с материалами дела, относящимися к предмету экспертизы. Но эти материалы должны быть отобраны судом (возможно с участием специалиста). В случае, когда представленных материалов недостаточно, эксперт имеет право запросить недостающие. Но право эксперта знакомиться с материалами дела ограничено предметом экспертизы. Эксперт не имеет права подменять субъектов, назначивших экспертизу, и заниматься анализом материалов дела, собирая доказательства, выбирая, что ему исследовать, например, анализировать, свидетельские показания, иначе могут возникнуть сомнения в объективности и обоснованности заключения [8].

Итоговой целью экспертного исследования является вывод, который представляет собой умозаключение эксперта по результатам проведенных исследований. Выводы эксперта излагаются в виде конкретных ответов на поставленные судом вопросы, не допускающих двойного толкования [9]. При производстве комплексной экспертизы общий вывод подписывается всеми экспертами, которые принимали участие в исследовании, и пришли к единому мнению. Если же возникли разногласия, то каждый эксперт формулирует самостоятельный вывод в общем заключении. Эксперт должен обосновать причины своего несогласия с выводами других экспертов. При формулировании самостоятельных выводов эксперты вправе учитывать результаты друг друга, указывая это в обосновании своего вывода.

Например, в решении Чесменского районного суда от 21 февраля 2022 г. по делу № 2-200/2021 была назначена судебно-почерковедческая экспертиза документов [14]. Согласно заключению эксперта ФБУ «Челябинская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации» на третьем листе договора о возмездном оказании услуг водителя

не представилось возможным установить подлинность подписи по причинам, указанным в исследовательской части заключения. В исследовательской части данного заключения указано, что совпадающие признаки малочисленны, их идентификационная значимость невысока, что обусловлено предельной краткостью и простотой строения образующих подпись письменных знаков. Поэтому они, при наличии различающихся признаков, не могут быть положены в основу положительного (категоричного или вероятного) вывода.

Процессуальный порядок исследования заключения эксперта, как и других средств доказывания, призван гарантировать получение верной информации о фактах, имеющих значение для правильного разрешения дела. Исследование заключения эксперта есть процессуальные действия, направленные на извлечение из заключения эксперта сведений о фактах судом и доведение их до восприятия других участников процесса.

При исследовании заключения эксперта суд обязан проверить, соблюдены ли права лиц, участвующих в деле, при назначении экспертизы, а именно: была ли им предоставлена возможность постановки вопросов перед экспертом; ознакомлены ли они с заключением эксперта до судебного заседания, если вопрос о назначении экспертизы решался при подготовке дела к судебному разбирательству [3, с. 30–33].

Заключение эксперта оглашается в судебном заседании. Но на практике реализация этого положения бывает крайне затруднительна. Большинство заключений экспертов состоят из десятков, а порой и сотен страниц, и оглашение их может занять несколько часов, что сложно сделать, с учетом плотного графика рассмотрения дел. Кроме того, заключения зачастую содержат информацию, изложенную в табличной форме (например, сравнительные таблицы в заключениях почерковедческих экспертиз, расчетные таблицы), графиков и диаграмм, которая не предназначена для восприятия на слух. Иллюстрирующие материалы – фотографии, карты, рисунки, чертежи, слайды – также не переводимы в устную форму.

Процессуальный порядок исследования заключения эксперта имеет целью подвергнуть это средство доказывания детальному изучению. После оглашения заключения в целях его уточнения и разъяснения эксперту могут быть заданы вопросы всеми лицами, участвующими в деле. Первым задает вопросы лицо, по заявлению которого назначен эксперимент. Если последний назначен по инициативе суда, то вопросы первым задает истец. Суд вправе задавать вопросы эксперту в любой момент его допроса. При исследовании заключения эксперта в целях сравнения полученных сведений суд может возвращаться и к другим исследованным ранее средствам доказывания.

Заключение эксперта считается результатом судебной экспертизы, и его закон относит к числу самостоятельных судебных доказательств. В нем отражаются обнаруженные в ходе изучения факты особой природы. К экспертизе прибегают тогда, когда судья, не обладающий специальными знаниями, обращается к заключению специалиста, то есть эксперта.

Рассматриваемое доказательство представляет собой письменные документы, подтверждающие какой-либо факт. Важность заключения эксперта заключается в том, что зачастую благодаря проводимой экспертизе узнают достоверность других доказательств. Сам процесс экспертизы может проводиться как в досудебном, так и судебном порядке над каким-либо объектом или документом, которые необходимо проверить для продолжения производства по делу [5, с. 94–98].

Под оценкой заключения судебного эксперта понимается процесс установления достоверности, относимости и допустимости заключения, определения форм и путей его использования в доказывании. Оценка судом заключения эксперта должна полностью отражаться в судебном решении. При этом следует указывать, на чем основаны выводы эксперта, приняты ли во внимание все материалы дела, которые предоставлялись на экспертизу и сделан ли соответствующий анализ.

В некоторых случаях суд может прийти к выводу о том, что заключение эксперта не имеет доказательственной силы. Так, согласно решению Петрозаводского городского суда от 29 января 2020 г. № 2-61/9/2020 истец обратился с исковым заявлением к сетевому изданию с требованием о защите чести, достоинства и деловой репутации [11]. Истец просил признать не соответствующими действительности, порочащими честь, достоинство и умаляющими деловую репутацию истца сведения, размещенные сетевым изданием на интернет-ресурсе, где журналист в статье критически относится к получению директором государственного учреждения достаточно большой премии. Для установления стилистической окраски содержащихся в статье фактов была назначена лингвистическая экспертиза, с выводами которой суд не согласился. Суд приходит к выводу о том, что заключение не несёт какой-либо существенной доказательственной силы в рассматриваемом споре. Наличие отрицательной информации не оспаривается сторонами, это следует из содержания самой статьи. Каких-либо оскорбительных высказываний текст статьи не содержит, для этого не требуется заключение лингвиста. Иные выводы лингвиста носят явно надуманную личностную оценку исследованного материала, что объяснимо с точки зрения отсутствия у лингвиста журналистского образования или какого-либо опыта работы в журналистике. В своём решении суд отказал в удовлетворении требований истца.

Оценивая заключения эксперта, суд анализирует соблюдение процессуальных норм при подготовке, назначении и проведении экспертизы; прав сторон и других лиц, участвующих в деле; компетентность и квалификацию эксперта; научность примененных методов исследования и обоснованность заключения. Суд всесторонне анализирует доброкачественность того материала, который был предоставлен в распоряжение эксперта [10].

Следует подчеркнуть, что, хотя оценка судом заключения эксперта является использованием специальных знаний в не процессуальной форме,

полученный в результате документ может быть приобщен к материалам дела судом в качестве заключения эксперта [4, с. 39-46].

Таким образом, правильная оценка заключения судебной экспертизы позволяет выявить наиболее часто встречающиеся экспертные ошибки. Однако анализ судебной практики, показывает, что в большинстве случаев судей из всего экспертного заключения интересуют лишь выводы эксперта. Фактически оценка ими заключения эксперта обычно сводится только к проверке полноты выводов и их соответствия иным доказательствам по делу. И это понятно, поскольку, суд не в состоянии оценить ни научную обоснованность выводов, ни правильность выбора и применения методов исследования, ни соответствие этого метода современным достижениям данной области научного знания, поскольку для такой оценки судьи должны обладать теми же познаниями, что и эксперт. При этом, следует отметить, что необходимо надлежащим образом исследовать заключение эксперта в ходе судебного заседания, в рамках исследования доказательств по делу.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 18.11.2002 г. № 46 ст. 4532.
2. Беспалов Ю.Ф. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации. М.: Проспект, 2020 г. [Электронный ресурс] // ИПС «Гарант» (дата обращения: 20.01.2023).
3. Герасимов А.В. Заключение эксперта как доказательство в гражданском процессе // Юрист. 2015. № 16. С. 30-33.
4. Золотарева А.Е. Анализ деятельности суда по интеллектуальным правам // Актуальные проблемы российского законодательства. 2014. № 8. С. 39-46.
5. Курбанов А.Ш. Заключение эксперта и его оценка судом // Частное и публичное право. 2019. С. 94-98.
6. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы. М., 2018г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2023).
7. Россинская Е.Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. Теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации. М.: Проспект, 2015. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2023).
8. Россинская Е.Р. Некоторые проблемы оценки заключения судебной экспертизы судом // Судья. № 2. февраль 2021 г. [Электронный ресурс] // ИПС «Гарант» (дата обращения: 20.01.2023).
9. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. Монография. М.: Норма, Инфра-М, 2018. [Электронный ресурс] // ИПС «Гарант» (дата обращения: 20.01.2023).
10. Федякина О.В. Анализ судебной практики по поводу проведения экспертиз, назначения экспертиз в гражданском процессе, принятие результата экспертизы в качестве доказательства по частноправовому спору // Право Достапа. 2020 г [Электронный ресурс] // ИПС «Гарант» (дата обращения: 20.01.2023).
11. Решение Петрозаводского городского суда от 29 января 2020 г. по делу №2-61/9/2020 [Электронный ресурс] // URL: https://petrozavodsky-kar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=55904633&d_eloid=1540005&new=0&text_number=1 (Дата обращения 18.12.2022).

12. Решение Ставропольского районного суда от 19 ноября 2020 г. по делу № 2-1382/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: СудАкт.ру. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bAcUUlwGPtVJ> (дата обращения: 22.01.2023).

13. Решение Шатурского городского суда от 15 февраля 2022 г. по делу № 2-1695/2021 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: СудАкт.ру. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xvwG8ehLbIbW> (дата обращения: 23.01.2023).

14. Решение Чесменского районного суда от 21 февраля 2022 г. по делу № 2-200/2021 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: СудАкт.ру. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fK5aHGNaUNVj> (дата обращения: 22.01.2023).

Об авторе

ДОЛГИЙ Данила Максимович – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, ул. Желябова, 33), e-mail: danila.dolgiy99@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ТРЕБОВАНИЯМ О ВЗЫСКАНИИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ И САНКЦИЙ

В.О. Ермаков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н, профессор Л.В. Туманова

Рассматриваются особенности приказного производства по требованиям о взыскании обязательных платежей и санкций как особого вида приказного производства в арбитражном и административном судопроизводстве.

***Ключевые слова:** арбитражное судопроизводство, административное судопроизводство, приказное производство, взыскание обязательных платежей и санкций, взыскатель, должник, налоговые органы.*

В современный период судебный приказ можно назвать одним из наиболее оптимальных инструментов, который используется для защиты нарушенных прав. Как упрощенная форма судопроизводства по административным делам, институт судебного приказа применяется с целью сокращения сроков рассмотрения дел о взыскании санкций и обязательных платежей, так как данный вид дел является достаточно актуальным в настоящее время.

В Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК РФ) [2] судебный приказ был введен Федеральным законом от 2 марта 2016 г. № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» [4] в виде главы 29.1 АПК РФ.

В Кодекс административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) [3] институт судебного приказа был включен в 2016 году на основании Федерального закона от 5 апреля 2016 г. № 103-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] в качестве главы 11.1 «Производство по административным делам о вынесении судебного приказа».

Вместе с тем нельзя не отметить, что производство по взысканию обязательных платежей и санкций в настоящее время регулируется исключительно КАС РФ – мировыми судьями (ст. 17.1 КАС РФ) в отношении физических лиц и АПК РФ – в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в арбитражных судах.

При этом интересным является то, что АПК РФ устанавливает предельный размер взыскания по приказным производствам о взыскании обязательных платежей и санкций, согласно п. 3 ч. 1 ст. 229.2 АПК РФ, общий размер подлежащей взысканию денежной суммы не должен превышать сто тысяч рублей. В тоже время КАС РФ не устанавливает аналогичного требования к размеру взыскиваемой суммы.

Вступившие в законную силу судебные приказы, соответственно, носят императивный характер для органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, объединений, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, граждан. Они также подлежат исполнению на всей территории государства.

В связи с этим несомненную злободневность приобрел вопрос о введении в КАС РФ производства по административным делам о выдаче судебного приказа. В качестве аргументов приводились существенное снижение нагрузки на судей первой, апелляционной и кассационной инстанции и на аппарат судов, сокращение материальных и трудовых затрат государства, связанных, в том числе с необходимостью отрыва представителей контрольных органов от рабочего процесса для участия в судебном заседании, а также «удешевление» правосудия ввиду отсутствия необходимости проведения полноценного судебного заседания.

В частности, указывалось, что при полноценном рассмотрении дела может быть проведено ни одно судебное заседание (включая подготовку к судебному заседанию), что существенно увеличивает нагрузку и финансовые затраты государства по требованиям, которые изначально являются бесспорными [7, с. 8–9].

С учетом положения о бесспорности требований в рамках рассматриваемого производства, важно иметь в виду, что судья не вправе каким-либо образом корректировать требования заявителя, например, удовлетворить их частично [9, с. 5]. В случае выявления такой необходимости, судья, руководствуясь пунктом 3 части 3 статьи 123.4 КАС РФ, должен отказать в принятии заявления о вынесении судебного приказа. В

резольютивной части судебного приказа также должно содержаться разъяснение права должника представить суду возражения относительно исполнения судебного приказа, что возможно в течение двадцати дней после направления его копии.

Рассмотрим и недостатки рассматриваемого института, которые выделяются в специальной литературе.

Так, ряд авторов указывает на то, что при применении процедуры выдачи судебного приказа в административном производстве на законодательном уровне закрепляется некоторая презумпция «правоты» органа по взысканию обязательных платежей, и тем самым презюмируется информация о задолженности и ее объеме, которая предоставлена в заявлении о выдаче судебного приказа.

При этом у мирового судьи нет процессуальной возможности для формальной проверки достоверности этой информации, так как она не может быть подтверждена или опровергнута сторонами, ведь их вызов для дачи пояснений в законе не предусмотрен. У мирового судьи отсутствует и возможность запроса дополнительных документов для подтверждения данных, изложенных в заявлении о выдаче судебного приказа в связи с сокращенным сроком для принятия судебного приказа.

Из этого следует, что в этом случае слабой стороной является должник, а в силу того, что процедура подачи возражения значительно формализована, то дисбаланс возможностей сторон является явным. Действительно, у органа публичной власти значительно больше процессуальных возможностей [8, с. 75–80]. Такое положение снижает возможности должника при реализации своего права на судебную защиту, а также нарушает принцип равенства и состязательности сторон.

Указанные проблемы могут быть разрешены посредством внесения дополнений в перечень оснований для возвращения поступившего заявления о выдаче судебного приказа — обоснованные сомнения судьи в достоверности (в том числе вследствие противоречивости) указанных сведений в заявлении с требованием о взыскании обязательных платежей и санкций [10, с. 144].

Такое решение не будет препятствовать повторному обращению взыскателя с аналогичными требованиями после верификации материалов, в которых возникли сомнения, а с другой — не увеличит срок рассмотрения заявления, что позволит повысить качество приказного производства в административном судопроизводстве и его эффективность.

Так, ч. 5 ст. 123.3 КАС РФ содержит норму о том, что к заявлению о вынесении судебного приказа прилагается документ, подтверждающий уплату государственной пошлины, если таковая предусмотрена законом. Согласно ч. 1 ст. 38 КАС РФ сторонами в административном деле являются административный истец и административный ответчик.

Глава 11.1 КАС РФ использует понятия «взыскатель» (в отношении лица, обратившегося с заявлением о выдаче судебного приказа) и «должник» (в

отношении лица, которому адресовано требование об уплате обязательных платежей и санкций).

В подп. 2 п. 1 ст. 333.19 Налогового Кодекса РФ [1] (далее – НК РФ) установлен размер государственной пошлины по делам, рассматриваемым мировыми судьями, при подаче заявления о вынесении судебного приказа. Между тем подп. 19 п. 1 ст. 333.36 НК РФ предусматривает освобождение от уплаты государственной пошлины, в том числе по делам, рассматриваемым в соответствии с законодательством об административном судопроизводстве, мировыми судьями, государственных органов, выступающих в качестве административных истцов. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности установления в КАС РФ нормы ч. 5 ст. 123.3, указывающей на необходимость представления документа об уплате государственной пошлины, если ее уплата предусмотрена законодательством о налогах и сборах [6, с. 62–64].

Кроме того, в отношении заявлений о вынесении судебного приказа о взыскании обязательных платежей отсутствует срок давности для их подачи контрольными органами, выступающими в качестве взыскателя. Однако, для взыскания аналогичных сумм при подаче административного искового заявления в порядке производства по административным делам о взыскании обязательных платежей и санкций (гл. 32 КАС РФ) в ст. 286 закреплено, что соответствующее административное исковое заявление может быть подано в суд в течение шести месяцев со дня истечения срока исполнения требования об уплате таких санкций и платежей.

Подводя итоги следует отметить, что, приказное производство по делам о взыскании обязательных платежей обладает определенной проблематикой, которая вытекает из-за относительно недавнего введения в КАС РФ представленной процедуры. При этом без решения вышеуказанной проблематики становится крайне затруднительным совершенствование данного производства.

Список литературы

1. Часть вторая Налогового кодекса Российской Федерации от 5 августа 2000 г. N 117-ФЗ // СЗ РФ. 07.08.2000 г. № 32. ст. 3340.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 29.07.2002 г. № 30 ст. 3012.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 09.03.2015 г. № 10. ст. 1391.
4. Федеральный закон от 2 марта 2016 г. № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 07.03.2016 г. № 10. ст. 1321.
5. Федеральный закон от 5 апреля 2016 г. № 103-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 11.04.2016 г. № 15 ст. 2065.
6. Дадаев А.В. Судебный приказ как упрощенная форма производства по административным делам о взыскании обязательных платежей и санкций // Kazakhstan Science Journal. 2019. Т.2. № 3(4). С. 59-67.

7. Ковтков Д.И. Приказное производство: правовое регулирование, проблемы, перспективы развития // Мировой судья. 2010. № 2. С. 6-12.

8. Красикова Л.А., Войтович Л.В. Проблемы правового регулирования приказного производства в гражданском и административном судопроизводстве // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 4. С. 75-80.

9. Соловьёв А.А., Огнева К.О. Приказное производство по делам о взыскании обязательных платежей и санкций: новеллы Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 1-13.

10. Соловьёв А.А. Приказное производство в административном судебном процессе: некоторые вопросы правоприменения // Образование и право. 2016. № 3. С. 142-147.

Об авторе

ЕРМАКОВ Вадим Олегович – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, ул. Желябова, 33), e-mail: ermak177@gmail.com.

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.А. Звездина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н., доцент Ю.А. Дронова

В статье анализируются проблемы, связанные с психологическими аспектами взаимодействия нотариуса и клиента, в частности, вопрос о сохранении нотариальной тайны профессиональном и эмоциональном выгорании.

Ключевые слова: *нотариальная деятельность, нотариус, клиент, нотариальная тайна.*

Профессия нотариуса является таким видом юридической деятельности, в которой знание, понимание и учет психологических особенностей личности (как клиента, так и нотариуса) и общение между ними, играет огромную и очень важную роль.

К нотариусу предъявляются особые требования. Так, если адвокаты отстаивают только интересы одной стороны (своего клиента), то нотариус является как бы посредником, примирителем между всеми участниками нотариального процесса. Нотариус старается учесть интересы всех участников: граждан, проходящих с сегодняшними проблемами и их наследников, партнеров, владельцев огромных состояний и т.д.

Интересы участников нотариального процесса могут быть очень долгосрочными и дорогостоящими. И здесь особенно важна дальновидность

нотариуса, его справедливое отношение ко всем участникам, прозорливость, прочные знания и умение выслушать, понять и принять решение.

Еще хотелось бы отметить такой аспект, как деятельность нотариуса в удаленных от центра территориях. Так называемый, местный менталитет населения. Это и отсутствие транспортного сообщения, очень часто неграмотность и порой очень преклонный возраст, невозможность добраться до нотариуса, связаться с нотариальной конторой, неумение объяснить, что именно хочется получить от нотариуса.

Психология клиента

Всё начинается с самого первого знакомства. Как правило, со звонка в нотариальную контору. Клиент звонит нотариусу. И здесь очень важно сразу наладить доверительные отношения. Быть максимально внимательным, задать правильные вопросы. Понять, действительно ли есть потребность в оказании нотариальных услуг.

Да, есть общие требования: поздороваться, представиться, и т. д. Но очень важно в первые минуты знакомства успокоить далеко живущего клиента и помочь собраться с мыслями, понять, что он хочет, какие документы ему прихватить. Дать понять клиенту, что он очень важен, его дождутся и помогут в любом случае.

Отношение клиента к нотариусу формируется, прежде всего, с доступности нотариуса и получения результата в максимально короткие сроки.

Нотариус должен жить и работать так, чтобы клиент был уверен в сохранении нотариальной тайны, в сохранении любой конфиденциальной информации, касающейся его жизни и проблем (ст. 16 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, п. 3.1.2 Кодекса профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации) [1, 2].

К нотариусу часто приходят после потери родных и близких. И это очень ответственный момент, когда клиент часто дезориентирован, подавлен, плохо себя чувствует. И от нотариуса зависит, как пройдет встреча с наследниками, как соблюсти все интересы.

Клиент должен быть уверен, что нотариус, к которому он пришел, не поддается чужому влиянию и давлению. Беспристрастен. Что нотариус тактичен и вежлив, умеет выслушать и понять потребность клиента.

Очень важный момент в профессии нотариуса – эмпатия. Согласно Толковому словарю Ефремовой эмпатия (от греч. *ἐν* – «в» + греч. *πάθος* – «страсть», «страдание») – осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека, без потери ощущения внешнего происхождения этого переживания. Соответственно эмпат – это человек с развитой способностью к эмпатии [4].

«Наденьте ботинки Вашего собеседника» – мудрая фраза, позволяющая проникнуться в это состояние. Это переживание (способность к эмпатии) помогает сохранить человечность, быть милосердным. И здесь очень тонкая

грань между совершением определенных нотариальных действий и сохранением человеческого участия в судьбе каждого клиента.

Нотариальная деятельность наполнена очень большим стрессом. В современном мире профессия нотариуса, конечно, не является очень опасной, как в 90-е годы, но требует много сил и внутренних эмоциональных ресурсов, чтобы противодействовать разным негативным ситуациям. Нотариусу приходится затрагивать свой внутренний мир, переплетая свою психологию и психологию участников нотариального процесса. Современный нотариус нуждается в глубоких познаниях и навыках психического состояния клиента. А как иначе? Как установить дееспособность гражданина? Наличие странного образа жизни и странного внешнего вида гражданина не говорит о его недееспособности. Это говорит о его вкусе и о возможностях... но никак о его способности понимать суть происходящего.

Очень часто помощь нотариуса осуществляется на дому или в местах лишения свободы, или в местах излечения. И здесь уже требуются специальные навыки межличностного отношения.

Золотые правила самообладания

1. Никогда не демонстрируйте свой гнев и раздражение 2. Обдумывайте свои слова 3. Говорите спокойным голосом 4. Не делайте агрессивных жестов 5. Избегайте агрессивного выражения лица 6. Избегайте в общении оскорблений и сарказма 7. Держите себя уверенно 8. Говорите внушительно 9. Не пасуйте в критических ситуациях 10. Обдумывайте свои слова и не говорите лишнего 11. Говорите дипломатично 12. Помните о долгосрочных последствиях своих решений и действий [3].

Речевые шаблоны – успокоители

Спасибо за то, что сказали об этом; мы приносим Вам свои извинения; незамедлительноотреагируем; мы обратим на это свое внимание; мы сделаем всевозможное; мне жаль, что у Вас могло сложиться такое впечатление [3].

Психология нотариуса

Профессиональное и эмоциональное выгорание. Главные слова, которые формируют облик современного нотариуса: Самоуважение. Достоинство. Внешний вид. Привлекательность. Профессионализм. Эксперт. Информированность. Образованность. Интеллигентность. Коммуникабельность. Вежливость. Стрессоустойчивость.

Весьма распространенная проблема нотариуса состоит в постепенном его выгорании, как профессиональном, так и в эмоциональном плане. Нотариус постоянного разбирается в материальных и нематериальных (неимущественных) проблемах граждан. Основными причинами таких проблем является и нормативно-правовая неопределенность, и, зачастую, формирование разной (иногда противоречащей друг другу) по субъектам судебной практики; и каждодневная ответственность за результаты своей деятельности; и высокая нагрузка, связанная с увеличением востребованности нотариусов и использованием высоких цифровых технологий; ежедневные стрессовые ситуации; наличие большого количества

контактов с гражданами разного уровня знаний, интеллекта, личностных особенностей.

Кроме того, нотариус не только занимается нотариальным процессом и приемом граждан. Нотариус ежедневно (незамедлительно!) занимается делопроизводством, формирует архивы, списывает наследственные дела, составляет описи, ведет переписку с гражданами и организациями, статистику, налоговую и финансовую отчетность, составляет и заполняет сведения в еНот и т.д. И везде необходимо соблюдать сроки, регламенты, требования.

Любой нотариус очень хочет спасти себя от эмоциональной вовлеченности в проблемы граждан, а отсюда и появляется внутреннее стремление к сокращению общения, к уходу к формальным методам и процедурам работы.

Важно отметить, что в настоящее время специалистами предлагаются различные тренинги, которые помогают в преодолении нотариусом стрессовых ситуаций и состояний, возникающих при осуществлении нотариальной деятельности.

Список литературы

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате" (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/827a0570bc7a51eb7e0951ca313b4b7b629cb94f/, п. 3.1.2
2. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71157562/>)
3. Горянский Евгений, бизнес-тренер Консультант Master of Business Training (American Institute of the Innovation Business) <https://bt-seminar.ru/couches/goryanskiy-evgeniy/>
4. Толковый словарь Ефремовой // <https://gufo.me/dict/efremova/%D1%8D%D0%BC%D0%BF%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%8F>

Об авторе

ЗВЕЗДИНА Екатерина Александровна – студентка 2 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail:ek_zvezdina@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ГРАЖДАНСКОМУ ДЕЛУ

М.В. Лёдов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н, доцент А.С. Федина

В статье анализируются нормы действующего законодательства, регламентирующие порядок приостановления и возобновления производства по гражданскому делу, а также рассмотрена судебная практика. В статье сформулированы выводы по совершенствованию применения института приостановления производства по гражданскому делу.

Ключевые слова: *приостановление производства по делу, гражданский процесс.*

Правовая природа института приостановления судопроизводства по гражданскому делу заключается в возможности приостановления судебного процесса в случае, если возникают обстоятельства, препятствующие рассмотрению дела на данном этапе. Так суд приостанавливает судопроизводство до момента устранения таких обстоятельств, вместе с тем приостанавливаются и все процессуальные процессы по делу, и процессуальные сроки. Суд контролирует обстоятельства, послужившие причиной приостановления производства. Когда такие обстоятельства будут устранены, суд возобновляет судопроизводство по делу. Так приостановление производства по делу – это временное прекращение процессуальных действий по не зависящим от суда и сторон обстоятельствам, препятствующим дальнейшему движению дела [2].

Существуют два вида приостановления производства по гражданскому делу: обязательное и факультативное. В случае наличия обязательных признаков, указанных в ст. 215 ГПК РФ [1], суд обязан приостановить производство по гражданскому делу. Факультативные признаки, закрепленные в ст. 216 ГПК РФ [1], указывают, что суд в некоторых случаях может приостановить производство по делу, однако это не является обязанностью. Законодатель, разделяя приостановление на обязательное и факультативное, исходит из того, что обстоятельства, перечисленные в ст. 215 ГПК РФ, всегда препятствуют дальнейшему развитию процесса, а перечисленные в ст. 216 ГПК РФ основания вызывают приостановление лишь в случае необходимости.

Одним из факультативных оснований для приостановления производства по гражданскому делу является нахождение стороны в лечебном учреждении. На практике относительно этого основания часто возникают споры, так как лицо может иметь заболевание, исключающее его возможность участия в судебном процессе, но при этом не находиться на стационарном лечении в лечебном учреждении (например, при вирусных заболеваниях людей помещают под самоизоляцию или карантин, а не в лечебное учреждение).

Рассмотрим пример из судебной практики, а именно Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.04.2020 № 88-3336/2020 [4]:

"Ответчик не просил о рассмотрении дела в его отсутствие, а напротив, просил приостановить производство по делу, причина его неявки в судебное заседание связана с госпитализацией и лечением в условиях стационара, указанная ответчиком причина для приостановления производства по делу признана судом уважительной, приостановление производства по делу не противоречит действующему гражданско-процессуальному законодательству (абзац второй ст. 216 ГПК РФ) и осуществлено судом в пределах предоставленных ему полномочий."

Так целесообразно было бы дополнить данное основание не только нахождением стороны в лечебном учреждении, но и наличием у стороны заболевания, исключающего возможность участия в судебном процессе.

Данное утверждение подтверждается Определением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.11.2020 № 88-25786/2020 [5]:

«Ввиду того, что названными Указами Президента Российской Федерации и Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации установлен комплекс мер, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), суд кассационной инстанции приходит к выводу о том, что применительно к абзацу второму статьи 216 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации мировым судьей правильно приостановлено производство по делу, поскольку как следует из материалов дела стороны неоднократно заявляли ходатайство об отложении судебных заседаний в связи с эпидемиологической обстановкой и настаивали на рассмотрении дела при их участии».

Производство по делу возобновляется после устранения препятствий к его рассмотрению, а именно обстоятельств, которые вызвали его приостановление. О возобновлении производства по делу суд (на основании заявления лиц, участвующих в деле, либо по собственной инициативе) также выносит определение, в котором указываются обстоятельства, свидетельствующие о том, что основания приостановления производства отпали, а также время и место судебного заседания, о чем извещаются все участники процесса. Со дня возобновления производства по делу возобновляется и течение сроков рассмотрения и разрешения дела.

Х.А. Хамиева отмечает, что в судебной практике бывают ситуации, когда судьи возобновляют производство по делу без соблюдения правил возобновления производства [3], а именно не выносят определение о возобновлении производства по делу, такие действия приводят к нарушению применения такого института. В случае если дело было приостановлено судебным актом, то возобновлять его необходимо с вынесением определенного акта, а именно определением суда о возобновлении производства по делу. В связи с этим появляется необходимость внести

дополнения в ст. 219 ГПК РФ, а именно закрепить необходимость вынесения определения о возобновлении производства по делу.

Отмеченные проблемы с применением данного института, требующие более полного и детального исследования, могут быть разрешены только с развитием и расширением правоприменительной практики и усовершенствованием законодательства. Но, несмотря на это, институту приостановления производства по делу в гражданском судопроизводстве отводится немаловажное ключевое место, поскольку посредством его достигаются задачи гражданского процесса, что свидетельствует об объективности и добросовестности работы органов правосудия.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СПС “КонсультантПлюс”
2. Филиппов П.М. Гражданский процесс : учебник / под ред. П.М. Филиппова. / 5-е изд., перераб. и доп. Москва : ИНФРА-М, 2022. с. 195.
3. Хамиева, Х.А. Общая характеристика института приостановления производства по делу в гражданском процессе / Х. А. Хамиева, Т. С. Габазов // Известия Чеченского государственного университета. 2020. № 3 (19). С. 122–128.
4. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.04.2020 № 88-3336/2020 // СПС “КонсультантПлюс”
5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.11.2020 № 88-25786/2020 // СПС “КонсультантПлюс”

Об авторе

ЛЁДОВ Михаил Вячеславович – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, ул. Желябова, 33), e-mail: ljodow@mail.ru.

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Н.А. Лупик

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н, доцент А.С. Федина

В статье рассматриваются вопросы внедрения в исполнительное производство информационных технологий, оцениваются перспективы дальнейшего развития информационного обеспечения юридической деятельности.

Ключевые слова: исполнительное производство; цифровизация; информационные технологии; Проект Всемирного кодекса цифрового исполнения.

На сегодняшний день особое внимание при совершенствовании положений о принципах исполнительного производства должно быть сосредоточено на процессах цифровизации, которые внедряются во все сферы общественных отношений. Не является исключением и сфера исполнительного производства.

Следует отметить, что на международном уровне уже предприняты первые шаги по выработке положений об исполнительном производстве с учетом внедрения информационно-телекоммуникационных технологий. В связи с этим особое значение в нынешней правовой действительности занимает Проект Всемирного кодекса цифрового исполнения.

Причины и сама необходимость разработки такого нового модельного кодекса вполне очевидны. Цифровизация всех сфер юридической деятельности стремительно набирает темп [1], и судебные исполнители сталкиваются с новыми вызовами в своей практической деятельности. В нашей стране идет достаточно быстрая цифровизация гражданского, арбитражного, административного судопроизводства и исполнительного производства, подготовлены два достаточно больших проекта реформ в данной сфере, в том числе готовится создание единого электронного реестра исполнительных документов, их передача в электронной форме из суда в службу судебных приставов.

Среди новых шагов по цифровизации исполнительного производства введены правила об электронном извещении, направлении документов в электронной форме, ФССП подключена ко всем основным публичным реестрам, содержащим сведения об активах должника. Кроме того, в Гражданском кодексе Российской Федерации [2] появились положения относительно цифровых прав (например, ст. 141.1), поэтому проект такого Всемирного модельного кодекса может быть очень полезен для использования при совершенствовании российского исполнительного производства.

В Преамбуле проекта кодекса справедливо отмечается, что пандемия коронавирусной инфекции показала необходимость новых технологий для поддержания человеческих отношений, поскольку их реализация «лицом к лицу» уже невозможна. Для экономических субъектов использование цифровых технологий является существенным фактором, обеспечивающим поддержание экономической деятельности и ее восстановление после заключения. Для функционирования правосудия цифровые технологии позволяют гарантировать доступ к суду.

Поэтому проект кодекса направлен на определение универсальных принципов, которые государства могут ввести в свое национальное законодательство для использования цифровых технологий при исполнении судебных решений и договоров. Проект Кодекса определяет принципы, применимые ко всем аспектам цифрового правоприменения в гражданских делах, а также охватывает новые этические обязательства, присущие использованию искусственного интеллекта в принудительном исполнении.

Для того чтобы учесть новые цифровые активы, проект кодекса устанавливает примерные процедуры ареста криптоактивов. Проект кодекса во многом продолжает Глобальный кодекс принудительного исполнения, развивая систему «мягкого» права в сфере исполнительного производства.

Так, проект кодекса состоит из семи частей: общие принципы цифрового исполнения; право, применимое к принудительному исполнению; специфические принципы деятельности судебного исполнителя или исполнительного агента; процедура цифрового исполнения; исполнение в отношении цифровых активов; использование искусственного интеллекта при исполнении; правила ареста криптоактивов. Проект также включает в себя глоссарий основных понятий, которые использованы в Кодексе, для целей лучшего его понимания и толкования, поскольку понятийный аппарат проекта Кодекса включает в себя как юридические, так и технические термины.

Среди общих принципов цифрового исполнения выделено соблюдение основных прав человека, этических принципов использования цифровых технологий, соразмерности, безусловного права на обращение в суд в случае конфликта, необходимости обеспечения сотрудничества участников исполнительного производства.

Среди специфических принципов деятельности судебного исполнителя в сфере цифрового исполнения выделены: создание цифрового профиля судебного исполнителя, проведение онлайн-медиации, доступ судебного исполнителя к дематериализованным реестрам прав, необходимость защиты персональных данных и целый ряд других, определяющих правовые рамки действий судебного исполнителя. Например, в части третьей проекта кодекса определены, пусть и в общем плане, рамки использования дронов в его деятельности.

Процедура цифрового исполнения по проекту Кодекса включает в себя целый ряд исполнительных действий, которые потенциально могут быть совершены в рамках исполнительного производства. В заключительных частях проекта Кодекса раскрыты процедуры исполнения в отношении цифровых активов, использования искусственного интеллекта при исполнении, а также предложена примерная схема действий при аресте и обращении взыскания на криптоактивы.

Подготовка проекта Кодекса является результатом напряженной работы МССИ в течение нескольких лет. Представляется, что проект Кодекса очень полезен как пример «мягкого» права, он позволит отдельным государствам на его основе разрабатывать и совершенствовать свои законы. Проект Кодекса, несомненно, полезен для российского законодателя, доктрины и судебной практики как свод обобщенных стандартов цифрового исполнения в разных правовых системах нашей планеты.

Таким образом, на сегодняшний день происходит активное внедрение цифровизации во все сферы общественных отношений. Не является исключением и исполнительное производство. На наш взгляд, развитие

системы принципов исполнительного производства должно происходить с учетом внедряемых процессов автоматизации. Иными словами, состояние современной информационной действительности должно воплощаться через основополагающие начала исполнительного производства – принципы. В данном контексте особое внимание заслуживают положения проект Всемирного кодекса цифрового исполнения. Исследовав его положения, мы предлагаем акцентировать внимание российского законодателя на общих принципах цифрового исполнения, среди которых: соблюдение основных прав человека, этических принципов использования цифровых технологий, соразмерности, безусловного права на обращение в суд в случае конфликта, необходимости обеспечения сотрудничества участников исполнительного производства.

Среди специфических принципов деятельности судебного исполнителя в сфере цифрового исполнения следует выделить: создание цифрового профиля судебного исполнителя, проведение онлайн-медиации, доступ судебного исполнителя к дематериализованным реестрам прав, необходимость защиты персональных данных и целый ряд других, определяющих правовые рамки действий судебного исполнителя.

Список литературы

1. Брановицкий К.Л. и др. Цифровые технологии в цивилистическом процессе: некоторые тенденции и перспективы // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 57.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Об авторе

ЛУПИК Никита Алексеевич – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, ул. Желябова, 33), e-mail: nlupik@bk.ru.

ОБРАЩЕНИЕ ПРОКУРОРА С ИСКОМ В ЗАЩИТУ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Н.С. Мельникова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н, профессор Л.В. Туманова

В статье рассмотрены основания и порядок обращения прокурора в суд с иском в защиту прав и интересов несовершеннолетних.

Ключевые слова: иск прокурора, защита прав несовершеннолетних, права и законные интересы несовершеннолетних.

Дети – одна из наиболее слабо защищенных, социально неадаптированных групп населения.

Согласно семейному законодательству защита семейных прав осуществляется судом по правилам гражданского судопроизводства, а в случаях, предусмотренных Семейным кодексом Российской Федерации, – государственными органами, в том числе органами опеки и попечительства [1]. Таким образом, можно выделить два вида государственных органов, защищающих права несовершеннолетних:

- органы опеки и попечительства (специальный орган, имеющий своей целью работу с несовершеннолетними, охрану, защиту, обеспечение их законных прав и интересов);

- правоохранительные органы (универсальные органы, прокуратура и органы внутренних дел, чьи цели деятельности намного шире, чем у органов опеки и попечительства, и задача охраны и защиты прав несовершеннолетних не является единственной).

Прокуратура защищает права несовершеннолетних следующими способами:

- предъявляет иск о лишении родительских прав (ст. 70 СК РФ), ограничении в родительских правах (ст. 73 СК РФ), об отмене усыновления ребенка (ст. 142 СК РФ);

- вносит в суд, орган опеки и попечительства заявление с требованием о восстановлении (признании) нарушенного (оспоренного) права ребенка;

- непосредственно участвует в рассмотрении судом дел о защите прав ребенка;

- вносит предостережение о недопустимости нарушения прав ребенка в дальнейшем и представление об устранении нарушений закона;

- вносит протесты на акты других административных органов, имеющих прямое отношение к защите прав детей (при наличии оснований, предусмотренных законом) [1].

Прокурорский надзор является одной из самых действенных и основных гарантий защиты прав несовершеннолетних граждан, поскольку прокуратура осуществляет не только надзор за соблюдением законности, но и реагирует на поступающие в структуру сигналы о нарушениях прав детей. В настоящее время судебная форма защиты нарушенных прав является основной, поскольку любое нарушенное право может быть защищено в суде.

Конкретные направления деятельности органов прокуратуры по защите прав несовершеннолетних можно проследить в отдельном приказе Генерального прокурора, где указывается достаточно широкое поле деятельности органов прокуратуры, куда входит пресечение фактов жестокого обращения с детьми, забота о нравственном воспитании детей - путем пресечения подачи информации, наносящей вред их здоровью и духовному развитию, своевременное реагирование на нарушения жилищных и имущественных прав несовершеннолетних, обеспечение надзора за деятельностью органов опеки и попечительства, регулирование деятельности

органов и учреждений в сфере образования, привлечение специалистов из Федеральной службы по труду и занятости к проверкам исполнения в отношении несовершеннолетних трудового законодательства и т.п. [2]

Согласно ГПК РФ и приказу Генерального прокурора прокурор является обязательным участником процесса по следующим делам, затрагивающим права и интересы ребенка: о лишении родительских прав; о восстановлении в родительских правах; об ограничении родительских прав; о признании недействительным соглашения об уплате алиментов; об установлении усыновления; об отмене усыновления [3]. В данных случаях прокурор может быть как инициатором судопроизводства (т.е. заявителем), так и выступать для дачи заключения по делу. Если со второй формой участия прокурора споров не возникает, то первая вызывает некоторые сомнения у судей.

В частности, некоторые судьи ссылаются на абз. 2 ч. 1 ст. 64 СК РФ, согласно которому родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий - и на основании данных положений отказывают в принятии заявления. Однако суд не учитывает тот факт, что по причине юридической неграмотности, гражданской пассивности либо социальных проблем (нехватка денежных средств, злоупотребление спиртными напитками и т.п.) у родителей либо опекунов ребенка, т.е. лиц, которые должны защищать права ребенка, эти самые права могут и пострадать. И практически единственной надеждой ребенка становится прокуратура, которой отказывают на основании «наличия родителя».

Следует отметить, что прокурор не является в материально-правовом смысле субъектом спора, в связи с чем заинтересованность прокурора в процессе носит не личный, а государственно-правовой характер. Он заинтересован в том, чтобы в процессе осуществления правосудия по гражданским делам не были нарушены процессуальные нормы, права и интересы граждан и организаций. Участие в деле прокурора способствует осуществлению целей правосудия при соблюдении принципа независимости судей и подчинения их только закону. Процессуальная деятельность прокурора направлена на защиту государственных и публичных интересов. При этом прокурор не должен подменять в судебном процессе самих частных лиц, участников гражданского спора, который строится на недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела [4].

Изучив практику Центрального районного суда г. Твери можно сделать вывод что, наиболее часто прокуроры обращаются в суд с заявлением о защите прав и законных интересов несовершеннолетних в жилищной сфере и с заявлениями о взыскании неустойки по уплате алиментов.

В частности, решением суда от 14.04.2022 по делу № 2-883/2022 были удовлетворены исковые требования прокурора Заволжского района города Твери, действующего в интересах Л. к Администрации города Твери, Министерству социальной защиты населения Тверской области о возложении

обязанности включить в список, обеспечить финансирование на предоставление благоустроенного жилого помещения по договору найма и предоставить жилое помещение. На ответчиков была возложена обязанность предоставить благоустроенное жилое помещение в срок до декабря 2022 года [5].

В свою очередь, прокурор при подаче иска не приравнивается к материальным истцам, и материальный истец обладает правом отказаться от иска. Данный вывод подтверждается определением Центрального районного суда г. Твери по делу № 2-158/2022 от 14.04.2022 г. В котором материальный истец, в интересах которого прокурором был подан иск к Министерству социальной защиты населения Тверской области, Администрации города Твери о возложении обязанности предоставить благоустроенное жилое помещение, возложении обязанности обеспечить финансирование отказался от иска, такой отказ был принят судом [6].

Таким образом, защита прав несовершеннолетнего должна обеспечиваться усилиями органов власти всех уровней, в том числе и органами прокуратуры. Прокурор не является в материально-правовом смысле субъектом спора, в связи с чем, заинтересованность прокурора в процессе носит не личный, а государственно-правовой характер.

Список литературы

1. Семейный кодекс РФ // СЗ РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 8. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/31a45e33698f5c0d150a8ca227997e2fcd8a217a/?ysclid=ldrbozavc2219965637 (дата обращения 01.02.2023).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 45 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ab1b43b3b04b35c25fc009154811e9ac2852e36a/?ysclid=ldrcgv21wr413702579 (дата обращения 01.02.2023).
3. Приказ Генпрокуратуры России от 13.12.2021 № 744 "Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403666/?ysclid=ldrcyi6y8p767056800 (дата обращения 01.02.2023).
4. Богданова Т.В., Рыбальченко А.А. Защита прав несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве // Законность. 2011. № 6. С. 16–20.
5. Решение Центрального районного суда г. Твери от 14.04.2022 по делу № 2-883/2022 URL: <http://centralny.twr.sudrf.ru/> (дата обращения 25.06.2022).
6. Определение Центрального районного суда г. Твери по делу № 2-158/2022 от 14.04.2022 года. URL: <http://centralny.twr.sudrf.ru/> (дата обращения 25.06.2022).

Об авторе

МЕЛЬНИКОВА Наталья Сергеевна – студентка 2 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: nata-melnikova-2014@mail.ru.

СООТНОШЕНИЕ ВИДОВ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В АРБИТРАЖНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В.О. Некрасов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н, доцент А.С. Федина

Автором предпринята попытка комплексного анализа обеспечительных мер, установленных арбитражным и гражданским процессуальным законодательством и применяемых в рамках соответствующего производства, с целью дополнения легального перечня мер по обеспечению иска в гражданском процессе.

***Ключевые слова:** арбитражный процесс, гражданский процесс, обеспечение иска, меры по обеспечению иска, обеспечительные меры, виды обеспечения иска.*

В Российской Федерации право на справедливое судебное разбирательство гарантировано ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации [1], и конкретизируется в ст. 2, 13 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [7] и ст. 2, 16 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [5]. Указанная гарантия включает в себя не только законное и справедливое судебное разбирательство и вынесение судом законного и обоснованного решения, но и последующее исполнение этого решения в своем расширительном толковании, придаваемом им Конституционным Судом [13].

Именно одним из инструментов обеспечения исполнения судебного решения и является институт обеспечительных мер. Применение обеспечительных мер представляет собой одну из гарантий защиты истцов, которая направлена на реальное и полное восстановление их имущественных прав в случае удовлетворения требований. Данный институт защищает права истца на тот случай, когда ответчик будет действовать недобросовестно или когда непринятие мер может повлечь невозможность исполнения судебного акта. Однако, в отличие от институтов исполнительного производства, обеспечение иска применяется не после вступления решения суда в законную силу, а уже во время рассмотрения гражданского дела, что ставит его на совершенно другую позицию.

Основной перечень мер по обеспечению иска закреплен в ч. 1 ст. 140 ГПК РФ и ч. 1 ст. 91 АПК РФ. Вместе с тем, отдельные меры обеспечительного характера могут быть закреплены в иных федеральных законах, например: судебный секвестр (ст. 926 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [3]), защита владельца арестованного судна (ст. 393 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации [4]), обеспечительные меры по искам о нарушении авторских или смежных прав (ст. 1302, 1312 ГК РФ) [9, с. 312]. Далее автор считает необходимым рассмотреть каждую обеспечительную меру в отдельности, как они поименованы в ст. 140 ГПК РФ и ст. 91 АПК РФ.

Наиболее часто, среди других обеспечительных мер, в судебной практике встречается наложение ареста на имущество, принадлежащее ответчику и находящееся у него или других лиц (п. 1 ч. 1 ст. 140 ГПК РФ) и наложение ареста на денежные средства (в том числе денежные средства, подлежащие зачислению на банковский счет) или иное имущество, принадлежащее ответчику и находящееся у него или других лиц (п. 1 ч. 1 ст. 91 АПК РФ). Так, в разделе 9 отчета Судебного департамента при ВС РФ за 1 полугодие 2022 г. № 2 «Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции» указывается, что наложение ареста на имущество было применено судами общей юрисдикции 30648 раз за первое полугодие 2022 г., что более чем втрое превышает количество всех остальных примененных мер вместе взятых [22], тогда как наложение ареста в рамках арбитражного судопроизводства было применено 915 раз [23].

В соответствии с положениями Федерального закона «Об исполнительном производстве», наложение ареста на имущество состоит в запрете, адресованном собственнику или владельцу имущества распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии адресуемого имущества и передаче его на хранение. Кроме того, в ст. 27 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» указывается, что в случае ареста денежных средств (драгоценных металлов), находящихся на счетах и во вкладах, или остатка электронных денег, кредитная организация незамедлительно после получения решения о наложении ареста прекращает проведение операций по данному счету (вкладу) в пределах денежных средств (драгоценных металлов), на которые наложен арест, а также перевод электронных денег в пределах остатка электронных денег, на который наложен арест [2].

Практика как арбитражного, так и гражданского процесса изобилует примерами наложения ареста на имущество и денежные средства ответчика, - подавляющее их большинство посвящено спорам о взыскании долгов по договорам займа, в рамках которых наложение ареста производится на банковский счет ответчика.

Однако можно найти и более интересные примеры, где истцы в рамках гражданского судопроизводства ходатайствуют о наложении ареста на довольно специфические виды имущества. Так, определением Миллеровского районного суда Ростовской области от 26.10.2018 г. [18] по ходатайству истца ФИО1 приняты меры по обеспечению иска в виде наложения ареста на совместное имущество супругов, в том числе 35 голов крупного рогатого скота. Хотелось бы отметить, что текущая легальная конструкция обеспечения иска в гражданском процессе не совсем соответствует некоторым особым категориям имущества. Так, животные по объективным причинам имеют довольно высокий риск случайной гибели (относительно, например, недвижимого имущества), а также могут плодиться, ввиду чего поголовье за время судебного разбирательства может изменить свою численность, и, если с уменьшением поголовья не возникает вопросов о

применении обеспечительных мер, то будут ли они применяться в отношении новорожденных животных – весьма интересный вопрос (особенно если учесть, что арест применяется на все стадо). Автор считает, что в подобных нетривиальных случаях истцу, ходатайствующему об обеспечении иска, надлежит также указывать в заявлении на имущество, которое, как ему известно, может появиться или появиться у ответчика в будущем.

В арбитражном судопроизводстве наложение ареста на денежные средства ответчика также пользуется значительной популярностью среди истцов. Однако арбитражные суды в принятии решений об обеспечении иска опираются на разъяснения Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 октября 2006 г. № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» [14], которое в п. 10 однозначно указывает, что в соответствии с пунктом 5 части 2 статьи 92 АПК РФ заявитель должен обосновать причины обращения с требованием о применении обеспечительных мер. Арбитражным судам следует учитывать, что обеспечительные меры являются ускоренным средством защиты, следовательно, для их применения не требуется представления доказательств в объеме, необходимом для обоснования требований и возражений стороны по существу спора. Обязательным является представление заявителем доказательств наличия оспоренного или нарушенного права, а также его нарушения. В определении о применении обеспечительных мер либо об отказе в их применении арбитражный суд должен дать оценку обоснованности доводов заявителя о необходимости принятия обеспечительных мер. Так, большинство ходатайств об обеспечении иска в виде наложения ареста на денежные средства ответчика арбитражными судами не удовлетворяются именно из-за того, что при подаче таких ходатайств необходимость наложения ареста на денежные средства ответчика не аргументируется.

Тем не менее рассмотрим пример, в рамках которого ходатайство об обеспечении искового заявления в виде наложения ареста на денежные средства ответчика было удовлетворено, по материалам определения Арбитражного суда Тюменской области от 15 ноября 2019 г. по делу № А70-17520/2019 [17]. АО «Антипинский нефтеперерабатывающий завод» обратилось в Арбитражный суд Тюменской области с ходатайством об обеспечении искового заявления в виде наложения ареста на денежные средства ООО «Нео-Ком», находящиеся и поступающие на расчетные счета ООО «Нео-Ком» в пределах цены иска – 20 531 916 руб., и принять меры, направленные на обеспечение иска, в виде запрета на совершение регистрационных действий в отношении недвижимого и движимого имущества ООО «Нео-Ком».

В обоснование заявления истец указал, что из бухгалтерского баланса на 2018 год следует объективная убыточности хозяйственной деятельности ответчика, а именно: за указанный финансовый год стоимость основных средств компании составила 73 171 000 руб. при отрицательной динамике

стоимости основных средств компании за 2017-2018 год (-68,9%). Кроме того, из указанного баланса следует, что организация ответчика является убыточной, поскольку денежные поступления в 2018 году отсутствуют, имеется значительная сумма убытков в размере 226 150 000 руб., отложенные налоговые активы составляют 55 466 000 руб., имеется большая кредитная нагрузка в размере 456 145 000 руб.

Оценив в совокупности представленные с заявлением об обеспечении иска доказательства и доводы заявителя, принимая во внимание, что предметом иска является требование о взыскании денежных средств (20 002 000 руб. основного долга, 366 064 руб. процентов), суд полагает, что, заявив о необходимости обеспечения исполнения решения суда, истец представил достаточные для принятия обеспечительных мер доказательства, что позволяет сделать вывод о возможности затруднения исполнения принятого решения суда и возможности причинения значительного ущерба заявителю. Суд указывает, что обеспечительные меры соразмерны заявленному требованию, поскольку истец просит наложить арест на денежные средства в пределах суммы иска, тем самым, баланс интересов истца и ответчика не нарушен. Таким образом, заявленная истцом обеспечительная мера в виде ареста на денежные средства ООО «Нео-Ком», находящиеся и поступающие на расчетные счета ООО «Нео-Ком» в пределах цены иска – 20 531 916 руб. воспринимается судом как разумная и обоснованная.

В данном случае примечательно то, что у истца были все необходимые доказательства, которыми подтверждалась объективная необходимость применения ареста денежных средств ответчика и именно совокупность этих доказательств показало суду необходимость удовлетворения ходатайства.

Запрещение ответчику совершать определенные действия и запрещение другим лицам совершать определенные действия, касающиеся предмета спора, в том числе передавать имущество ответчику или выполнять по отношению к нему иные обязательства (пп. 2, 3 ч. 1 ст. 140 ГПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 91 АПК РФ), состоит в судебном запрете совершать действия (комплексы действий), указанные в заявлении истца об обеспечении иска. В процессе анализа судебной практики автором было установлено, что практически все дела, в рамках которых истцы ходатайствуют о применении обеспечительных мер подобного рода (но не ходатайствуют о наложении ареста), касаются недвижимого имущества в целом и самовольных построек в частности. Так, определением Калининского районного суда Тверской области от 10 января 2017 г. [20] принята обеспечительная мера в виде запрета Управлению Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Тверской области совершать любые регистрационные со спорными объектами недвижимости – спорным земельным участком, а также запрета ответчикам иным лицам совершать действия по возведению каких-либо строений на земельном участке, действия по сносу, демонтажу, разборке спорного жилого дома.

При этом, в арбитражном процессе данная мера пользуется гораздо большей популярностью, нежели в гражданском: например, из 4800 удовлетворенных за первое полугодие 2022 г. ходатайств об обеспечении иска 2210 были поданы именно с требованием о запрете совершать определенные действия [22]. Это связано с тем, что в рамках банкротства юридических лиц конкурсные управляющие зачастую заявляют такие ходатайства в отношении Должника или аффилированных с ним лиц, а также в отношении регистрирующих органов, чтобы те не осуществляли регистрационных действий в отношении имущества, которое может войти в конкурсную массу. Так, рассмотрим пример по материалам определения Арбитражного суда Новосибирской области от 18 октября 2019 г. по делу № А45-16647/2018 [16]. Конкурсный управляющий обратился с ходатайством о принятии обеспечительных мер:

1) запретить Федеральной службе по интеллектуальной собственности (Роспатенту) производить любые регистрационные действия в отношении полезной модели «Самоспасатель» и товарного знака в виде буквенного обозначения «OSR» до вступления в законную силу судебного акта по результатам рассмотрения заявления конкурсного управляющего о признании сделки должника недействительной.

2) Запретить Немцеву Аркадию Викторовичу совершать любые действия от имени ООО «Транс Ойл» (либо по представлению интересов ООО «Транс Ойл»); запретить лицам, действующим от имени ООО «Транс Ойл» на основании доверенностей, выданных до 22.08.2019 г. Немцевым А.В.

По мнению заявителя, в целях обеспечения имущественных прав и законных интересов должника и его кредиторов, а также в целях соблюдения интересов прав третьих лиц и публичных интересов, необходимо применить обеспечительные меры. Кроме того, непринятие обеспечительных мер может привести к неблагоприятным последствиям в виде невозможности формирования конкурсной массы должника. Суд с данным доводом согласился и удовлетворил ходатайство.

Возложение на ответчика обязанности совершить определенные действия в целях предотвращения порчи, ухудшения состояния спорного имущества (п. 3 ч. 1 ст. 91 АПК РФ) представляет собой предписание, выдаваемое судом ответчику и предусматривающее совершить комплекс затребованных истцом действий для сохранения предмета спора, если совершение таких действий объективно необходимо и обосновано в ходатайстве об обеспечении иска.

Возложение на ответчика и других лиц обязанности совершить определенные действия, касающиеся предмета спора о нарушении авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет» (п. 3.1 ч. 1 ст. 140 ГПК РФ) является крайне узкоспециализированной мерой обеспечения иска, напрямую закрепленной только в ГПК РФ и направленной на защиту истца-обладателя авторских прав

от неправомерного размещения объекта его авторских прав в сети «Интернет». Необходимо отметить, что иски о защите авторских прав в сети «Интернет» в целом являются довольно специфическими. В качестве иллюстрации предлагается рассмотреть дело № 3-0370/2020, рассмотренное Московским городским судом [19]. ООО «Иви.ру» обратилось с иском к КлаудФлэр Инк о защите исключительного права на аудиовизуальное произведение «Триггер», неправомерно размещенное на сайте, хостинг-провайдером которого является КлаудФлэр Инк. Также истцом было заявлено ходатайство о применении обеспечительной меры в виде возложения на ответчика обязанности прекратить создание технических условий, обеспечивающих размещение, распространение и любое иное использование аудиовизуального произведения на сайте. Интересно то, что размещение спорного произведения, скорее всего, было произведено не ответчиком, а пользователем сайта, которым владеет ответчик.

Приостановление реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении имущества от ареста (исключении из описи) (п. 4 ч. 1 ст. 140 ГПК РФ, п. 6 ч. 1 ст. 91 АПК) и приостановление взыскания по исполнительному документу, оспариваемому должником в судебном порядке (п. 5 ч. 1 ст. 140 ГПК РФ, п. 5 ч. 1 ст. 91 АПК РФ) представляют собой процессуальные механизмы защиты прав и законных интересов истцов, которые задействуются с целью приостановить исполнительное производство и реализацию арестованного имущества. Особенность указанных мер состоит в том, что субъектом обязанности в данном случае будет не ответчик, а судебный пристав-исполнитель. Производство по подобным делам возбуждается в основном в ходе исполнительного производства, когда арестованное имущество изъято или готовится к реализации. Однако на практике эти меры почти не применяются, поскольку как в случае предъявления иска об освобождении имущества от ареста (исключении из описи), так и в случае оспаривания должником исполнительного документа в судебном порядке судья в силу ст. 436 ГПК и 327 АПК РФ обязан приостановить соответствующее исполнительное производство. Приостанавливая исполнительное производство, судья фактически обеспечивает иски требования лица, которое обратилось с ходатайством об обеспечении иска [10, с. 103]. В этой связи в применении обеспечительных мер, предусмотренных пп. 4 и 5 ч. 1 ст. 140 ГПК РФ и пп. 5 и 6 ч. 1 ст. 91 АПК РФ, нет необходимости, поскольку это бы дублировало положения ст. 436 ГПК РФ и ст. 36 Федерального закона «Об исполнительном производстве» [8].

Перечень обеспечительных мер, указанный в ч. 1 ст. 140 ГПК РФ не является исчерпывающим. Так, после перечисления основных обеспечительных мер законодатель указывает, что в необходимых случаях судья или суд может принять иные меры по обеспечению иска, которые отвечают целям, указанным в статье 139 ГПК РФ.

В то же время, как указано в ст. 91 АПК РФ, арбитражным судом могут быть приняты иные обеспечительные меры. Таковыми мерами могут являться

специфические обеспечительные меры, установленные для производства по делам о банкротстве в соответствии с Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [6]. Например, в п. 2 ст. 46 данного ФЗ установлено, что после введения наблюдения арбитражный суд кроме мер, предусмотренных Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, вправе запретить совершать без согласия арбитражного управляющего сделки, не предусмотренные пунктом 2 статьи 64 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Кроме того, суды вправе применить несколько обеспечительных мер, если о каждой из них ходатайствует истец и каждая из них обоснована. Зачастую применение нескольких обеспечительных обусловлено комплексностью предмета спора и, ввиду того, необходимостью всестороннего обеспечения его сохранности. Например, как указано в определении судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 15.04.2014 по делу № 33- 4784/2014 [15] по заявлению администрации муниципального образования об обеспечении иска о сносе многоквартирного дома, возведенного на земельном участке, предоставленном для индивидуального жилищного строительства, применены обеспечительные меры в виде наложения ареста, запрета на совершение сделок в отношении указанной постройки и земельного участка, на котором она расположена, а также запрета на регистрацию граждан по месту жительства в спорном объекте.

Отдельной обеспечительной мерой является судебный секвестр, обозначенный п. 4 ч. 1 ст. 91 АПК РФ, но непоименованный в ч. 1 ст. 140 ГПК РФ. Норма п. п. 4 ч. 1 ст. 91 АПК РФ по своей сути является бланкетной и отсылает к п. 2 ст. 926 ГК РФ. Судебная секвестрация вещей, которые являются предметом спора, может существовать тогда, когда такую вещь передают на хранение по решению суда. Согласно правилам судебного секвестра, хранителем предмета спора может быть как лицо, назначенное решением суда, так и то, которому доверяют все спорящие стороны. В обоих случаях подразумевают наличие согласия хранителя, если закон не установил другие правила. Главная особенность судебного секвестра состоит в том, что в рамках данного обязательства субъектом обязанности является в большей мере хранитель, а ответчик обязан лишь передать ему спорное имущество [11]. По результатам исследования было выявлено, что судебный секвестр не используется так же часто, как остальные обеспечительные меры в гражданском и арбитражном процессе.

В качестве примера судебного автором предлагается рассмотреть определение Починковского районного суда Нижегородской области от 05 марта 2018 г. по делу № 13-51/2018 [21]. Истица в соответствии со ст. 926 ГК РФ просит суд принять обеспечительные меры в виде судебного секвестра и для сохранности спорного имущества передать на хранение ИП «Третье лицо» транспортные средства: два легковых автомобиля и трактор. Свои требования она обосновывает тем, что ответчик уже совершал фиктивные

сделки по отчуждению другого спорного имущества: Суд ходатайство истицы удовлетворил и постановил передать на хранение запрашиваемую часть спорного имущества.

Обеспечительные меры являются довольно действенным инструментом защиты прав и законных интересов, ввиду чего они довольно часто применяются истцами в рамках самых разных споров. Однако в практике бывают случаи, когда принятые судом меры по обеспечению иска нарушаются. Для таких случаев законодателем были предусмотрены специальные меры ответственности.

Так, согласно ч. 2 ст. 140 ГПК РФ, при нарушении таких обеспечительных мер, как запрещение ответчику совершать определенные действия и запрещение другим лицам совершать определенные действия, касающиеся предмета спора, в том числе передавать имущество ответчику или выполнять по отношению к нему иные обязательства, виновные лица подвергаются судебному штрафу в порядке и в размере, которые установлены в ст. 105 ГПК РФ: размер судебного штрафа, налагаемого на граждан, не может превышать пять тысяч рублей, на должностных лиц - тридцать тысяч рублей, на организации - сто тысяч рублей (ч. 1 ст. 105 ГПК РФ). Аналогичные нормы содержатся в ч. 2 ст. 96 АПК РФ и главе 11 АПК РФ: согласно ч. 1 ст. 119 АПК РФ, судебные штрафы налагаются арбитражным судом в случаях, предусмотренных АПК РФ. Размер судебного штрафа, налагаемого на граждан, не может превышать пять тысяч рублей, на должностных лиц - тридцать тысяч рублей, на организации - сто тысяч рублей.

Кроме того, истец вправе в судебном порядке требовать от этих лиц возмещения убытков (ч. 6 ст. 96 АПК РФ, ч. 2 ст. 140 ГПК РФ), причиненных неисполнением определения суда об обеспечении иска. Также надлежит отметить, что любая сделка, совершенная с имуществом, в отношении которого приняты обеспечительные меры, признается незаключенной [12, с. 150].

Учитывая вышеуказанное, можно сказать, что меры по обеспечению иска являются довольно часто применяемым инструментом судебной защиты. Однако наблюдается явная диспропорция в том, как распределяются применяемые обеспечительные меры: в гражданском процессе наложение ареста является наиболее многочисленной применяемой мерой по обеспечению иска, что можно объяснить его комплексностью и эффективностью в качестве средства сохранения спорного имущества и недопущения совершения ответчиком и иными лицами сделок по распоряжению этим имуществом, тогда как в арбитражном процессе запрещение ответчику и другим лицам совершать определенные действия, касающиеся предмета спора является наиболее «частой» обеспечительной мерой.

Следует обозначить, что обеспечительные меры, указанные в ч. 1 ст. 140 ГПК и ч. 1 ст. 91 АПК РФ носят общий характер, тогда как специальные обеспечительные меры, применяющиеся в рамках отдельных

правоотношений, устанавливаются в федеральных законах, регулирующих эти правоотношения. Кроме этого, автор считает необходимым указать, что перечни закрепленных в ч. 1 ст. 140 ГПК РФ и ч. 1 ст. 91 АПК РФ обеспечительных мер имеют некоторые отличия.

Так, ГПК РФ не указывает прямо на возможность применения судебного секвестра (в отличие от п. 4 ч. 1 ст. 91 АПК РФ), а также на общую возможность возложения на ответчика в порядке обеспечения иска обязанности совершить определенные действия в целях предотвращения порчи, ухудшения состояния спорного имущества (как это допускает п. 3 ч. 1 ст. 91 АПК РФ), указывая в п. 3.1 ч. 1. ст. 140 ГПК РФ на «возложение на ответчика и других лиц обязанности совершить определенные действия, касающиеся предмета спора о нарушении авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети "Интернет"».

В этой связи представляется обоснованным предложить новую редакцию ч. 1 ст. 140 ГПК РФ:

1. Мерами по обеспечению иска могут быть:

1) наложение ареста на имущество, принадлежащее ответчику и находящееся у него или других лиц;

2) запрещение ответчику совершать определенные действия;

2.1) возложение на ответчика обязанности совершить определенные действия в целях предотвращения порчи, ухудшения состояния спорного имущества;

3) запрещение другим лицам совершать определенные действия, касающиеся предмета спора, в том числе передавать имущество ответчику или выполнять по отношению к нему иные обязательства;

3.1) возложение на ответчика и других лиц обязанности совершить определенные действия, касающиеся предмета спора о нарушении авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети "Интернет";

3.2) передача спорного имущества на хранение истцу или другому лицу;

4) приостановление реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении имущества от ареста (исключении из описи);

5) приостановление взыскания по исполнительному документу, оспариваемому должником в судебном порядке.

В необходимых случаях судья или суд может принять иные меры по обеспечению иска, которые отвечают целям, указанным в статье 139 настоящего Кодекса. Судьей или судом может быть допущено несколько мер по обеспечению иска.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12

декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // РГ. 04.07.2020 г. № 144.

2. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-І «О банках и банковской деятельности» // Вестник Съезда народных депутатов РСФСР. 06.12.1990 г. № 27, ст. 357.

3. Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 29.01.1996 г. № 5.

4. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // СЗ РФ. 03.05.1999 г. № 18.

5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 29.07.2002 г. № 30 ст. 3012.

6. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 28.10.2002 г. № 43 ст. 4190.

7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 18.11.2002 г. № 46.

8. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 08.10.2007. № 41. ст. 4849.

9. Куртуков Р.С. К вопросу о видах мер по обеспечению иска, не поименованных в ГПК РФ // Молодой ученый. 2017. № 2(136). С. 312-314.

10. Ткачёва Н.Н. Обеспечение иска в гражданском судопроизводстве: науч.-практ. пособие. М.: Волтерс Клувер. 2011. 136 с.

11. Цихоцкий А.В. Секвестр как вид обеспечительных мер в современном гражданском процессе // Пролог: журнал о праве. 2013. № 4. С. 11-14.

12. Малышева Л.Р. Последствия нарушения мер по обеспечению иска // Инновационная наука. 2020. № 4. С. 148-151.

13. Определение Конституционного Суда РФ от 22 января 2014 г. № 133-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кима Евгения Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 144 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // ИПС «Гарант» (дата обращения: 14.01.2023).

14. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 октября 2006 г. № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» // Вестник ВАС РФ. 2006 г. № 12.

15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 15.04.2014 по делу № 33-4784/2014 [Электронный ресурс] // Архив судебных решений ИПС «Гарант» (дата обращения: 16.01.2023).

16. Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 18 октября 2019 г. по делу № А45-16647/2018 [Электронный ресурс] // Архив судебных решений ИПС «Гарант» (дата обращения: 11.01.2023).

17. Определение Арбитражного суда Тюменской области от 15 ноября 2019 г. по делу № А70-17520/2019 [Электронный ресурс] // Архив судебных решений ИПС «Гарант» (дата обращения: 09.01.2023).

18. Решение Миллеровского районного суда Ростовской области от 17 февраля 2020 г. по делу № 2-127/2020 [Электронный ресурс] // Архив судебных решений ИПС «Гарант» (дата обращения: 10.01.2023).

19. Решение Московского городского суда от 21 апреля 2020 г. по делу № 3-0370/2020 [Электронный ресурс] // Архив судебных решений ИПС «Гарант» (дата обращения: 14.01.2023).

20. Определение Калининского районного суда Тверской области от 10 января 2017 г. по делу № 2а-147/2017 [Электронный ресурс] // Архив судебных решений ИПС «Гарант» (дата обращения: 10.01.2023).

21. Определение Починковского районного суда Нижегородской области от 05 марта 2018 г. по делу № 13-51/2018 [Электронный ресурс] // Архив судебных решений ИПС

«Гарант» (дата обращения: 17.01.2023).

22. «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 1 полугодие 2022 года» [Электронный ресурс] / Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461> (дата обращения: 16.01.2023).

23. «Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции за 1 полугодие 2022 года [Электронный ресурс] / Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461> (дата обращения: 16.01.2023).

Об авторе

НЕКРАСОВ Виктор Олегович – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, ул. Желябова, 33), e-mail: viktor.nekrasov.2000@mail.ru.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРОКУРОРОМ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КРУГА ЛИЦ

К. А. Салахутдинова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н, профессор Л.В. Туманова

Рассматриваются проблемные аспекты осуществления прокурором защиты прав и законных интересов неопределенного круга лиц, анализируются содержание понятия "неопределенный круг лиц", особенности процессуального статуса прокурора в процессе, обосновывается необходимость внесения изменений в процессуальное законодательство. Объектом исследования выступают правоотношения, связанные с реализацией прокурором полномочий по защите прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц. Предметом исследования является совокупность норм, регламентирующих участие прокурора в судебном процессе при защите прав неопределенного круга лиц. Методологическую основу составили общенаучные и частные методы научного исследования, такие как: логический, системного анализа, сравнительно-правовой, формально-юридический.

Ключевые слова: прокурор, защита неопределенного круга лиц, процессуальный статус, участие прокурора в гражданском процессе, защита прав и законных интересов.

Одной из процессуальных форм защиты прокурором публичных интересов является обращение прокурора в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц (ст. 45 ГПК РФ, ст. 39 КАС РФ). Задумываясь над закреплении именно такой формы, Т.С. Червиченко и П.С. Смирнов приходят к выводу, что обращение в интересах неопределенного

круга лиц, как общественно значимых, затрагивающих не частные интересы персонифицированных участников правоотношений, а интересы такого количества лиц, число которых даже предположить невозможно, в большей мере соответствует задаче защиты публичного интереса [11].

Требования, с которыми прокурор может обратиться в защиту неопределенного круга лиц разнообразны, среди них можно выделить: о признании незаконным решения, действия (бездействия) органа местного самоуправления (например, о признании незаконным бездействия администрации городского округа, связанное с непринятием мер по надлежащему содержанию здания МБОУ «СОШ №» в безопасном для педагогического персонала и учащихся состоянии) [21]; об устранении нарушений природоохранного законодательства (например, об устранении нарушений требований лесного законодательства) [18]; об устранении нарушений требований законодательства о противодействии терроризму и о социальной защите инвалидов (например, о возложении обязанности обеспечить беспрепятственный доступ в здание образовательной организации путем сооружения пандуса и поручней при входе) [23]; об устранении нарушений требований законодательства в области охраны труда (например, о возложении обязанности провести специальную оценку условий труда на рабочих местах в установленном законом порядке) [22].

Несмотря на активную реализацию прокурорами права на обращение в суд, на практике все еще существуют некоторые проблемы идентификации исков как поданных в защиту прав, свобод и интересов неопределенного круга лиц. Многие авторы объясняют наличие данной проблемы отсутствием закрепленного в российском законодательстве понятия «неопределенный круг лиц». В 2003 г. В.М. Жуйков определил неопределенный круг лиц как «такой круг лиц, который невозможно индивидуализировать (определить), привлечь в процесс в качестве истцов, указать в решении и решить вопрос о правах и обязанностях каждого из них при разрешении дела», в последствии данное им определение было использовано Верховным судом в порядке судебного толкования в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2004 г. [14], а далее в Обзоре судебной практики по делам, связанным с обращениями прокурора в суд общей юрисдикции в порядке ст. 45 ГПК РФ, опубликованном 6 декабря 2016 г. [15]. Несмотря на то, что некоторые ученые критикуют данное определение, суды при вынесении решений для подтверждения своей позиции используют именно его. В частности, по мнению О.Г. Патуевой, это определение содержит грамматическую и правовую ошибки [8], она обращает внимание на формулировку «такой круг лиц», в которой эти ошибки и кроются: законодательством РФ не предусмотрено возможности привлечь к участию в деле в качестве истцов круг лиц, привлечены в качестве участвующих в деле лиц могут быть лишь соответчики (ч. 3 ст. 40 ГПК, ч. 5 ст. 41 КАС РФ), а также в гражданском процессе третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора (п. 1 ст. 43 ГПК), в

административном судопроизводстве заинтересованные лица (ч. 2 ст. 47 КАС РФ). Именно поэтому вместо «такой круг лиц, который невозможно индивидуализировать...» должна быть формулировка «круг таких лиц, которых невозможно индивидуализировать...». С этим замечанием следует согласиться, поскольку рациональное зерно в данных рассуждениях присутствует, однако это не столь существенное замечание, которое влияет на понимание понятия неопределенный круг лиц и касается его признаков. Речь идет не о замене слов, а лишь об их перестановке, из чего следует, что смысл практически не меняется.

В науке существуют различные подходы к пониманию данного термина. О.Г. Патуева считает, что «под неопределенным кругом лиц в указанных нормах следует понимать такую множественность участников соответствующих материальных правоотношений, в которой невозможно заранее предвидеть ее поименный состав применительно к любому отдельно взятому моменту времени» [8]. Г.О. Аболонин под неопределенным кругом лиц понимает многочисленную группу, состав которой в силу различных причин невозможно установить [1]. Для того, чтобы сформировать правовую позицию по данному вопросу хотелось бы рассмотреть дела о защите трудовых прав неопределенного круга лиц, связанные с требованием провести специальную оценку условий труда. Как правило суды указанные требования удовлетворяют [19, 20], при этом указывая, что несоблюдение законодательства в области охраны труда нарушает права неопределенного круга лиц, как работающих на предприятии в настоящее время, так и лиц, которые могут быть приняты на работу в дальнейший период. Однако, не все суды разделяют такую позицию, в связи с чем отсутствует единство судебной практики. К примеру, Челябинский прокурор обратился в суд в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц с иском к ФКУ «Исправительная колония № 15» о возложении обязанности провести специальную оценку условий труда в отношении 13 рабочих мест [16]. Судом первой инстанции иск прокурора удовлетворен, но Судебная коллегия по гражданским делам Челябинского областного суда определила решение отменить и принять по делу новое решение, которым в удовлетворении исковых требований прокурора отказать. При этом, аргументы были следующие: неопределенности в круге лиц, работающих по профессиям, указанным в иске, не усматривается, поскольку с каждым осужденным заключен трудовой договор, следовательно, круг работающих лиц на рабочих местах, подлежащих специальной оценке, известен и определен - это осужденные, трудоустроенные в исправительной колонии; те лица, которые не заключили трудовой договор или фактически не приступили к работе с ведома или по поручению, не могут быть отнесены к числу работников, и, следовательно, до поступления на работу их права не могут быть нарушены.

При решении данной проблемы представляется возможным согласиться с мнением Э.Р. Исламовой [6]. Она считает, что специальная оценка условий труда способствует установлению безопасных условий труда на каждом

рабочем месте всех работников, которые его занимают или будут занимать в будущем, поэтому невозможно индивидуализировать круг лиц, права которых будут нарушены, и привлечь их в процесс в качестве истцов, указать в решении, а также решить вопрос о правах и обязанностях каждого из них при разрешении дела, а потому, имеет место нарушение права неопределенного круга лиц на безопасные условия труда. Позиция суда первой инстанции и судебной коллегии разнится в связи с трактовкой самого понятия «неопределенный круг лиц». Анализируя судебные постановления, можно увидеть различные подходы к пониманию категории «неопределенный круг лиц». Кроме указанной выше категории дел особенно часто различия в трактовке указанного понятия можно встретить при заявлении требований в защиту учащихся и (или) работников образовательных учреждений. Некоторые суды отказывали в принятии исковых заявлений, подаваемых прокурорами, указывая, что на момент подачи иска круг заинтересованных лиц можно индивидуализировать, поскольку численный состав школы как в части учащихся, так и в части педагогов и иных сотрудников строго учитывается [15]. Другие суды в аналогичных же ситуациях принимали к производству и удовлетворяли исковые заявления прокурора, отмечая, что определить круг лиц, постоянно или временно пребывающих в образовательном учреждении, не представляется возможным, с учетом постоянного изменения их персонального состава [17]. Чаще всего необходимость оценки категории определенности или неопределенности круга лиц, чьи интересы защищаются путем предъявления иска прокурором, встречаются по делам в сфере защиты прав на благоприятную окружающую среду, прав на обеспечение энергоресурсами, на безопасность дорожного движения (население муниципального образования), пожарную безопасность (сотрудники организаций). На наш взгляд, данная проблема связана не столько с отсутствием законодательно закрепленного понятия «неопределенный круг лиц», сколько со сложностью указанной категории, поскольку все его признаки неоднократно указывались в научной литературе, в первую очередь это многочисленность пострадавших, когда крайне затруднительно даже известить всех заинтересованных лиц о судебном заседании и изменчивость, неустойчивость их состава [13]. Полагаю целесообразным указывать именно признаки данного понятия, а не пытаться дать полное его определение, так как жизнь насыщена огромным количеством ситуаций и учесть все возможные нюансы при формулировке понятия не получится. В связи с чем, при рассмотрении исков в защиту неопределенного круга лиц огромное значения имеет установление всех юридически значимых фактов и обстоятельств дела.

Еще одной важной проблемой является неоднозначность процессуального статуса прокурора по делам о защите прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц. Согласно первой теории, прокурор является стороной, то есть истцом [7]. Обосновать данную позицию можно словами Л.П. Ижниной и А.Ю. Макаренко, они говорят о том, что поскольку иск

прокурора предполагает наличие другой стороны по делу – ответчика, прокурор, предъявивший этот иск, занимает положение истца [4].

Большую популярность среди ученых приобрела вторая теория о статусе прокурора как процессуального истца [11, 12]. По версии ученых, поддерживающих эту позицию, прокурор не может быть полноправным истцом (стороной спора), потому что он только лишь использует процессуальные права и несет обязанности истца, сам таковым не являясь, ведь объективного материального интереса в деле он не имеет и материально-правовые последствия решения суда на него не распространяются. Говоря о прокуратуре, как о процессуальном истце, речь идет только о его процессуальной заинтересованности, которая обусловлена целями и задачами, стоящими перед органами прокуратуры, такими как защита нарушенных прав, свобод и законных интересов.

Конечно же необходимо сказать, что определение процессуального положения прокурора в полной мере как истца или процессуального истца не соответствует действующему законодательству, так как в ст. 34 ГПК РФ и ст. 37 КАС РФ в качестве лиц, участвующих в деле отдельно обозначены стороны и прокурор. По мнению Т.Т. Алиева и Т.Н. Воробьева, отождествлять процессуальное положение прокурора и истца нельзя [9]. Об этом говорит и сам Т.Т. Алиев: «Первым среди ошибочных суждений является отнесение прокурора к сторонам спора (истца) по критерию наличия у него права на обращения в суд с иском» [2]. Несмотря на то, что процессуальный статус прокурора и истца нельзя отождествлять, все-таки прокурор, обращаясь с иском в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, приобретает большую часть прав и обязанностей истца.

Если же более подробно рассматривать теорию о прокуратуре как процессуальном истце, можно обнаружить ее несостоятельность по следующим причинам. По мнению Е.В. Токаревой, «определение «процессуальный истец» является неудачным, уже в силу имеющегося в нем элемента тавтологии, так как «истец» никаким, кроме как процессуальным, быть не может» [5], с этой точкой зрения стоит согласиться. О том, что стороны (истец и ответчик) – это только субъекты гражданского процессуального права, а не материального говорит и А.Ф. Козлов [7]. При этом возможность участия истца или ответчика в судебном процессе связывается с наличием спорного материально-правового отношения, а у прокурора такой связи нет, из чего можно сделать вывод, что истцом или ответчиком по делу он быть не может. Стоит отметить, что понятие «процессуальный истец» вообще не употребляется на практике, оно еще больше усложняет разграничение лиц, участвующих в деле, поскольку вместе со стороной дела – истцом, появляется еще и процессуальный истец, между которыми нужно будет проводить грань. Само понятие «процессуальный истец» слишком «тяжелое» и длинное для обозначения стороны по делу, чтобы исключить подмены понятий, тавтологии, стороны и все лица, участвующие в деле должны иметь очень конкретное и четкое название.

Представляется, что целесообразнее не пытаться подменить процессуальный статус прокурора иными терминами, а обозначить его в собственном смысле этого слова, как предлагают некоторые авторы [4, 5]. Это связано с тем, что все другие понятия, которыми пытаются обозначить процессуальное положение прокурора в суде, не отражают сущности и главное особенностей его деятельности, а также не используются на практике. Такая позиция полностью соответствует действующему законодательству, а именно, ст. 34 ГПК РФ и ст. 37 КАС РФ. Таким образом, можно сделать вывод о самостоятельном положении прокурора в судопроизводстве.

Как указывает Л.В. Туманова, «сопоставление норм трех процессуальных кодексов позволяет сделать вывод о том, что обращение прокурора в суд представляет два самостоятельных вида: обращение в защиту прав конкретного лица, когда совпадает личный и общественный или государственный интерес, и обращение в суд исключительно для защиты общественного или государственного интереса» [10]. В связи с чем следует выделять особенности процессуального положения прокурора в зависимости от того, обращается он в суд в защиту прав конкретного лица, которое является истцом по делу, или в защиту прав неопределенного круга лиц, когда фактически положение истца занимает сам прокурор, являющийся единственным лицом, участвующим в деле, со стороны истца. Особый статус прокурора в делах, где не было конкретного истца, а защите подлежал государственный (общественный) интерес, в своих научных трудах подчеркивал Р.Е. Гукасян: «Лишь только в тех редких случаях, когда прокурор предъявляет иски о признании сделок недействительными, можно признать, что прокурор действует как истец» [3].

Особенности процессуального положения прокурора прежде всего распространяются на последствия отказа прокурора от иска. Отказаться от иска может только лишь истец, и в случае обращения прокурора в защиту конкретного лица, его отказ от иска не будет иметь каких-либо процессуальных последствий (ч. 2 ст. 45 ГПК РФ, ч. 6 ст. 39 КАС РФ). Однако по-иному должна складываться ситуация, если речь идет об иске прокурора в защиту неопределенного круга лиц. Прокурор как лицо, обратившееся с иском в суд, вправе отказаться от иска, и такой отказ будет иметь процессуальные последствия, учитывая то, что «за спиной» прокурора нет истца, поскольку определить субъекта спорного материального правоотношения в силу специфики неопределенного круга лиц не представляется возможным. Данная особенность никак не отражена в кодексах, они предусматривают только процессуальные последствия отказа прокурора от иска исходя из позиции самого заинтересованного лица, но не предусмотрено каких-либо последствий для тех случаев, когда «за спиной прокурора нет другого лица».

Кроме того, особенности процессуального положения прокурора при обращении в суд в защиту прав конкретного лица, и в защиту общественного интереса касаются также участия в примирительных процедурах. Как известно, в ГПК РФ и КАС РФ указано, что прокурор пользуется всеми

процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения, при этом указано это в той же части статьи, где речь идет об обращении прокурора с иском в суд в защиту прав конкретного лица. В силу своей специфики в арбитражном процессе защите подлежит общественный, государственный интерес, иными словами, речь идет о защите неопределенного круга лиц, при этом оговорка о том, что прокурор лишен права заключать мировое соглашения отсутствует. Полагаем, что это не случайность, а лишь подтверждение того, что при защите прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц прокурор имеет право участвовать в примирительных процедурах. В данном случае следует согласиться с мнением Л.В. Тумановой о том, что данные особенности должны быть обозначены путем законодательного закрепления двух самостоятельных видов возбуждения дела прокурором как в гражданском процессе, так и в административном судопроизводстве.

Таким образом, целесообразнее не пытаться подменить процессуальный статус прокурора иными терминами, а обозначить его в собственном смысле этого слова. Такая позиция полностью соответствует действующему законодательству. Прокурор имеет служебную заинтересованность в исходе дела и это обуславливает то, что он сохраняет свой статус и в судебной деятельности. Следует выделять особенности процессуального положения прокурора в зависимости от того, обращается он в суд в защиту прав конкретного лица или в защиту прав неопределенного круга лиц, когда фактически положение истца занимает сам прокурор, являющийся единственным лицом, участвующим в деле, со стороны истца.

Указанные проблемы лишь часть проблем, связанных с защитой прокурором общественных (публичных) интересов неопределенного круга лиц. Насущная необходимость изменения законодательства в направлении унификации могла бы способствовать решению проблемы, возникающей из-за отсутствия единообразия правовых понятий и институтов.

Список литературы

1. Аболонин Г.О. Классификация массовых исков //Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 4. С.11-16. // [Электронный ресурс] //URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16382622>
2. Алиев Т.Т. Альтернативные взгляды на правовое положение прокурора в гражданском процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. N 2. С. 7-9. // [Электронный ресурс] //URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37043862>
3. Алиев Т.Т., Воробьев Т.Н. Правовой статус прокурора в гражданском процессе: новеллы. "Законы России: опыт, анализ, практика", 2020, N 1. // [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»
4. Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008.
5. Ижнина Л.П., Макаренко А.Ю. Проблемные вопросы процессуального статуса прокурора в гражданском процессе. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. №2. С.81-83
6. Исламова Э.Р. Проблемы установления "неопределенного круга лиц" при обращении прокуроров с заявлениями в суд. Вопросы российского и международного

права. 2020. Т. 10. № 10-1. С. 233-240. // [Электронный ресурс] //URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44718601>

7. Козлов А.Ф. Прокурорский надзор в Российской Федерации. Общая часть: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2013.

8. Патуева О.Г. Неопределенный круг лиц: некоторые вопросы реализации права на обращение в суд ("Арбитражный и гражданский процесс", 2016, N 11). из информационного банка "Юридическая пресса". [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

9. Токарева Е. В. Защита прокурором публичного интереса в гражданском процессе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Санкт-Петербург, 2015. С. 215. // [Электронный ресурс] //URL: <http://igpran.ru/prepare/a.persons/TokarevaEV.2/TokarevaEV.2-diss.pdf>

10. Туманова Л.В. Единство и противоположности процессуального статуса прокурора в контексте проблемы интереса. //Защита прав и охраняемых законом интересов граждан: факультетские Научные чтения им. профессора Р.Е. Гукасяна. Выпуск III. – Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2022. С.61–65 // [Электронный ресурс] //<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49298531&selid=49298536>

11. Червиченко Т.С., Смирнов П.С. Обращение прокурора в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц. Аллея науки. 2019. Т. 1. № 10 (37). С.558-567. // [Электронный ресурс] //URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41479812>

12. Шакарян М.С. Гражданское процессуальное право: Учебник. М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2004. С.584.

13. Щеглов В.Н. Субъекты судебного гражданского процесса. Изд-во Томского ун-та, 1979, С. 124. // [Электронный ресурс] //URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23858799>

14. Яковенко Е.В. Проблемные аспекты понятия "неопределенный круг лиц" в гражданском процессе. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 9-1 (72). С. 480.

15. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2004 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. N 11. С. 27. // [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»

16. Обзор судебной практики по делам, связанным с обращениями прокурора в суд общей юрисдикции в порядке ст. 45 ГПК РФ. 06.12.2016. // [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36043456/>

17. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 11.10.2018 по делу № 11-13453/2018. // [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»

18. Решение Чертковского районного суд Ростовской области от 16 февраля 2022 г. по делу № 2-104/2022 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/C9Dq1a32MuZO/>

19. Решение Березовского районного суда (Красноярский край) от 21 сентября 2020 г. по делу № 2-1397/2020. // [Электронный ресурс] //URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GlcjaLKJsRUN/?page=2®ular-court=®ular->

20. Решение Бологовского городского суда (Тверская область) от 23 апреля 2019 г. по делу № 2-217/2019; Решение Заволжского районного суда г. Твери (Тверская область) от 28 июня 2019 г. по делу № 2-1511/2019

21. Решение Городского суда г. Дагестанские Огни (Республика Дагестан) от 3 июля 2019 г. по делу № 2-244/2019. Судебные и нормативные акты РФ. // [Электронный ресурс] //URL: <https://sudact.ru/regular/doc/y7NF8r8g0QVl/?page=3®ular-court=®ular->

22. Решение Илекского районного суда (Оренбургская область) от 27 мая 2020 г. по делу № 2-287/2020. // [Электронный ресурс] //URL:<https://sudact.ru/regular/doc/vROoYw9f4JO/?page=5®ular-court=®ular->

23. Решение Шарьинского районного суда (Костромская область) от 22 июня 2021 г. по делу № 2-486/2021// [Электронный ресурс] //URL: <https://sudact.ru/regular/doc/t66otWww6FLn/?regular->

Об авторе

САЛАХУТДИНОВА Кристина Александровна – студентка 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, ул. Желябова, 33).

ЗАКОННОСТЬ И ОБОСНОВАННОСТЬ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Е.Д. Симадонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н, доцент А.С. Федина

Основным способом защиты прав и свобод гражданина является судебная защита. Рассматриваются такие характеристики судебного решения, как законность и обоснованность.

Ключевые слова: *решение суда, законность, обоснованность, вынесение судебного решения.*

Гражданский-процессуальный кодекс в ч. 1 ст. 3 закрепляет положение о том, что заинтересованное лицо вправе в порядке, предусмотренном законодательством о гражданском судопроизводстве обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав [1]. В связи с реализацией права на судебную защиту, установленного ст. 46 Конституцией РФ, нагрузка на органы судебной власти возрастает, следовательно, увеличивается число судебных актов, принимаемых судом.

Легальное определение судебного решения содержится в законодательных актах Российской Федерации:

1) согласно гражданско-процессуальному законодательству «судебное решение» – «постановление суда первой инстанции, которым дело разрешается по существу» [1];

2) согласно арбитражно-процессуальному законодательству судебное решение – это «судебный акт, принимаемый при рассмотрении дела по существу арбитражным судом первой инстанции» [2].

Кроме того, в ч. 1 п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» отмечается, что судебное решение является «актом правосудия» [8].

Кроме того, ко всем судебным решениям предъявляются определенные требования. Так, по мнению Ю.В. Тихомировой, судебное решение должно обладать тремя основными свойствами:

1) полнота, которая означает, что решение дает окончательные ответы на все вопросы, заявленные в ходе рассмотрения дела;

2) определенность, проявляющаяся в существующих между сторонами дела конкретных правоотношениях. При этом исключается возможность различных способов исполнения судебного решения в зависимости от волеизъявления сторон;

3) безусловность, выраженная в возможности исполнения решения, которая не зависит от наступления или не наступления определенных условий [7].

Законодателем в ст. 2 ГПК РФ, разъяснены задачи гражданского судопроизводства, среди которых выделены правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод, а также укрепление законности и правопорядка, предупреждение правонарушений, формирование уважительного отношения к суду. Таким образом, осуществление правовой и воспитательной задач лежит прежде всего на судебном решении, которым государственный орган разрешает противоречия лиц, возникшие в отношении определенной ситуации.

Решение должно быть законным и обоснованным (ч. 1 ст. 195 ГПК РФ).

Касаясь вопроса обоснованности и законности судебного решения следует обратиться к упомянутому выше Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении».

Решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права.

Если обратиться к истории развития принципа законности. История развития института законности судебного решения в Российском государстве относительно недолгая. Нормы права, посвященные законности и его законной силе, содержащиеся в Уставе гражданского судопроизводства 1864 год, носили достаточно общий характер [3].

Проект Гражданского процессуального кодекса РСФСР, опубликованный в 1922 году предусматривал обязательное немедленное исполнение частных определений, определял момент вступления в законную силу резолюций и постановлений суда, а также устанавливал общее правило о том, что вступившее в законную силу постановление обязательно для всех участников дела. В соответствии с указанным проектом Гражданского процессуального кодекса по тому же предмету спора и по тому же основанию разбирательства между участниками в других учреждениях быть не могло.

Таким образом, на современном этапе развития законность решения суда характеризуют следующие особенности актов применения права:

1) оно имеет разовое значение;

2) это официальный акт-документ, выражающий волю государства и

принимаемый компетентным органом;

3) вызывает определенные юридические последствия индивидуального характера, являясь конечным звеном в определенном юридическом составе;

4) является предписанием суда на основе общих норм индивидуально определять меру возможного и должного поведения для конкретных лиц;

5) является внешним формальным закреплением результата правоприменения по каждому гражданскому делу;

6) это способ реального проведения в жизнь государственного принуждения;

7) оно должно отвечать закрепленным в гражданском процессуальном законодательстве требованиям.

Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании, а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов.

Можно сказать, что обоснованность судебного решения охватывает три взаимосвязанных элемента:

1) обстоятельства гражданского дела;

2) доказательства по данному делу;

3) выводы суда из анализа установленных обстоятельств, подтвержденных исследованными доказательствами [4].

Решение суда должно быть обоснованным. Учитывая тот факт, что ч. 2 ст. 195 ГПК РФ не содержит четкого определения понятия «обоснованность», необходимо дополнить ст. 195 ГПК РФ ч. 3 и изложить ее в следующей редакции: «Обоснованным является решение, принятое на основе полного и всестороннего установления обстоятельств, имеющих юридическое значение для дела, а также исследования требований и возражений, на которые ссылаются стороны».

Одним из критериев решения суда, является критерий справедливости. Оно будет служить дополнительной гарантией вынесения обоснованного судебного решения. Справедливость определяли и как этическое требование, не имеющее самостоятельного юридического значения (Н.А. Чечина, Н.И. Ткачев); и как принцип и проблему соотношения закона и права (А.Т. Боннер, Г.А. Жилин); и как требование, имеющее юридическое содержание, которое не исчерпывается требованиями законности и обоснованности (Т.В. Сахнова, Э.М. Мурадян) [6].

В судебных актах – как в целом, так и в решении суда – в частности, реализуются цели судебной власти: обеспечение реализации прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, иных субъектов права; при помощи судебных актов устраняется правовая неопределенность, в результате чего права, свободы и законные интересы получают своевременную защиту. Таким образом, посредством судебных актов судебная власть не только

поддерживает нормальное развитие гражданского оборота, но и оказывает превентивное (предупредительное), воспитательное воздействие [6].

Отметим, что аспект справедливости связан с пониманием сущности правосудия, судебного познания и в этом контексте – с сущностью судебного решения как акта правосудия. Справедливость как имманентное правосудию свойство не только признается современной доктриной, но также является международным требованием правосудия.

Таким образом, справедливость судебного решения – это требование, направленное на установление правильной квалификации правового спора с целью разумного применения правовых норм, отвечающих морально-нравственному их содержанию и обусловленное требованиями общественной оценки судебного решения как справедливого акта судебной власти, постановляемого именем Российской Федерации.

В соответствии со ст. 2 ГПК РФ важнейшими задачами судопроизводства является осуществление юрисдикционной, профилактической (предупреждение правонарушений) и воспитательной (формирование уважительного отношения к закону и суду) функций. Суд своим решением восстанавливает нарушенные ответчиком права истца или признает, что такого нарушения не было, защищает права ответчика, отклоняя требования истца [4].

Как уже указывалось выше, итоговым актом правосудия является судебное решение. Однако суд (судья) может допустить при осуществлении процессуальных действий, ошибку (недостаток) в судебном решении, что результат является проблемой качества судебных актов, так как именно в них реализуется главная цель судебной власти — защита прав, свобод конкретного человека, являясь гарантом нормального развития всего общества [5].

Закон допускает исправление недостатков судебного решения, если при этом не меняется его сущность, в следующих случаях: 1) исправление описок и явных арифметических ошибок (ст. 200 ГПК РФ); 2) вынесение дополнительного решения (ст. 201 ГПК РФ); 3) разъяснение судебного решения (ст. 202 ГПК РФ).

Исправление описок и явных арифметических ошибок суд производит по своей инициативе или по заявлению сторон. Эта проблема разрешается в судебном заседании. Суд извещает лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания, но их неявка не является препятствием для рассмотрения вопроса о внесении исправлений в судебное решение. Дополнительное решение представляет собой способ устранения неполноты вынесенного решения. При этом суд не вправе изменить сущность решения либо разрешить новые вопросы, не рассмотренные в судебном заседании.

Так, В.В. Джуро в своем исследовании описывает следующую ситуацию. Судьей Е.М. Ворониной исправлялись следующие описки и арифметические ошибки: 1) по гражданскому делу по иску Б. к Ф. о взыскании компенсации морального вреда, причиненного в результате ДТП, — в размере государственной пошлины, взысканной в муниципальный бюджет; 2) по гражданскому делу № 2-302/12 по иску Н. к обществу о возмещении убытков, морального вреда — в расчете процентов за пользование чужими денежными

средствами и в наименовании ответчика в определении об устранении описки (2 определения). При этом определение судьи Е.М. Ворониной об устранении описки в решении судьи Н.А. Терентьевой в расчете процентов за пользование чужими денежными средствами и исправлении резолютивной части решения было отменено апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда ввиду нарушения норм процессуального права. Определением судьи Е.М. Ворониной вследствие неправильного применения ею норм гражданского процессуального законодательства было фактически изменено законное и обоснованное решение судьи Н.А. Терентьевой по указанному гражданскому делу [5].

Судебное решение выносится по всем гражданским делам, в порядке искового или особого производства судом первой инстанции.

Определенно, в настоящее время особенно активно развивается оптимизация правосудия, вместе с тем в погоне за эффективностью и оптимизацией гражданского процесса следует уделять внимание качеству правосудия, для уменьшения количества описок и ошибок в решении суда.

Правовое значение судебного решения состоит в том, что вследствие его принятия ранее спорное материально-правовое отношение обретает строгую определенность, устойчивость, общеобязательность.

Таким образом, судебное решение – это наделенный законной силой процессуальный документ, содержащий государственно-властное, индивидуально-конкретное предписание по применению норм права к установленным в судебном разбирательстве фактам и правоотношениям.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
3. Амельченко И.Л., Широкопояс Ю.А. История становления законности судебного решения // Научный журнал. 2018. С. 87–89.
4. Гражданский процесс: Учебник (5-е издание, переработанное и дополненное) / Под ред. М.К. Треушникова. М.: Статут, 2014.
5. Джуря В.В. Дефектность судебных решений и способы их исправления в гражданском судопроизводстве // Глагол правосудия. 2019. № 3. С. 5.
6. Могилевский Г.А. Процессуальные требования к судебному решению: состояние, проблемы, перспективы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. С. 120–123.
7. Тихомирова Ю.В. Судебные решения в гражданском и арбитражном процессуальном праве и их реализация // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2008. С. 172.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» // СПС КонсультантПлюс.

Об авторе

СИМАДОНОВА Елена Дмитриевна – студентка 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, ул. Желябова, 33), e-mail: elena_simadonova@mail.ru.

ОБРАЩЕНИЕ СУДЬИ С ЖАЛОБОЙ В ДИСЦИПЛИНАРНУЮ КОЛЛЕГИЮ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

Л.Р. Тагиров

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н, профессор Л.В. Туманова

В статье анализируется механизм защиты нарушенных прав и интересов судей, как действующих, так и лишенных высокого звания судьи. Рассматриваются вопросы совершенствования законодательства в области обращения судьи с жалобой в Дисциплинарную коллегия Верховного суда РФ. Объектом выступают нарушенные права представителя судебной власти, а также возможность подачи жалобы на несправедливое решение судебного органа. Изучается юрисдикционная форма защиты нарушенного права.

Ключевые слова: суд, судья, защита нарушенных прав судьи.

В настоящее время рассмотрение дел Дисциплинарной коллегией судей осуществляется на основании заявления жалобы (обращения) (ст. 9 Положения о Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, утвержденного Постановлением Пленума ВС РФ от 7 авг. 2014 г. № 5). Согласно ст. 1 КАС РФ суды в установленном им порядке рассматривают дела об оспаривании решений, действий (бездействия) квалификационных коллегий судей. Средством защиты является административный иск.

В начале XX в. рядом ученых высказывались мнения о необходимости защиты субъективных публичных прав посредством иска. В частности, А.М. Кулишер, основываясь на зарубежном опыте, полагал, что полноценная защита этих прав может быть осуществлена только «путем иска о восстановлении нарушенного права, путем возбуждения частным лицом против власти как стороны процесса о праве публичном, осуществляемого в судебно-состязательном либо более или менее близком к нему порядке».

В советский период В.А. Патюлин, рассматривая проблему защиты прав граждан, подчеркивал, что всяческие свободы и права, установленные в Конституции, могут относиться, с юридической позиции, к гарантированным и практически выполнимым только при том обстоятельстве, что в настоящем законодательстве будут фигурировать правовые средства их воплощения, а в ситуации несоблюдения таких прав и свобод гражданину будут предоставлены возможность на подачу судебного иска или прочие закрепленные законодательно варианты восстановления ущемленного права. Ключевые права и свободы человека и гражданина указаны в Конституции РФ. Их признание, соблюдение и защита служат прямой обязанностью государства (ст. 2 Конституции). В условиях совершенствования правовой системы и развития правового государства субъективные публичные права и публично-правовые интересы требуют новых эффективных процессуальных средств защиты. Административная юстиция, отмечает профессор И.В.

Панова, как система разрешения споров между частными и публичными субъектами нуждается в совершенствовании порядка рассмотрения административных дел как в части выработки и соблюдения надлежащих правил рассмотрения различных жалоб, вопросов административными органами, так и в части развития административного судопроизводства. КАС ввел в российское законодательство и правоприменительную практику исковой формы производства по отдельным категориям дел, возникающим из публичных правоотношений [2].

Административному иску, безусловно, присущи общие признаки искового производства, характерные в том числе и для гражданского иска, к которым традиционно относят следующие. Наличие материально-правового требования, исходящего из ущемленного или оспоренного права стороны и привлеченного в рамках закона к рассмотрению в законодательно утвержденном виде, т.е. иска; присутствие спора о субъективном праве; существование двух сторон с оппозиционными интересами, имеющих на законодательном уровне ряд полномочий по защите собственных прав в суде. Однако публичные правоотношения имеют существенные различия с гражданскими (частными) правоотношениями, в связи с чем административный иск несет в себе ряд исключительных, присущих только ему признаков. В первую очередь различие прослеживается в предмете исковой защиты. Предметом административного иска служит притязание о защите публичных прав. Административный иск возникает из спорных административных либо иных публичных правоотношений и является средством защиты субъективных публичных прав или охраняемых законом интересов субъектов публичных правоотношений. В рамках же гражданского и арбитражного судопроизводства иск является всегда средством защиты частного права [1].

В административных и иных публичных правоотношениях отсутствует в силу их «вертикального» построения присущее гражданско-правовым отношениям равенство его участников. Г.Л. Осокина отмечает, что административный иск, в сравнении с гражданским, выступает притязанием касательно защиты субъективных прав и интересов участников вертикальных отношений. Под вертикальными подразумеваются публично-правовые отношения. Данное обстоятельство обуславливает процессуальные особенности двух разновидностей искового судопроизводства: административного - по делам, возникающим в публично-правовых; гражданского - по делам, происходящим из частноправовых отношений. Вместе с тем, выявление отличительных черт спора об административном праве, в том числе об определении его пределов и юридической сущности, об использовании термина «публично-правовой спор», носит незначительный характер. Несомненно, что предмет рассмотрения дела в пределах административной юстиции составляют как административно правовые споры, так и прочие публично-правовые споры. Например, А.Г. Кучерена подразумевает под административными спорами в том числе такие споры,

которые образуются из конституционных, финансовых, налоговых, таможенных и других публично-правовых отношений. Ответы на поставленные вопросы невозможно обнаружить, просто обращаясь к понятийным спорам. Очевидно, что понятие «административно-правовой спор» более употребимо, нежели термин «публично-правовой спор». Хотя последнее понятие на практике встречается довольно часто [5]. Таким образом, основания возникновения спора - публичные правоотношения - определяют варианты защиты нарушенных или оспариваемых прав, а также и процессуальные особенности рассмотрения и разрешения административных исков. Это очевидно следует из особого субъектного состава административного искового производства, проявляется в особенностях доказывания по данной категории дел, отражается в специфике судебного решения по существу административного спора. Судебная защита публичного права связана с разрешением судом публично-правового спора, одной из сторон которого всегда является публичная власть, всегда имеющая возможность определенным образом воздействовать на участника публичных правоотношений, не наделенного властно-публичной компетенцией (гражданин либо организация). Таким образом, для разрешения публично-правового спора важно, чтобы участники публичных правоотношений, не обладающие властно-публичной компетенцией, выступали равноправной стороной процесса. Фактическое неравенство субъектов административно-правовых отношений компенсируется в административном судопроизводстве возложением обязанности доказывания законности оспариваемых нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) органов и организаций, должностных лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, на соответствующие орган, организацию и должностное лицо. По таким делам административный истец не обязан доказывать незаконность оспариваемых ими нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия). Указанные императивные требования не противоречат сути исковой формы, поскольку не исключают состязательности процесса и направлены на реализацию принципа равенства сторон в отношении участников административного судопроизводства, не наделенных властно-публичной компетенцией [4].

Являясь эффективным средством защиты субъективных публичных прав, процессуальная модель административного иска позволяет сторонам административного искового производства свободно распоряжаться процессуальными правами, включая реализацию права на предъявление административного иска, на выбор вида административного иска, на отказ от административного иска, на изменение оснований или предмета иска, на предъявление встречного иска, заключение мирового соглашения, обжалование вынесенного по иску решения [3]. В этом проявляется диспозитивность административного искового производства, характеризующаяся свободой распоряжения участниками административного судопроизводства своими процессуальными правами.

Использование процессуальной модели административного иска позволяет создать действенный механизм судебной защиты субъективных публичных прав граждан и организаций и может способствовать повышению эффективности административного судопроизводства. Как было отмечено ранее, конкретными формами обращения в Дисциплинарную коллегия судей, являющимися, по сути, административным иском, служат жалобы и обращения [6].

Таким образом, жалоба в Дисциплинарную коллегия судей представляет собой юрисдикционную форму защиты прав судей посредством модели административного иска, который содержит специальный предмет обжалования (решение квалификационной коллегии судей о прекращении полномочий судьи) и характеризуется неравноправным положением участников административного процесса. Функцией суда при рассмотрении иска является осуществление судебного контроля за законностью действий квалификационных коллегий судей, а именно контроля за законностью и обоснованностью их решений, разрешение по существу публично-правового спора.

Список литературы

1. Булатов А.А. Роль государственной службы занятости в решении проблемы трудоустройства и занятости российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 30–33.
2. Воденко К.В. Экономическая социология: учеб. Пособие / К.В. Воденко. Ростов-на Дону: Феникс, 2018. 157 с.
3. Красноусов С.Д. Коммерческий подкуп как форма коррупции в частном секторе: понятие и противодействие: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2012.
4. Степанова Е.Е. о возможности уступки денежных требований, вытекающих из государственных (муниципальных) контрактов//Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 11. С. 49–52.
5. Степанова Е.Е. Кондикционные обязательства в контрактной системе в сфере закупок//Юрист. 2018. № 6. С. 40–43.
6. Тумайкин И.В. Теория и методика социальной работы: учебник / И.В. Тумайкин. М.: Феникс, 2018. 206 с.

Об авторе

ТАГИРОВ Лорс Русланович – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, ул. Желябова, 33), e-mail: ltagirov500@mail.ru

ЯТРОГЕНИЯ КАК МЕДИКО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА

А.В. Харченко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н., доцент Ю.А. Дронова

Представлена проблема квалификации ненадлежащего оказания медицинской помощи. В доктрине уголовного права формируется новый подход к таким преступлениям. В научный оборот введен термин "ятрогенные преступления", когда неправильное и ненадлежащее оказание медицинской помощи может привести к прогрессированию болезни либо появлению новых заболеваний или даже летальному исходу. Ученые предлагают для одинакового правопонимания законодательно закрепить понятие «ятрогенные преступления».

Ключевые слова: медицинская помощь, ятрогенные преступления, клинические рекомендации, уголовные преступления.

В силу стремительного развития науки и техники усложняется и правовое регулирование общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности человека. Так, существующие ранее явления и процессы формулируются по-новому и приобретают более глубокий смысл.

Например, неправильное и/или неполное оказание медицинской помощи, проведение медицинских процедур, оказание медицинских услуг может привести к возникновению новых заболеваний или обострению существующей болезни или даже к летальному исходу. Для обозначения таких нарушений используются термины "(врачебная) медицинская ошибка", "врачебная халатность", "медицинский деликт", "дефект оказания медицинской помощи". Однако в медицинской и правовой литературе такие нарушения стали объединять под одним общим названием – ятрогенные преступления.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] не содержит специальных составов ятрогенных преступлений. Однако при возбуждении уголовных дел о преступлениях категории медицинских работников у следственных органов возникают затруднения в правильности квалификации преступных действий. Уголовные дела по преступлениям, совершенным медицинскими работниками при исполнении своих профессиональных обязанностей и приведшим к одним и тем же последствиям, возбуждаются по разным статьям УК РФ.

В настоящее время основными статьями УК РФ, которые вменяются медицинским работникам, являются: ст. 109 «Причинение смерти по неосторожности», ст. 293 «Халатность», ст. 238 «Выполнение работ, оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности». И не всегда легко можно квалифицировать какое-либо преступление, так как нередко в данных статьях может и не быть тех признаков, которым бы отвечала конкретная ситуация) [9, с. 18].

В качестве непосредственного объекта преступлений, совершаемых медицинскими работниками, выступают общественные отношения, обеспечивающие охрану жизни и здоровья пациентов. Объективная сторона ятрогенных преступлений заключается в нарушении медработником профессиональных обязанностей, выполнение которых предусмотрено нормативно-правовыми актами Министерства здравоохранения РФ, иными локальными нормативно-правовыми актами, издаваемыми должностными лицами медучреждений. Обязательным признаком объективной стороны являются последствия в виде смерти, причинения вреда здоровью, заражения инфекцией и наступление других неблагоприятных для пациента последствий, которые приводят к нарушению функций организма. Необходимым признаком объективной стороны выступает причинно-следственная связь между непрофессиональным действием (бездействием) медработника и наступлением негативных последствий у пациента [10, с. 42].

Наибольшая сложность заключается в разграничении неосторожного и невиновного причинения вреда, в том числе при обоснованном риске как обстоятельстве, исключающем преступность деяния, что является предметом судебно-медицинской экспертизы. Нередко судебно-медицинская экспертиза затрудняется в установлении причинной связи действия или бездействия медицинского работника и наступившего тяжкого вреда здоровью. Это связано с исходным состоянием здоровья пациента, характеризующимся предшествующими заболеваниями, особенностями организма и т.п. Иногда наступление такого последствия обусловлено деяниями нескольких лиц, например хирургов и анестезиологов в процессе операции и лечащего врача в послеоперационный период. Когда установлена неосторожная вина нескольких лиц, ответственность должна наступить в зависимости от связи действий или бездействия каждого с причиненным вредом по принципу неосторожного сопричинения [7, с. 57].

Таким образом, практическую сложность привлечения медицинских работников к уголовной ответственности за непрофессиональное оказание медицинской помощи вызывает установление дефекта оказания медицинской помощи, находящегося в прямой причинной связи с наступившими последствиями.

В Порядке проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи от 21 июня 2017 г.¹ (далее — Порядок СМЭ) [5] указывается, что, несмотря на отсутствие в уголовном и гражданском законодательстве Российской Федерации понятий «ятрогенные преступления» и «гражданско-правовые последствия ятрогенных воздействий», ятрогения — это любые нежелательные или неблагоприятные последствия профилактических, диагностических или лечебных вмешательств либо процедур, которые приводят к нарушениям функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидизации и смерти; осложнения медицинских мероприятий, развившиеся в результате как

ошибочных, так и правильных действий или бездействий врача. При этом предлагается различать понятия «неоказание медицинским работником медицинской помощи пациенту» и «бездействие медицинского работника при оказании медицинской помощи». Согласно Порядку СМЭ, бездействие — более широкое понятие и включает в себя:

1) «полное» неоказание медицинской помощи пациенту, то есть собственно «неоказание медицинской помощи»;

2) «частичное» неоказание («неполное оказание») медицинской помощи, то есть действие не в соответствии с общепринятыми порядками оказания медицинской помощи и стандартами медицинской помощи, утвержденными Министерством здравоохранения Российской Федерации, клиническими рекомендациями (протоколами лечения) по вопросам оказания медицинской помощи, разработанными и утвержденными медицинскими профессиональными некоммерческими организациями.

В Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 25 декабря 2018 г. № 489-ФЗ «О внесении изменений в статью 40 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» по вопросам клинических рекомендаций» [2] основными документами, регламентирующими вопросы профилактики, диагностики, лечения и реабилитации выступают клинические рекомендации (протоколы ведения, лечения пациентов).

В настоящее время, по данным СПС «КонсультантПлюс», в России утверждено свыше 450 клинических рекомендаций (протоколов лечения) по различным заболеваниям, которые регулярно (не реже одного раза в три года) обновляются с учетом современных достижений медицинской науки. По коронавирусной инфекции (COVID-19) клинические рекомендации неоднократно изменялись в течение 2020 г. По содержанию клинические рекомендации (протоколы) представляют собой компиляцию основных научных знаний с высоким уровнем доказательности по той или иной нозологии. Однако признание их документами, санкционирование Минздравом России, в том числе посредством размещения на официальном сайте в сети Интернет, широкое использование судебно-медицинскими экспертами при оценке клинических случаев, ставших предметом судебного разбирательства, наделяет такие клинические рекомендации (протоколы) элементами нормативного регулирования. Наличие в клинических рекомендациях вариантов медицинского вмешательства и описания последовательности действий медицинского работника исключает при их точном применении медицинскую ошибку и ответственность врача за неблагоприятный исход. Поэтому клинические рекомендации приобретают характер нормативных актов особого свойства, роль и значение которых в правовой системе еще предстоит оценить [8, с. 63].

Так, в клинических рекомендации "Хронический средний отит" указано, что «инициирующим звеном в развитии ХГСО являются перенесенный ОСО с формированием стойкой перфорации барабанной перепонки или ретракционных

изменений с атрофичной неомембраной, травматическая или ятрогенная перфорация, сохраняющаяся у 1,3–10,8% пациентов после врачебных манипуляций» [4].

С 01 января 2022 года в силу вступили Правила поэтапного перехода медицинских организаций к оказанию медицинской помощи на основе клинических рекомендаций, разработанных и утвержденных в соответствии с частями 3, 4, 6 - 9 и 11 статьи 37 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3], в которых определены. Таким образом, при расследовании ятрогенных преступлений необходимо будет выяснить проводилось ли лечение, оказание медицинской помощи в соответствии с клиническими рекомендациями по определенному заболеванию. Таким образом, клинические рекомендации приобретают силу нормативного акта особого свойства в правовой системе РФ. И возрастает роль клинических рекомендаций в повышении качества оказываемой медицинской помощи и снижении риска возникновения врачебной ошибки и ятрогенных проявлений.

В проблеме ятрогении можно выделить два аспекта:

медицинский: выявление и анализ дефектов (недостатков) медицинской помощи и их причин, а также оценкой влияния дефекта на исход;

юридический (правовой): установление причинно-следственных связей следственными органами между оказанием медицинской помощи и наступлением вредных последствий.

И.В. Тимофеев под ятрогенией предлагает понимать некомпетентное (непоказанное и/или неправильное) действие или бездействие медицинского работника в случаях, когда этот процесс негативно повлиял на исход (привел к причинению вреда здоровью или наступлению летального исхода). В правовом и медико-организационном смысле ятрогения является последствием дефекта медицинской помощи, как действия, так и доказанного запоздалого действия или бездействия, повлекшего наступление неблагоприятного исхода (вред здоровью или наступление смерти), имеющего причинно-следственную связь с причинением медицинским работником вреда здоровью или смертью пациента. При этом, выделяя из дефектов медицинской помощи ятрогению, мы вводим ее квалифицирующий признак — негативное влияние на исход, то есть ятрогения — это последствие дефекта медицинской помощи, негативно повлиявшего на исход заболевания [11, с. 7].

Т.Ю. Дементьева и Н.Ф. Ангипова предлагают следующие изменения и дополнения в уголовное законодательство в целях однозначной регламентации ятрогенных преступлений:

1. В УК РФ следует четко выделить специальный субъект преступления — медицинский работник, выполняющий профессиональные обязанности, и тем самым исключить из группы «ятрогенные преступления» ст. 293 УК РФ как не соответствующую новому субъекту.

2. В новой норме указать на ненадлежащее оказание медицинской помощи и медицинской услуги, что позволит привлекать к уголовной ответственности

лиц, предоставляющих помощь как в рамках договоров, в том числе и ОМС, так и при осуществлении неотложной медицинской помощи, когда деятельность не регламентирована договорными отношениями.

3. Уголовную ответственность медицинский работник должен нести только при наступлении смерти либо тяжкого вреда здоровью.

4. Уголовная ответственность медицинского работника должна наступать только при наличии вины в форме неосторожности по отношению к деянию и последствиям [6, с. 18].

В настоящее время в большинстве случаев медработникам инкриминируются преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118, п. "в" ч. 2 ст. 238 УК РФ. Так, «в ходе судебного разбирательства было установлено, что дефектом лечения, которое повлекло причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей, является именно применение врачом П.А.Г. аппарата лазерной терапии "М" для выполнения хирургического манипуляционного этапа лазерной коррекции дисков между 6 и 7 шейными позвонками, (лазерного облучения мягких тканей с введением иглы со световодом в околопозвоночную область) пациентки, которое осуществлялось не в соответствии с инструкцией к аппарату. Как следует заключений представленных в материалах уголовного дела экспертиз, закрытый ятрогенный правосторонний пневмоторакс по признаку вреда здоровью, опасного для жизни человека, который по своему характеру непосредственно создает угрозу для жизни человека, квалифицируется как тяжкий вред здоровью на основании п. 6.1.10 Приложения к Приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24.04.2008 г. № 194 н. Кроме того, экспертами установлена прямая причинная связь между применением аппарата лазерной терапии М при лечении пациентки с введением иглы со световодом в околопозвоночную область и образованием пневмоторакса. Таким образом, судом установлен травматический характер пневмоторакса, который образовался вследствие медицинских манипуляций и данное квалифицировано как преступленное деяние по п. "в" ч. 2 ст. 238 УК РФ» [12].

При рассмотрении «медицинских дел» могут появиться вопросы о содержании недостатков медицинской помощи и их влиянии на исход заболевания, что необходимо для обоснованной юридической оценки действий (бездействия) медицинского работника. В этой связи для одинакового правопонимания предлагается законодательно закрепить понятие «ятрогенные преступления».

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон РФ от 25 декабря 2018 г. (ред. от 11.06.2021 г.) № 489-ФЗ «О внесении изменений в статью 40 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» по вопросам клинических рекомендаций» // СЗ РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8415. СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Правительства РФ от 17 ноября 2021 г. № 1968 «Об утверждении Правил поэтапного перехода медицинских организаций к оказанию медицинской помощи на основе клинических рекомендаций, разработанных и утвержденных в соответствии с частями 3, 4, 6 - 9 и 11 статьи 37 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Клинические рекомендации "Хронический средний отит" (утв. Минздравом России) // <https://cr.minzdrav.gov.ru> по состоянию на 09.11.2021.

5. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи: методические рекомендации (утв. ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России 21.06.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Дементьева Т.Ю., Ангипова Н.Ф. Проблемы при квалификации ятрогенных преступлений в ходе предварительного расследования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 3 (42). С. 12-18.

7. Казакова В.А. Проблемы квалификации преступлений против здоровья: монография. М.: РУСАЙНС, 2018. 436 с.

8. Матейкович М.С., Матейкович Е.А. Юридическая характеристика медицинских ошибок и минимизация рисков их совершения // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 61 - 77.

9. Погосян А.А., Тилукина А.Г. Ятрогенные преступления как новый вид преступлений в уголовном праве Российской Федерации // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 2. С. 17-20.

10. Ситникова А.И. Ятрогенные преступления: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Медицинское право. 2018. № 2. С. 41 – 44.

11. Тимофеев И.В. О необходимости правовой определенности понятия "ятрогения" // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2021. № 2. С. 4-8.

12. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12.08.2021 г. № 77-1633/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе

ХАРЧЕНКО Андрей Владимирович – студент 2 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: su500005@yandex.ru

ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВОБОДЫ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Е.И. Цветкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н, профессор Л.В. Туманова

В статье рассматривается сущность понятия «предвыборная агитация» с научной и с правовой точки зрения. Представлено подробное объяснение юридической ответственности за нарушение избирательных прав граждан, описываются три вида

юридической ответственности: конституционная, административная и уголовная ответственность. Обсуждается использование современных технологий для информирования избирателей и проведения агитации.

Ключевые слова: предвыборная агитация, выборы, правонарушения, ответственность, избиратели, технологии.

Предвыборная агитация - информационная деятельность, которая осуществляется участниками избирательной кампании, для получения от избирателей голоса за или против кандидата, списка кандидатов. Содержанием предвыборной агитации является информация агитационного характера, а проведение предвыборной агитации выступает в виде производства и распространения данной информации. Правоотношения, которые возникают между участниками выборов в процессе производства и распространения надлежащими участниками выборов информации агитационного характера, регулируются нормами избирательного права [1, с. 565].

Участники выборов в период проведения предвыборной агитации вступают в избирательные информационные правоотношения. Предвыборная агитация не может приравниваться к политической агитации вне временных рамок избирательной кампании, поскольку в соответствии с федеральным избирательным законодательством предвыборная агитация существует исключительно в период избирательной кампании. В рамках каждого из этапов избирательной кампании участники избирательного процесса осуществляют в соответствии с законодательством набор избирательных действий, целью которых является полная и последовательная реализация конституционного права граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления.

В качестве основных способов проявления предвыборной агитацией можно выделить [2]:

а) призывы голосовать за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов либо против него (них);

б) выражение предпочтения какому-либо кандидату, избирательному объединению, в частности указание на то, за какого кандидата, за какой список кандидатов, за какое избирательное объединение будет голосовать избиратель;

в) описание возможных последствий в случае того или иного выбора избирателя;

г) распространение информации о каком-либо кандидате (каких-либо кандидатах), избирательном объединении, в которой содержится как позитивная, так и негативная информация;

д) распространение информации о различной деятельности кандидата (как профессиональной, так и с другой деятельностью);

е) деятельность, способствующая созданию и передаче положительного или отрицательного отношения избирателей по отношению к кандидату (кандидатам).

Вопросы юридической ответственности за нарушения установленных законом правил проведения предвыборной агитации - одна из важнейших гарантий проведения свободных выборов.

За нарушение избирательного законодательства предусмотрено несколько видов юридической ответственности: конституционная, административная и уголовная. Каждый из указанных видов ответственности отличаются по многим характеристикам. Так, например, в зависимости от субъектного состава, можно выделить ответственность избирательных комиссий и ответственность кандидатов, избирательных объединений, и иных участников избирательного процесса. В качестве отдельной группы правонарушений, могут быть выделены правонарушения порядка и правил регистрации кандидата (кандидатов).

Федеральным законом от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Закон об основных гарантиях) устанавливается и регулируется ответственность за нарушение порядка и правил проведения предвыборной агитации [2].

Отмена судом регистрации кандидата (списков кандидатов) по заявлению избирательной комиссии производится в таких случаях как: установления факта коррупции (например, между кандидатом и членами избирательной комиссии); злоупотребление свободой массовой информации; использование кандидатом преимуществ должностного или служебного положения.

В соответствии со статьей 77 Закона об основных гарантиях основанием для отмены решения избирательной комиссии о результатах выборов (на основании решения суда) являются следующие обстоятельства: проведенная агитация вышла за рамки ограничений, из-за чего возник вопрос в действительности и верности воли избирателей; кандидат воспользовался преимуществами своего положения (должностного) [2].

Правоохранительные органы обязаны принимать меры по пресечению противоправной деятельности в период проведения агитации, а именно проводить следующую деятельность: предотвращать изготовление ложных и незаконных агитационных материалов, устанавливать изготовителей указанных ранее материалов; информировать в кратчайшие сроки избирательные комиссии об обстоятельствах и принятых мерах.

Административная ответственность за нарушение правил и порядка проведения агитации на выборах предусмотрена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [3]. Основание наступления ответственности - совершение административного правонарушения, а субъект - гражданин, должностное или юридическое лицо.

К административным правонарушениям относятся:

- выявление нарушений при опубликовании агитационных материалов (печатный вариант, сеть Интернет);
- непредоставление государственными или муниципальными средствами массовой информации (далее – СМИ) избирательной комиссии на

безвозмездной основе, и установленного законом срока эфирного времени, печатной площади для информирования избирателей, ответов на вопросы, обнародования решений и актов избирательной комиссии;

- нарушение кандидатом (кандидатами) порядка и условий проведения предвыборной агитации в СМИ;

- нарушение сроков проведения предвыборной агитации;

- проведение предвыборной агитации в запрещенных законодательством местах;

- изготовление и распространение агитационных материалов (как печатных, так и аудиовизуальных) с нарушением требований законодательства;

- размещение агитационных материалов в запрещенных законом местах;

- отказ в возможности обнародования опровержения, разъяснения по вопросу защиты чести, достоинства или деловой репутации зарегистрированного кандидата или избирательного объединения в случае распространения информации, которая порочит честь и достоинство вышеуказанных лиц;

- уничтожение, порча агитационных материалов;

- отказ в проведении кандидатам встреч с избирателями;

- коррупция;

- невыполнение требований о предоставлении равных условий для проведения агитационных публичных мероприятий.

Уголовная ответственность регулируется статьями Уголовного кодекса Российской Федерации [4]. Сюда относятся такие правонарушения, как:

- призывы к осуществлению экстремистской деятельности в процессе агитации;

- действия, совершенные как публично, так и с использованием СМИ, которые направлены на распространение информации негативного характера в отношении лиц другого пола, расы, культуры, религии;

- препятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (действия, связанные с подкупом, обманом; с использованием служебного положения).

Информационное обеспечение выборов является важной стадией избирательного процесса. С её помощью граждане могут эффективно реализовать свои избирательные права путем осознанного волеизъявления в период избирательной кампании [5]. В большинстве случаев они опираются на ту информацию, которую предоставляют кандидаты. От количества, качества и полноты информации, полученной в ходе проведения агитации, зависит выбор граждан.

Статья 29 Конституции РФ затрагивает информационное обеспечение выборов. Также статья 44 Закона об основных гарантиях содержит в себе правовое регулирование института выборов. На основании данной статьи можно сделать вывод, что в институте информационного обеспечения выборов выделяются два отдельных института:

- информирование избирателей;
- предвыборная агитация.

СМИ являются главным каналом, с помощью которого происходит влияние на избирателей в период предвыборной агитации. СМИ играют важную роль в процессе проведения выборов на любом уровне власти. В связи с этим содержание агитационных информационных материалов должно отвечать таким принципам как объективность, достоверность и соответствовать законодательству РФ. СМИ оказывают сильное влияние на электорат во время проведения предвыборной агитации, поскольку являются самым доступным средством передачи информации населению. Задача агитационных материалов в СМИ - создание и усиление позиций и образа кандидата. С их помощью личность кандидата становится узнаваемой, а хорошо продуманная реклама, распространяемая СМИ, способствует привлечению внимания к кандидату со стороны избирателей.

В качестве достоинства и недостатка можно выделить объективную сложность по контролю за распространением агитационных материалов в СМИ. В условиях свободного распространения информации в сети Интернет становится трудным отслеживание всех лиц, которые посетили конкретный сайт или получили сообщение. Особая сложность возникает в процессе идентификации конкретных пользователей, которые ознакомились с представленной информацией (в большинстве случаев это практически невозможно, поскольку возможно будет установить только IP-адрес, а не персональные данные человека).

Обобщая вышеуказанное, можно сделать вывод, что предвыборная агитация – это особое проявление права на распространение информации. Она также имеет большие ограничения, которые связаны как с ее содержанием, так и с формой распространения. Особым условием проведения предвыборной агитации является её финансирование. В избирательном законодательстве уделяется особое внимание информационному обеспечению. Оно включает в себя представление информации избирателям и саму предвыборную агитацию. Агитация способствует осознанному волеизъявлению граждан, а благодаря развитию и появлению современных технологий на выборах расширились возможности граждан в получении достоверной информации о выборах, о кандидатах и программах.

Список литературы

- 1) Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.06.2022) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (Дата обращения 17.01.2023).
- 2) Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (Дата обращения 20.01.2023).
- 3) Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (последняя редакция) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (Дата обращения 15.01.2023).

4) Белов. Д. Ю. Предвыборная агитация как часть избирательного процесса, основные виды агитации / Аллея науки. – 2020. – Т. 1. – № 3(42). – С. 565-568.

5) Викторова У.А. Выпускная квалификационная работа по теме «Предвыборная агитация как стадии избирательного процесса» [Электронный ресурс] URL: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/34468/viktorova_u.a.pdf?sequence (Дата обращения 15.01.2023)

Об авторе

ЦВЕТКОВА Елизавета Игоревна – студентка 2 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: elisa.beta.tsvetkova@yandex.ru.

СУЩНОСТЬ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

Е.И. Цветкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н, профессор Л.В. Туманова

В статье представлена сущность избирательного права в целом. Показаны основные ограничения пассивного избирательного права с использованием судебной практикой в качестве примера. Рассматриваются все инстанции защиты избирательного права.

Ключевые слова: *избирательное право, политическое право, государственная власть, органы местного самоуправления, пассивное избирательное право, юридические нормы, административное судопроизводство, судимость, прокуратура.*

Принцип всеобщего избирательного право – один из немногих результатов длительной эволюции демократической идеологии в целом.

В настоящее время избирательное право рассматривается в двух позициях: в широком (объективном) и узком (субъективном) смысле. В объективном смысле избирательное право является частью конституционного права, учебной дисциплины и науки. В качестве науки, избирательное право представляет собой совокупность теоретических знаний в области функционирования и развития демократических институтов. Избирательное право предстаёт в виде системы правовых институтов и юридических норм, которые регулируют общественные отношения в области избирательных процессов [6, с. 3].

В субъективном смысле, избирательное право – это политическое право гражданина. Оно является составным и включает в себя два вида избирательного права: активное – право избирать и пассивное – право быть избранным. Несмотря на это, избирательное право человека и гражданина

входит в более широкое понятие – право на участие в управлении государством – одно из наиболее важных в системе демократических прав и свобод человека и гражданина.

Защита избирательных прав граждан реализуется в судебном и административном порядке. Такой порядок осуществляется с помощью административного судопроизводства, который реализуется главой 24 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [2]. В качестве административного порядка защиты избирательных прав граждан предусматривается возможность обжалования решений, действий нижестоящих избирательных комиссий (участковых, территориальных и пр.) и их должностных лиц в вышестоящую избирательную комиссию [4].

Порядок обжалования решений, бездействий, действий, которые нарушают права граждан, приводится в статье 75 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2006 г. № 67-ФЗ (далее – Закон об основных гарантиях) [4].

Пункт 8 ст. 75 Закона об основных гарантиях гласит, что для обращения в суд предварительное обращение в избирательную комиссию необязательно. В случае нарушения избирательных прав граждане Российской Федерации имеют право обратиться с жалобой в прокуратуру или в органы внутренних дел.

Возможность обжалования судебных решений обеспечивается функционированием нескольких инстанций [7, с. 70]:

1. Инстанция первая – рассматривает дела по существу представленных требований, в исковом заявлении. Например, по иску гражданина П. представлено, что избирательная комиссия не должна была регистрировать кандидата О. в качестве депутата, в связи с предоставлением неполного пакета документов. В итоге оказалось, что кандидат представил не все сведения о наличии имущественных обязательств.

2. Апелляционная жалоба – обжалование не вступившего в законную силу решение суда первой инстанции.

3. Кассационная инстанция - подтверждение законности ранее принятых судебных решений, либо же восстановление нарушенных прав гражданина.

4. Надзорная инстанция - судебные постановления могут быть пересмотрены в порядке надзора по жалобам лиц, участвующих в деле, если их права, свободы и законные интересы нарушены этими судебными постановлениями.

Пассивное избирательное право – это право гражданина быть избранным в органы местного самоуправления и органы государственной власти. Также данное право обладает рядом правомочий: право на предвыборную агитацию, право назначение доверенных лиц, наблюдение за ходом голосования, право на обжалование решения и действий избирательной комиссии [6, с. 84].

Участники избирательного процесса, да и сами кандидаты проводят избирательные действия. Они начинаются с выдвижения кандидата.

Заканчиваются определением результатов выборов. Кандидат может быть избран только в случае, если будет направлено больше голосов избирателей в его пользу. Получается, что в процессе реализации представленного права участвует немаленькое количество людей. Без их участия невозможно стать избранным. Поэтому можно сказать, что конституционное право быть избранным является коллективным.

С точки зрения теории каждый избиратель должен обладать правом быть избранным в органы местного самоуправления и органы государственной власти. Но основная цель выборов заключается в выборе лучших кандидатов в представители народа, которые смогли бы управлять делами региона. Поэтому просто необходимо установить требования для кандидата. Это так называемые избирательные цензы [6. с. 5].

Например, Конституцией РФ провозглашено, что свободные выборы являются главным непосредственным выражением власти народа (ст. 3); указано о праве граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 32); перечислены лица, которые не имеют избирательных прав (признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда); определено, что избираемыми федеральными органами государственной власти являются Президент Российской Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации (ст. 11); закреплены основные принципы избирательного права — всеобщее равное и прямое избирательное право при тайном голосовании (ч. 1 ст. 81); содержатся условия обладания пассивным избирательным правом для возможности избрания Президентом Российской Федерации, депутатом Государственной Думы Российской Федерации. Согласно ст. 81 Президентом Российской Федерации может быть избран гражданин Российской Федерации не моложе 35 лет, постоянно проживающий в Российской Федерации не менее 10 лет. Согласно ст. 97 депутатом Государственной Думы Российской Федерации может быть избран гражданин Российской Федерации, который достиг возраста 21 год и имеет право участвовать в выборах [1].

В соответствии с п. 3 ст. 36 Федерального закона «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ если кандидат является членом одной политической партии, то он не может быть выдвинут другой политической партией [3]. Нарушение данного положения влечёт за собой в отказе и отмене регистрации кандидата. Но как показывает практика, такое случается достаточно часто. Вся проблема связана с порядком утраты членства в другой партии. Это полностью зависит от устава партии. Также стоит помнить и о процедуре выхода из состава партии.

Подводя итог можно сказать, что рассмотренные в статье ограничения не являются абсолютными. На современном этапе российское избирательное право — это сложная система юридических норм различного уровня, которые обладают основой конституционных гарантии избирательных прав граждан. Эти нормы содержатся не только в специальных нормативных правовых

актах, которыми регулируются избирательные правоотношения, но и ряде других законодательных актов. С момента первоначальной разработки существующей на данный момент российской избирательной системы в нее было внесено множество изменений. Высокое значение для развития данной системы имели как практические аспекты реализации электорального процесса, так большое количество научных исследований в сфере избирательных правоотношений

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения 24.01.2023).
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (Дата обращения 24.01.2023).
3. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (последняя редакция) «О политических партиях» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (Дата обращения 30.01.2023).
4. Федеральный закон от 12 июня 2002 № 67-ФЗ (последняя редакция) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (Дата обращения 15.01.2023).
5. Головин А.Г. О науке избирательного права и ее актуальных задачах // Избирательное законодательство и практика. 2016. № 1. С. 3–11.
6. Кузнецова О.В. Понятие и сущность пассивного избирательного права в Российской Федерации // Вестник Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина. Научный журнал. Саратов: Изд-во Поволж. акад. гос. службы, 2007. № 12. С. 81–87.
7. Кулешова Н.Н., Сидорова С.А. Содержание судебных решений при защите избирательных прав граждан // Выборы: теория и практика. 2020. № 1(53). С. 69–74.

Об авторе

ЦВЕТКОВА Елизавета Игоревна – студентка 2 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: elisa.beta.tsvetkova@yandex.ru.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ В ПОРЯДКЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Н.А. Цветков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н, профессор Л.В. Туманова

В настоящей статье анализируется применение оснований для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам. В качестве одного из обстоятельств рассмотрены преступления сторон и других лиц, совершенные при рассмотрении дела, которые могли повлиять на принятое решение.

Ключевые слова: гражданский процесс, пересмотр судебных постановлений, проблемы пересмотра судебных постановлений, вновь открывшиеся обстоятельства, совершение преступлений как основание для пересмотра.

Конституция Российской Федерации [1] в ч. 1 ст. 46 гарантировала каждому человеку судебную защиту его прав и свобод. Судебная защита прав и законных интересов является основой гражданского демократического общества, поскольку предоставляет гражданам государственную гарантию того, что они могут защитить свои права, свободы и законные интересы от посторонних посягательств в порядке особой независимой и непредвзятой санкционированной государством процедуры. Вместе с тем права человека могут быть защищены только в случае вынесения судом законного и обоснованного судебного решения по его делу. Однако судебное решение, являющееся законным и обоснованным при вынесении, может перестать быть таковым впоследствии в связи с тем, что суду при рассмотрении дела не были известны обстоятельства, имеющие существенное или даже определяющее значение для рассмотренного дела. Этими обстоятельствами являются, согласно ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [2], вновь открывшиеся или новые обстоятельства.

Сущность пересмотра заключается в выявлении нового или вновь открывшегося обстоятельства и, если оно выявлено, отмене судебного постановления, принятого без учета данного обстоятельства. Цель выявления ошибки при этом в данном процессе не стоит.

Под вновь открывшимися обстоятельствами понимаются имеющие существенное значение для пересмотра вступившего в законную силу решения обстоятельства, существовавшие в момент рассмотрения дела, которые не были и не могли быть известны заявителю, а также обстоятельства, возникшие после вступления решения в законную силу, приравненные к вновь открывшимся [4, с. 8]. Такого же мнения придерживается и С.М. Ахмедов в своем исследовании, отграничивая их от юридических фактов и новых доказательств [3, с. 15–16].

Вновь открывшиеся обстоятельства следует рассматривать как юридические факты объективной действительности, образующие предмет доказывания, имеющие существенное значение для вынесения законного и обоснованного судебного решения, которые не были известны суду общей юрисдикции и заявителю на момент рассмотрения гражданского дела по существу, хотя и существовали.

В соответствии со ст. 392 ГПК РФ к вновь открывшимся обстоятельствам относятся:

1) существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю;

2) заведомо ложные показания свидетеля, заведомо ложное заключение эксперта, заведомо неправильный перевод, фальсификация доказательств, повлекшие за собой принятие незаконного или необоснованного судебного постановления и установленные вступившим в законную силу приговором суда;

3) преступления сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей, преступления судей, совершенные при рассмотрении и разрешении данного дела и установленные вступившим в законную силу приговором суда.

В данной статье остановимся подробнее на таком обстоятельстве, как преступления сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей, преступления судей, совершенные при рассмотрении и разрешении данного дела и установленные вступившим в законную силу приговором суда.

Верховный Суд РФ дал нижестоящим судам общей юрисдикции разъяснения в постановлении Пленума от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» [5]. В частности, вновь открывшиеся и новые обстоятельства могут являться основанием для пересмотра судебного постановления, если они имеют существенное значение для правильного разрешения дела.

Согласно п. 10 указанного Постановления Пленума ВС РФ судам следует иметь в виду, что «установленные вступившим в законную силу приговором заведомо ложные показания свидетеля, заведомо ложное заключение эксперта, заведомо неправильный перевод, фальсификация доказательств являются основанием для пересмотра судебного постановления, если они повлекли принятие незаконного или необоснованного судебного постановления (п. 2 ч. 3 ст. 392 ГПК РФ). Преступления сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей, преступления судей, совершенные при рассмотрении и разрешении дела и установленные вступившим в законную силу приговором суда (п. 3 ч. 3 ст. 392 ГПК РФ), являются основанием для пересмотра судебного постановления независимо от того, повлияли ли эти обстоятельства на результат рассмотрения дела.

Обстоятельства, перечисленные в абзаце первом и втором настоящего пункта, установленные определением или постановлением суда, постановлением следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела за истечением срока давности, вследствие акта об амнистии, в связи со смертью обвиняемого или недостижением лицом возраста, с которого наступает уголовная ответственность, также могут служить основанием для пересмотра судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам, если суд признает эти обстоятельства существенными для дела (пункт 1 части 3 статьи 392 ГПК РФ)».

Основанием для пересмотра по указанным вновь открывшимся обстоятельствам должен служить приговор по определенным статьям Уголовного Кодекса РФ (Далее – УК РФ). Примерами таких статей являются ст. 304, 305, а также другие статьи УК РФ, в первую очередь из гл. 31 «Преступления против правосудия» и преступления против государственной службы.

Главной особенностью является то, что только в случае подтверждения приговором суда, вступившим в законную силу, преступные деяния лиц, участвующих в деле, являются основанием для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам. При наличии у заявителя постановления суда, прокурора, следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела за истечением срока давности, вследствие акта об амнистии или акта о помиловании, по причине смерти обвиняемого или недостижения им возраста, с которого наступает уголовная ответственность (т.е. по нереабилитирующим основаниям), высшие судебные инстанции прямо предоставляют нижестоящим судам возможность расценить изложенные в таких правоприменительных актах факты в качестве существенных для дела обстоятельств, которые не были и не могли быть известны заявителю.

Следует отметить определение Верховного Суда РФ от 28 декабря 2015 г. № 303-ЭС14-5813 по делу № А59-1705/2012, в котором сказано, что «приводимое заявителем обстоятельство (выявленное в процессе расследования уголовного дела подписание договора и акта о передаче продавцу товара, являющегося предметом оспариваемого договора, от имени владельца неуполномоченным лицом, что указывает на отсутствие товара и невозможность передачи его по оспариваемому договору должнику) не является вновь открывшимся и не влечет пересмотра постановления от 30.10.2013, поскольку не подтверждено надлежащими процессуальными документами (приговором суда или постановлением досудебных органов об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям)» [6].

Таким образом, Верховный Суд РФ, с одной стороны, допустил пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам на основании постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, а с другой – подчеркнул нереабилитирующий характер такого правоприменительного акта. Примечательно, что ранее Высший Арбитражный Суд РФ также допускал

пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам в отношении постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по реабилитирующим основаниям.

При этом нельзя не отметить, что общая судебная практика учитывает как основание для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам только вступивший в силу приговор суда по уголовному делу в отношении одного из участников судопроизводства, тогда как иные акты учитываются судом в качестве вновь открывшихся обстоятельств исключительно исходя из уникальной совокупности фактов отдельно взятого дела, в рамках которого поставлен соответствующий вопрос о пересмотре.

Вместе с тем было найдено три судебных акта кассационных судов общей юрисдикции, в которых установлено, что изложенные в постановлении следователя об отказе в возбуждении уголовного дела сведения могут служить в качестве оснований для пересмотра судом гражданского дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

В частности, в определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 апреля 2020 г. по делу № 88-5881/2020 [7] в качестве таких обстоятельств названы недостоверные почтовые реестры корреспонденции; в определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30 апреля 2020 г. № 88-11329/2020 [8] к ним отнесены обстоятельства изготовления копий распоряжения сельской администрации; в определении Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 4 августа 2020 г. № 88-4099/2020 по делу № 2-6199/2018 [9] в их числе приведены обстоятельства нарушения процедуры дисциплинарного производства в отношении адвоката. При этом в упомянутом определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции был признан законным пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам, произведенный Пермским краевым судом в апелляционном определении от 9 декабря 2019 г. на основании сведений из постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием в деянии лица состава преступления (т.е. по реабилитирующему основанию).

Для устранения сложившейся правовой неопределенности по вопросу о пересмотре судебного акта по гражданскому делу по вновь открывшимся обстоятельствам на основании постановления об отказе в возбуждении уголовного дела необходимо изложить абз. 3 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» в следующей редакции: «Обстоятельства, перечисленные в абзаце первом и втором настоящего пункта, установленные определением или постановлением суда, постановлением следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела за истечением срока давности, вследствие акта об амнистии, в связи со смертью обвиняемого или недостижением лицом возраста, с которого наступает уголовная

ответственность, либо об отказе в возбуждении уголовного дела за истечением срока давности, в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого, в связи с недостижением лицом возраста, с которого наступает уголовная ответственность, также могут служить основанием для пересмотра судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам, если суд признает эти обстоятельства существенными для дела (пункт 1 части 3 статьи 392 ГПК РФ)».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // РГ. 04.07.2020. № 144.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 18.11.2002. № 46.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» // РГ. 21 декабря 2012 г. № 295.

4. Определение Верховного Суда РФ от 28 декабря 2015 г. № 303-ЭС14-5813 по делу № А59-1705/2012. [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел «Arbitr.ru». URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/c4ab3069-8826-4b05-b5a5-b02dd6070998> (дата обращения 10.01.2023).

5. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 апреля 2020 г. по делу № 8Г-4398/2020. [Электронный ресурс] // Архив судебных решений ИПС «Гарант» (дата обращения: 13.01.2023).

6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30 апреля 2020 г. № 88-11329/2020. [Электронный ресурс] // Архив судебных решений ИПС «Гарант» (дата обращения: 13.01.2023).

7. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 4 августа 2020 г. № 88-4099/2020 по делу № 2-6199/2018. [Электронный ресурс] // Архив судебных решений ИПС «Гарант» (дата обращения: 14.01.2023).

8. Ахмедов С.М. Производство по пересмотру судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам в системе пересмотра судебных актов в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 28 с.

9. Завриев С.С. Пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам решений, определений, постановлений Президиума суда надзорной инстанции, вступивших в законную силу в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 27 с.

Об авторе

ЦВЕТКОВ Никита Алексеевич – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, ул. Желябова, 33), e-mail: tsvetkov.nik@inbox.ru

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРИЗНАНИИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ЗАВЕЩАНИЯ

Н.Д. Шадрин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н, профессор Л.В. Туманова

Автором рассматриваются особенности процесса доказывания и видов доказательств, которые представляются в рамках гражданского дела по иску о признании завещания недействительным.

Ключевые слова: гражданский процесс, доказательства, доказывание, наследование, наследование по завещанию, признание завещания недействительным.

Доказывание в гражданском процессе – это предусмотренная процессуальным законом деятельность лиц, участвующих в деле по истребованию и предоставлению судебных доказательств, которые обосновывают их требования или возражения по конкретному делу. Как указано в ч. 1 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), Каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом [4]. Значение процесса доказывания для гражданского судопроизводства нельзя переоценить: именно через него стороны обосновывают с помощью фактов свою процессуальную позицию, представляя ее верную и заслуживающую внимания суда.

Обязанность доказывания складывается из представления доказательств, подтверждающих те обстоятельства, на которые ссылается сторона, и убеждения в них суда. Для того чтобы суд принял правильное решение, мало представить доказательство, например, вызвать свидетеля в суд для дачи показаний. Важно так построить его допрос, чтобы суд убедился в достоверности и в значении его показаний для разрешения дела. Аналогично сторона, приводящая доказательства недостоверности доказательств, представленных противоположной стороной, обосновывает достоверность своей правовой позиции.

Для более подробного изучения особенностей доказывания в данной категории дел, необходимо определить, какие дела вытекают из наследственных правоотношений. На сегодняшний день процессуалисты выделяют две категории дел:

1. Дела, которые рассматриваются по правилам искового производства.
2. Дела, которые рассматриваются по правилам особого производства.

К первой категории относятся дела о признании завещания недействительным, дела о праве на наследство и о разделе наследства, а также иные подобные споры.

Ко второй категории относятся дела по заявлениям о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении, дела об

установлении факта принятия наследства и места открытия наследства, дела об установлении родственных отношений, факта нахождения на иждивении и других, имеющих юридическое значение фактов.

Вне зависимости от вида производства суд в первую очередь должен получить доказательства, подтверждающие смерть наследодателя. Таким доказательством признается свидетельство о смерти. Данное свидетельство выдается органами ЗАГС по месту смерти наследодателя. Свидетельство чаще всего выдается на основании медицинских документов, но также основанием может являться решение суда об установлении факта смерти лица.

По общему правилу нотариально удостоверенное завещание должно быть написано завещателем или записано с его слов нотариусом. Нотариус удостоверяет завещания дееспособных граждан и лично представленные ими нотариусу [1]. Также завещание должно быть собственноручно подписано завещателем. Стоит помнить, что в некоторых случаях закон позволяет применить иной порядок составления завещания. Соответственно суд, при исследовании завещания будет проверять законность составления такого завещания. Будут исследованы правоспособность и дееспособность завещателя, завещаемое имущество, факторы, которые могли ввести завещателя в заблуждение. Обычно завещание признается недействительным при нарушении интересов наследников, имеющих право на обязательные доли, или, например, когда умерший гражданин распорядился имуществом, принадлежавшим не только ему, но и другому лицу [6, с. 265].

Предмет доказывания – это обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела по существу, определяемые судом исходя из требований и возражений участвующих в деле лиц [5, с. 422]. В каждом конкретном случае будут свои обстоятельства, входящие в предмет доказывания, вместе с тем можно выделить примерный перечень для отдельных категорий дел, возникающих из наследственных правоотношений.

Так, по делам о признании завещания недействительным в предмет доказывания будут входить следующие обстоятельства:

1) наличие завещания, составленного в соответствии с предъявляемыми к нему законом требованиями;

2) смерть наследодателя (ч. 2 ст. 1131 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)) [3];

3) факт открытия наследства (наследство открывается после смерти наследодателя, до открытия наследства оспаривание завещания недопустимо);

4) недействительность завещания (вследствие обстоятельств ст. 175–179 ГК РФ [2]);

5) наличие наследников, располагающих правом на обязательную долю в наследстве (ст. 1149 ГК РФ) и другие обстоятельства.

Доказательствами по данной категории дел будут:

- завещание;

- свидетельство о смерти наследодателя; доказательства того, что наследодатель не понимал значения своих действий и (или) не мог ими руководить при составлении завещания (например, заключение эксперта);

- документы, подтверждающие родственные или свойственные (супружеские) отношения;

- документы, подтверждающие нетрудоспособность детей или супруга, факт нахождения на иждивении, содержащие другие доказательства [6, с. 254].

Заключение эксперта является одним из равноценных доказательств наряду с другими доказательствами и подлежит оценке в совокупности со всеми собранными по делу доказательствами. Суд оценивает все представленные доказательства по правилам ст. 67 ГПК РФ по своему внутреннему убеждению, при этом никакие доказательства не могут иметь для суда заранее установленной силы. Здесь возникает еще одна проблема. Согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» [8] судам следует иметь в виду, что заключение эксперта, равно как и другие доказательства по делу, не являются исключительными средствами доказывания и должны оцениваться в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами.

Как правило, по делам о признании завещания недействительным по пороку формы суды назначают почерковедческую экспертизу с целью подтверждения или отрицания наличия порока формы завещания. По общему правилу законодательно не закреплено обязательное проведение экспертизы при оспаривании завещания, то суд в каждом конкретном случае исследует целесообразность назначения и проведения экспертизы. Оспаривание завещания по основанию наличия порока формы предполагает проведение почерковедческой экспертизы, поскольку, чаще всего, истец строит свои доводы на том, что завещатель не лично подписывал завещание или подписывал его под влиянием каких-либо сбивающих факторов.

Так, в решении Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 2-827/2019 от 23.07.2019 года суд отказал в удовлетворении требований истца о признании завещания недействительным по основаниям, что подпись в завещании выполнена не самим завещателем, либо им, но в необычных условиях (истец ссылаясь на плохое состояние здоровья) [11]. Судом была назначена почерковедческая экспертиза. Эксперт сделал однозначный вывод, что подпись в завещании принадлежит умершему наследодателю, а признаков выполнения подписи в необычном условии (состоянии) не обнаружено. В последующем стороной истца было заявлено ходатайство о назначении психиатрической экспертизы и приобщении заключения специалиста. Суд обоснованно отказал в удовлетворении заявленных ходатайств, поскольку у суда не было оснований не доверять заключению экспертов, так как в его распоряжение были представлены все имеющиеся в материалах дела доказательства: медицинская документация, свободные образцы почерка и подписи.

В судебной практике бывают иные случаи, когда истцам удается доказать факт подделки подписи наследодателя в завещании [10]. Совершение завещания от имени наследодателя иным лицом является основанием для признания завещания недействительным, поскольку соответствующее волеизъявление наследодателя по распоряжению имуществом на случай смерти отсутствует. Юридически значимым обстоятельством в таком случае является установление принадлежности подписи в завещании наследодателю.

Психологическая экспертиза весьма распространена в делах, где нужно оспорить завещание и признать его недействительным [7, с. 35-40]. Данная практическая деятельность способствует определению у субъекта каких-либо психоэмоциональных отклонений, которые, в свою очередь, могут повлечь неосознание последствий своих поступков и напрямую указывает на отсутствие дееспособности лица. Необходимость назначения экспертизы определяет суд. В настоящий момент каких-то сублимирующих способов на альтернативу указанной деятельности (психологическая экспертиза) не было найдено.

В рамках вопроса признания завещания недействительным необходимо обратиться к позиции Верховного Суда Российской Федерации. Согласно п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 года № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» во всех случаях, когда по обстоятельствам дела необходимо выяснить психическое состояние лица в момент совершения им определенного действия, должна быть назначена судебно-психиатрическая экспертиза, например, при рассмотрении дел о признании недействительными сделок по мотиву совершения их гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими [9].

В деле 2-360/2017 истец указывал, что на момент составления завещания завещатель не могла понимать значение своих действий и руководить ими, поскольку страдала заболеванием, то есть не была способна понимать значение своих действий или руководить ими. Для разрешения вопроса о психическом состоянии лица в момент составления оспариваемого завещания, судом была назначена посмертная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. Согласно заключению комиссии экспертов, на момент оформления завещания гражданка страдала хроническим психическим расстройством. Также данный вывод подтверждался показаниями свидетелей со стороны истца. Несмотря на то, что в ходе судебного разбирательства были заслушаны показания свидетеля со стороны ответчика, суд пришел к выводу о том, что к данным показаниям следует отнестись критически, поскольку свидетель редко общался с наследодателем, их общение являлось поверхностным и формальным, кроме того, показания свидетеля противоречат иным собранным по делу доказательствам; суд удовлетворил требования истца о признании завещания недействительным.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 05.12.1994 г. № 32. ст. 3301; СЗ РФ. 03.12.2001 г. № 49. ст. 4552.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ 18.11.2002 г. № 46. ст. 4532.
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-I // РГ.13.03.1993 г.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // РГ. 26.12.2003 г. № 260.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2008 года № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // РГ 02.07.2008 г. № 140.
6. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 апреля 2017 г. №41-КГ17-2 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2023).
7. Решение Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 23 июля 2019 года по делу №2-827/2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2023).
8. Гражданский процесс: учебник / под ред. М. К. Треушникова. М.: Городец-Издат, 2013. С. 422.
9. Наследственное право: учебное пособие / Р.Ю. Закиров, Я.С. Гришина, М.М. Махмутова. М., 2020. 288 с.
10. Ралько В.В. Порядок оформления завещаний: проблемы теории и практики: сборник материалов // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. №1. С 35-40.

Об авторе

ШАДРИН Никита Дмитриевич – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, ул. Желябова, 33), e-mail: nikitashadrin2000@mail.ru